

Фонд №	2
Дело №	112
Связка №	
Опись №	1

НИЛ "Мем. и л. М. кав"
АРХИВ
 в 2 оп 1 N 112

Фонд № 2

КОЛЛЕКЦИЯ МЕМУАРОВ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОЛЛЕРТИНСКИЙ, ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ

"КУДА БОГ СМОТРИТ" - воспоминания. 1984 год,
 Сосногорск. Машинопись, второй экземпляр.,
 в переплете.

Фонд №	2
Дело №	112
Связка №	
Опись №	1

На 250 листах
ХРАНИТЬ ПОСТОЯННО

В.Е.СОЛЛЕРТИНСКИЙ

КУДА БОГ СМОТРИТ

Часть I

ПРЕДИСЛОВИЕ

- 1984 -

НИПЦ "МЕМОГРАЛ"
Архив
Фонд № 2
Слов № 1
Дело № 112
Копия №

Каждо имеет право излюблен, божье слово им, отъкъ не
 замечается в немъ никакаго отъка, и въ то же время, оно
 само излюблено; но тут вѣрнее предположить, что такъ оно и есть,
 что известно всемъ живущимъ людям, и что всемъ известное сообщается
 черезъ одно-дво посредника, и вотъ что-то, что вѣрно только имъ,
 и только имъ; нечестно сообщать объ этомъ можетъ выказывать только
 тайная гордость, но особенно будетъ, такъ будетъ, такъ предположить
 развращенный духъ и необыкновенно возвышенной потребности поддаться
 некоторымъ особенностямъ.

Воспитанный на великой русской литературе, котора была
 службой вѣрному основанной честности отъкъ великихъ литературныхъ,
 Карамзина русской словесности протопопа Кавказова, Карамзина, Гер-
 цина, чудеса Бугаилова и Илюминатора, и такихъ критиковъ? Тре-
 бования общаго приличия предвѣщаютъ воздержанна отъ реченнаго
 очинительствѣ. Но тутъ вѣрно Колленинъ (Удѣлъ котораго, Кавказо-
 графия, №, 1787) со своимъ утверждениемъ, что никакая автобиографія
 не есть великое литературное, и котора образовалась отъка особен-
 ности, — посылать, малорное, можетъ быть сообщенна.

Все, о чемъ будетъ рассказано ниже, будетъ изложено только
 въ обществѣннѣмъ видѣ котора, а в то же время, когда русская будетъ
 отличаться в обществѣ какъ видѣ, а котора котора неосредственно
 сообщаются на прикладъ, русская отъкъ будетъ основана на не только
 чѣмъ двукратнаго пересказаннаго сообщеннаго обществѣннѣмъ какъ участника
 обществѣ какъ обществѣ техъ видѣ, котора обществѣ обществѣ.

Каждо имеет право излюблен, божье слово им, отъкъ не замечается в немъ никакаго отъка, и въ то же время, оно само излюблено; но тут вѣрнее предположить, что такъ оно и есть, что известно всемъ живущимъ людям, и что всемъ известное сообщается черезъ одно-дво посредника, и вотъ что-то, что вѣрно только имъ, и только имъ; нечестно сообщать объ этомъ можетъ выказывать только тайная гордость, но особенно будетъ, такъ будетъ, такъ предположить развращенный духъ и необыкновенно возвышенной потребности поддаться некоторымъ особенностямъ.

справки и указания Котора, употребителю и произвольности произвольности
 как Которой он не знает, так она произвольна,

Собственно произвольности не знает,

ПРЕДЛЖЕНИЕ 2.

Котора предлагает, что частные свойства частной науки есть са-
 мостоятельность, которая не имеет частности быть произвольна как
 частна, так просто как $\frac{1}{2}$ есть, и следовательно частна частна
 имеет быть произвольна так, что будет частна произвольности произ-
 воляющей частна ит, так, которая частна частна частна как са-
 мостоятельна частна, и предлагает, что все происходит произвольна, так,
 как частна частна частна частна (частна частна), Котора не
 знает отна на Которой произвольна; не знает; не она частна будет.

ПРЕДЛЖЕНИЕ 4.

Литературная часть Котора частна и частна, но производна произ-
 воляющей частна он будет частна без произвольности; частна и частна -
 и частна будет то, что производна, Частна, и Которой частна частна
 частна частна частна частна (тоже частна без произвольности), но она
 производна производна у Котора но производна частна от частна на частна-
 стна и производна его производна частна частна. Произвольна частна
 будет производна частна на частна (тоже частна), Произвольна частна
 частна Котора не знает и она производна производна частна производна
 частна отна на Котора,

ПРЕДЛЖЕНИЕ 5.

Частна частна не производна частна как в частна-частна
 частна производна частна с частна частна как бы то на частна частна частна
 производна, как частна производна Котора и производна от
 частна, как Котора производна производна, что производна отна, не-
 знает частна, производна на $\frac{1}{2}$ производна.

СЛАДКОЕ ПИЩАНО

Безусловно, кондитерское искусство, когда речь идет о нем, было, и остается, более развито в Германии, нежели в России, и дело кондитерского искусства принадлежит к числу тех, которые в России появились сравнительно недавно, чему виной уже был климат, и, конечно, отсутствие необходимых для этого сырья (сахара в 18 веке), так в первой половине 19 века в кондитерском ремесле появились потребности в некоторых иностранных специях, как например в кофе, но оно появилось не раньше 1850 г. В то же время, проводя курс кондитерского искусства в России в духе единства с православной верой.

Безусловно, кондитерское искусство от греческого и, разве, латинского происхождения, так между дальнейшим продвижением кондитерского искусства от латинского слова *sollertius, sollertius*, что значит "искусный", "умелый", "хитрый", "сладкий".

Вот откуда пошла СОЛЕРТИНОСНЕ по легенде.

СЛЫ И ВРД СЛЫ.

В дальнейших моих изысканиях - конечно, объясняемых той же самой жадностью и провоцированной не внимательностью: мне многое рассказывали, многое обсуждали между собой семьи, но все это забывается. И сейчас осталось в памяти только отрывок воспоминаний о сыновьях потомственного дворянства в царские и советские времена, под Петербургом, в семье Петербурга, в торговле сыновьями под Москвой (Вгоровском). Впрочем, эти воспоминания, возможно, относятся к роду бабушки Анны Александровны, Тихоновны и доминанты.

В конце 19 - начале 20 века в Петербурге жили двое очень известных Соллертинских: Иван Васильевич, преподаватель зоологического факультета, доктор, и Сергей Александрович, профессор Петер-

бургской духовной Академии и преподавал одной из отдаленных и популярных в народе церквей. Отношения между отцом Солдартинскими мне неизвестны; я повторюсь не утомляясь, если удастся, встретившись с одним из Солдартинских, живущих сейчас в Ленинграде.

Сын ректора, тоже Иван Иванович, человек редкой образованности и культуры, был потом профессором Ленинградского консерватории, руководителем филармонии⁸. Он много сделал для отъезжающих и развития музыки в Ленинграде, которое и сейчас так привлекает своим необычным лицом, что музыковедческие работы до сих пор не утрачивают значения. Я о нем ничего не знаю, кроме того, что известно о нем из литературы и рассказов К. Андронникова, чему причиной обиды начала 1900-х. Тогда К.И., ректор, служил губернатором в Астрахани и в каком-то, обычном для тех лет работнич. допустил стрельбу по демонстрации рабочих. Сергей Александрович был демократичнее и олицетворял идею начинавшейся революции. Получив известие об этой расстреле на улицах Астрахани, он не веря док ругаясь свои гражданские бороды и вопреки воле своим домашним ехал бы то ни было обвенчаться с К.И. и его семейством. Как тогда говорили, так Солдартинские "перестали подавать руку". Обвинение между этими же рода тогда прекратилось и больше не возобновилось.

В словаре Брокгауза и Ефрова (том XIII-а, книга 60, полутом 2, стр. 756), изданном в СПб в 1900 году, есть статья, посвященная С.И.; статьи, посвященной К.И. в этом словаре я не нашел.

СОЛДАРТИНСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, мой дед, родился около 1845 года в потомственном дворянском семье, вероятно, петербургской. Все дальнейшее о нем будет моей сводкой тех сведений, которые получены мной в разное время от моих старших родственников. Здесь будет упомянуто только то, что не раз повторялось в разное

⁸ Он знал больше 20 языков европейски и восточно-азиатски.
8 мая 1941. *Почти К.И. Солдартинского, 1845-1918.

время и разными людьми. Ное-что будет и почерпнуто^и из литературы, впрочем, по этому вопросу очень небольшой.

В 17 или 18 лет он кончил гимназии (или семинарии) и поступил в университет, где пробыл только один или два курса, когда обнаружилось его участие в работе одного из социалистических кружков, причем, самого "экстремистского", как сказали бы сейчас, толка. Семья была известна своей интеллигентностью и лояльностью и имела связи в высоких сферах, поэтому, когда стало ясно, что ареста не избежать, в судьбе С.А. принял участие товарищ министра внутренних дел и посоветовал немедленное поступление в духовную академию, которая была почти экстерриториальна в области юридической. Поскольку такой переход не противоречил семейной священнической традиции, он был сделан. В 1871 году С.А. закончил курс академии отлично и тут же был избран доцентом по кафедре педагогики. Магистерскую диссертацию он защитил в 1883 году, докторскую в 1889 г., а с 1884 года был профессором Академии.

Женился он около 1865 года на Анне Алексеевне Тихомировой, тоже из священнической семьи, и к началу века жил в квартире из 14 или 15 комнат, если не ошибаюсь, на Шпалерной (ныне ул. Воинова).

Его научные интересы охватывали область экзегезы, оснований веры, дидактики. Я читал его работы по педагогике, исследование о нирване, просматривал (не умея прочитать тогда) толкование синолитических Евангелий, где переплетались цитаты греческие, древнееврейские (или арамейские?), церковнославянские. Ясная и точно изложенная мысль, прекрасный русский язык, напоминавший нам, что были в российской литературе Карамзин и Пушкин, отличают эти работы. Ясность сложной мысли и сейчас случается в литературе, но таким языком почти не пользуется, возможно, по неумению.

Он имел едва ли не все возможные награды церковные, включая, кажется, даже золотой крест, и несколько высоких светских орденов, и был весьма популярен в верхах петербургской интеллигенции. В доме бывали Боткин, Павлов и другие известные люди. В церковных вопросах он был модернистом и играл заметную роль в движении обновленчества; его и сейчас упоминают при описании событий в православной церкви (История и теория атеизма. М., Мысль, 1982, стр. 219).

Натурой отец протоиерей Сергей обладал гиперболической, какие можно найти у Лескова, хотя, конечно, предметы, на которых и способы, которыми проявлялась эта гиперболичность, были не столь просты как таковые у Ахиллы Леснищина. Семейная память сохранила экстраординарное из его жизни; вот кое-что из того, что рассказали мне.

Студент, проходящий курс классических наук (древние языки, всемирная философия), как уже говорилось раньше, принимает деятельное участие в работе террористического кружка.

Обладатель глубокого, сильного и летучего баса, музыкальный от природы, этот студент университета или духовной академии всю вторую половину дня проводит за кулисами Мариинского театра, поет любиме подходящие к его голосу партии и иногда поет ведущие оперные партии за артистов, почему-либо не явившихся на спектакль. Его не смущает, что такое поведение не соответствует нормам этики и эстетики потомственно священнослужительской семьи.

Продвигаясь по иерархической лестнице священничества, он в 1903 году был полковым священником одного из привилегированных полков (семеновском?) или был приглашен для произнесения проповедей перед строем полка. Такую проповедь перед строем в январе 1903 года, когда полк послали на улицы Петербурга для расстрела известной демонстрации, возглавляемой Галлоном, он построил на тему заповедей "не убий". Он напомнил солдатам, что против них будут

стоять такие же православные русские мужики как и сами солдаты. Полк вышел на место, которое было назначено командованием, но стрельбу не открыл. Светские власти были бессильны в этом случае, а церковные, очевидно, не поддерживали эту карательную санкцию. Эпизод не имел никакого влияния на дальнейшую карьеру С.А.

Протоирей, ученый богослов, он поддерживал морально и материально агитационно-революционную работу Антонины Павловны (о ней - ниже).

В семье было пятеро детей: Владимир, Павел, Анна, Александра и Евгений - мой отец (в порядке старшинства). В начале 1900-х вот в каком положении они были.

Владимир - офицер одного из столичных полков. Ведет жизнь беспорядочную, сильно пьет.

Павел - начинающий военный врач, м.б. еще не закончивший образования: в японской войне он не участвовал.

Анна только что закончила гимназию и года два живет во Франции и Швейцарии, совершенствуется во французском и французской литературе.

Евгений - гимназист старших классов.

Александра заканчивает гимназический курс, готовится к поступлению на Высшие женские курсы.

В семье были еще два члена ее, не родственные по крови ей. Антонина Павловна Бугрова, молодая и энергичная женщина, дочь известного поволжского миллионера, осевшая в этой семье по ряду обстоятельств, в подробностях мне неизвестных, и Ольга, чуточку дефективная девушка из Опеченского Посада, которая была и членом семьи, и нянькой при малых детях.

Семья была хорошо обеспечена. Я помню тяжелую резную мебель, мягкие ковры в комнатах, где ковры, обивка мебели и обои были подобраны по тону и рисунку. В кабинете деда был громадный

темный стол, глубокие и тяжелые кресла, обтянутые кожей. Было достаточно прислуги, постоянно живущей в доме и приходящей. С.А. позаботился и о недвижимости: были небольшие имения (от одной до нескольких десятин) с садом, огородом, жилим домом и необходимыми хозяйственными постройками в Спеченском Посаде, Сестрорецке, Головинке (под Сочи). Это были благоустроенные дачи, безвыходные, но при желании их можно было использовать и с выгодой.

Вихрь войны и революции разметал семью по белу свету, все ее члены исполнили веления судьбы, каждый - своей. Пунктирно или в эпизодах я некоторые судьбы потом отмечу.

Владимир застрелился в 1912 или в 1913 году. Антонина Павловна много лет спустя говорила, что последней причиной его самоубийства был ее отказ выйти за него замуж.

В решающей для страны и поворотной для мира 1917 года С.А. остался в Петербурге (тогда уже Петрограде) с одной только Анной, вернувшейся из своих заграничных поездок.

Павел - на фронте и только изредка приезжает на день-два (и, трехлетний, я помню один его такой приезд). Александра в Восточной Сибири с мужем, который строит там дороги для военных или гражданских нужд. Семья женившегося Евгения живет отдельно, а сам Евгений в полярной экспедиции.

Голод поступает вплотную, бит и экономика разрушаются на глазах. Анна бежит с митинга на митинг, где выступает Ленин и где говорит Керенский. Не имея собственной идеи, она то готова бежать и записываться в сестры милосердия, чтобы вести войну с германцами до победы, то так же готова засучив рукава начать разрушение старого мира. Никто ничего не знает, все стало непонятным и невероятным.

В это время кн.Е.Трубецкой заканчивал работу над своим

трактатом "Смысл жизни" (Москва, 1918) и, возможно, дух предисловия к книге отражал восприятие происходящего Сергеем Александровичем: крушение вещей, ведущее к крушению духа.

Он умер в 1917 году от брюшного тифа, распространившегося в голодной Москве и похоронен в Александро-Невской лавре.

Тот жил и умер, та жила

И умерла, и эти жили

И умерли; к одной могиле

Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,

И видно в ней, кого убили

И кто убил: на мертвой пали

Горит печать добра и зла.

Поверх земли мнутесь тени

Соведших в землю поколений;

Им не уйти бы никуда

Из наших рук от самосуда

Когда б такого же суда

Не ждали мы невесты откуда.

Арс.Тарковский

июль 1983 .

МАРК АВРЕЛИЙ

Леду Веру я обязан сердечностью и незлобностью.
(Наедине с собой. I:I)

В этом разделе я скажу о людях, уже упоминавшихся выше, тех кто имел участие в моем человеческом становлении и развитии, которое началось Бог знает когда и продолжается до сих пор.

Анна Сергеевна

Проведя несколько лет за границей, она, считалось, совершенствует свои знания во французском и французской литературе, слушая лекции в Сорбонне и Цюрихе. Но, хорошенькая и легкомишленная, она не перетруждала себя сидением в аудиториях, флирт и божественные приключения (впрочем, довольно скромные) заняли добрую долю времени в этих ее поездках. Она действительно стала знатоком в предмете, однако диплома Сорбонны или Цюрихского университета не имела. Вся последующую жизнь она преподавала французский и литературу в разных учебных заведениях и была ценна за свои знания.

После смерти С.А. в 1917 году она одна осталась на семейном пепелище. Злые родственные языки говорили, что она распорядилась всем оставшимся имуществом, что поменяв на еду, что попродав, в том числе и семейные ценности. Я этим никогда не интересовался, но зная, что жила она скромно.

Она принимала участие в определении нас с братом в детский дом после смерти матери в том же 1917 году, навещала меня там, но почему-то не хотела вспоминать об этом, когда я ее после спрашивал.

Я близко познакомился с ней после 1950 года, когда она уже много лет прожила в Боровичах, куда была выслана из Ленинграда в самом начале войны. Если не причина, то поводы для высылки

были куда как достоверны по тем временам: социальное происхождение, брат и племянник в лагере - все нехорошо, да она по заграницам ездила. После 1953 года, когда произошло что-то разужное в действительных администрации, она принимала какие-то меры к возвращению в Ленинград, но плохо разбиралась в устройстве бюрократической машины, доказала что-то не то. Многие тогда вернулись в город, ей это не удалось.

Жила она в Боровичах скромно, занимая небольшую комнату в деревянном провинциальном доме, преподавала в Боровичских техникумах, общалась понемногу с соседями, не опускалась до склок, а в летние месяцы ездила по родным и знакомым в Ленинград, Москву, Игорьевск. С 1954 года в Посаде (20 км от Боровичей) жил мой отец. Он часто бывал у нее, они были друзьями с раннего детства. В этом доме был рояль, на котором некому было играть, и в свои приезды отец отводил душу, играя на нем свои любимые вещи. Сама тетя Анна не была музыкальна, но с удовольствием слушала и гордилась вниманием окрестных жителей к отцу и его музыкальным занятиям. У нее была небольшая библиотека со вкусом подобранных книг, половина которых была на французском. Мы с ней подружались, и я, навещая во время своих отпусков отца, всякий раз заезжал и к ней. Иногда мы вместе с ней ехали в Посаду; у меня есть плохонькие мои снимки ее и отца, сделанные в Посаде.

Она как-то сразу одряхла в 1960 году и весной 1961 года умерла. Я был вызван соседями ее по дому, вовремя не поспев, и приехал дней через пять после похорон. Хозяйка ее дома встретила меня рассказом о том, как А.С. за несколько дней до смерти сидела у своей печки и одну за одной жгла в ней облигации 3% займа. На мой вопрос, почему же она не воспрепятствовала А.С. в этом занятии, хозяйка стала сооружать какой-то экзпроит, но инвентаря была полна джозананзов, и было ясно, что далеко не все облигации были сожжены. Я сделал вид, будто поверил рассказу, и был те

несколько дней, что я пробыл в Боровичах, кормил, поил и даже угощаем коньяком.

Вещи А.С. я велел отдать нуждающимся, из книг отобрал десятка два французских, которые потом отвез и доктору Мише (потом он появится в этом изложении), а небольшой сундучок с бумагами А.С. просмотрел тщательнейшим образом, надеясь найти там семейные или исторические реликвии. Из семейного там оказалось несколько серебряных ложек с монограммой Анны Алексеевны, моей бабушки, с датой на них "1850" и письмо от брата Евгения (моего отца), писанное им в 1904 году, где он сообщал ей о том, что война с японцами неизбежна, и что Сергей Александрович приобрел имение в Головинке (под Сочи, на берегу моря). Там же нашлась сберегательная книжка с порядочным по тем временам вкладом, который я, сделав необходимые формальности, перевел на имя отца, наследника по закону. Все остальное не несло знака времени, флирт барышень Шумера или Урарту, вероятно, имел похожую документацию. Эти бумаги, иногда свойства очень интимного, я сжег. И когда их пожедал огонь, я, впервые в своей жизни, нутром ощутил тщету земного, хотя с высказываниями старика Еклезиаста был знаком давно.

С тех пор это знание стало моим внутренним знанием, уже не требующим словесных построений.

АНТОНИНА ПАВЛОВНА

Она была дочерью богатейшего поволжского купца-старообрядца Бугрова. В семье порядки были домостроевские, но все дети в этой большой семье проходили курс гимназического обучения. А.П. в конце 1890-х заканчивала саратовскую гимназию, которой тоже коснулись влияния демократических идей. Перед ней была вся иерархия отношений между богатством и бедностью от отца-миллионера до толпы оборванных и полуголодных бурлаков и грузчиков, и она тогда

же отдала все свои симпатии обездоленным и угнетенным. С категоричностью вности (каковая присуща была ей и до самого конца жизни) она решила посвятить все свои силы борьбе за освобождение народа от ига капитализма, и свое решение действительно исполнила.

Сразу после окончания гимназии, воспользовавшись помощью одного из приказчиков, она ушла из дома и укрылась на первое время в пригородном женском монастыре. Полиция была поставлена на ноги, но следствие не добралось до приказчика-соучастника, а настоятельница монастыря ^{куда полиция не могла войти по закону, на вопрос} отвечала незнанием (хотя надзор и дисциплина в монастырях жестки, и настоятель знает о своих пасомых все). Как только шум поутих, она принялась за агитационную работу, но знав - в составе какого-либо кружка или собственным иждивением. Ее несколько раз арестовывали, раз даже отправила по этапу к месту жительства, но она убежала и, продолжая свою работу, отправилась в Петербург, в центр начинавшейся революции. Оказавшись там году в 1906 или 1907, она пошла в "загул", что очень странно, но она сама потом об этом рассказывала. Зарабатывала она на жизнь стиркой и шитьем и, кажется, в доме Сергея Александровича она появилась на роли домработницы или горничной. Мне не известны подробности, но вскоре она поступила на Высшие женские курсы и была освобождена от домашней работы. С.А. предложил ей постоянное денежное содержание и приставил было к ней горничную, но она отказалась от помощи и продолжала зарабатывать стиркой и шитьем, хотя согласилась на пансион наравне с прочими членами семьи.

На Курсах она занималась хорошо; она подарила мне "Логик" проф. А.И. Введенского, и ее отметки в книге показывают, что она читала материал не для зачета, а как человек, который желает знать. Она продолжала свою агитационную работу, не тайла этого

факта от С.А., и он, желая облегчить ее жизнь, опять предложил ей постоянное денежное содержание с тем, чтобы она оставила свою черную работу ради заработка. Но она опять отказалась от помощи.

Она была хороша собой, энергична, целеустремленная, и оба старших сына С.А. ухаживали за ней. Она выбрала Павла и вышла за него замуж, вероятно, в 1912 г., однако, с условием, что брак будет расторгнут после рождения первого ребенка, поскольку она не желает, чтобы ребенок был воспитан по-господски и будет его воспитывать сама в традициях трудового народа. Тогда развод был возможен только с высочайшего дозволения, поэтому с рождением дочери Ирины в 1914 г. пришлось прибегнуть к высоким связям С.А., чтобы добиться развода.

Я многого не знаю из ее истории и не могу в подробностях рассказать о ее жизни и работе в последующем. Но свою агитационно-революционную работу она продолжала до 1920-х лет, по-видимому, завершив ее в 1922, когда была создана Закавказская федерация, где она участвовала во всей подготовительной работе. В 1921 или 1922 г. она узнала, что ее бывший муж Павел, оказавшийся на белой стороне, умирает от ран в Новороссийске. Она сумела перебраться через фронт, повидалась с ним, простилась и вернулась в Закавказье к своему делу. После революции и гражданской войны она работала на небольших должностях в Кремле.

Она никогда не была членом партии и работала по мандатам Советов в Поволжье и Закавказье, подчиняясь только своему чувству долга.

Я с ней познакомился около 1950г., когда она жила в Москве, в районе ВЛХ. Дом был старый, постройки 1930-х, когда было увлечение внедрением коммунистического быта. По обе стороны широкого коридора, заполненного газовыми плитами, сундуками, велосипедами

были расположены большие комнаты, в которых и размещались семьи - по одной в каждой комнате. Весь дом был пропитан запахом тесноты и бедности. А.П. с Ириной занимала одну такую комнату с полусамодельной мебелью, разгороженную шкафами. Тогда А.П. уже была пенсионерка, но вела какую-то общественную работу, а Ирина преподавала математику в московских вузах. Вскоре она переехала в небольшую благоустроенную квартиру в новом многоэтажном доме, а Ирина - в кооперативную на другом конце города. А.П., несмотря на то, что силы ее уже упали и зрение почти отказывало, сама вела свое домашнее хозяйство, хотя Ирина и приезжала раза два в неделю помочь ей в ее делах. Как персональный пенсионер и член общества старих большевиков, она могла пользоваться многими льготами, однако, она ограничивалась только самым необходимым: заказ продуктов по телефону, поликлиника, иногда - дом отдыха. На всякие встречи и вечера она решительно не ездила, считая такие демонстрации нарушением обета скромности. Прогрессирующая слепота лишила ее возможности читать газеты и она составила себе картину современного мира по передачам радиотрансляции. Она искренне считала, что капитализм задыхается в тисках перманентной безработицы, разрухи, забастовок и голода. Она высоко ценила наши достижения, часто переоценивала их, хотя и пеняла нашим "управителям" за то, что они оторвались от народа. Конечно, я не пытался спорить с ней. Она отошла от своей общественной работы и казалась совершенно отрешенной от окружающей жизни, однако когда моему сыну Жене надо было сделать сложную операцию на глазах в головном институте в Москве, и операция эта задерживалась из-за отсутствия мест в клинике, она быстро мобилизовала свои связи, и операция была сделана почти в назначенное время.

Им обей много говорили о старих семейных делах, о событиях современности, об ее работе во время революции, обсуждали пенси-

теициарную практику. Ей досталось порядочно терев и этапов, и она находила, что эта практика во времена царизма была более гуманна. В 1930-х, когда я жил в семье Шарковых, там был разговор о том, что Ирина, тогда заканчивавшая университет, ходит на лекции босиком. Я, смягчив обстоятельства, спросил у А.П. правда ли это. Она объяснила, что страна тогда все силы народа направила на индустриализацию хозяйства и никто не имел права разбазаривать на себя лишнее; поэтому, действительно, у Ирины не было туфель и она ходила на лекции в самодельных деревянных сандалиях. Во времена первых пятилеток царил всеобщий энтузиазм, я сам тогда, едва одетый и едва оутый, как большинство, работал не жалея сил. Но такое обострение сознательности было, все же, редким.

У нее был сын от другого, кажется, кратковременного союза. Он был летчиком и погиб на фронте. Сама она во время войны была эвакуирована в Свердловск, где работала в деле призрения и воспитания сирот и эвакуированных детей.

Она умерла в 1977г., сохранив ясность ума и души до последних дней своих. По ее просьбе Ирина положила ей на грудь бронзовый крест, принадлежавший С.А. в годы его давнего священничества, который я нашел в Посаде и без колебаний отдал ей, человеку более близкому С.А., чем неизвестный ему внук.

Преданность идее, кристальная честность, абсолютная искренность были присущи ей. В ней мне открылись некоторые черты духа народа, какие невозможно открыть в повседневном общении с толпой.

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

Она была младше моего отца (он родился в 1887г.) на несколько лет, прошла принятое тогда в интеллигентных семьях домашнее воспитание с французским и музыкой, закончила гимназию и посту-

пила на Высшие женские курсы. Курсы она не закончила, выйдя замуж за сына крепкого посадского купца и предпринимателя Владимира Александровича Шаркова, который тогда (около 1912 года) учился в петербургском Путевском институте.

Я не буду рассказывать о ранних годах истории этой семьи, поскольку сейчас в Москве живет со своей большой семьей В.В.Шарков, сын тети Шури и мой двоюродный брат. Геолог, кандидат наук и добрый человек, он сам расскажет об этих годах, если найдет нужным. Здесь о тете Шуре будет только то, что коснулась меня.

Познакомился я с ней, когда приехал в Москву после школы, чтобы поступить в ВУЗ. Я был очень запущен в смысле педагогическом, глубоко провинциален, темен во всем, что не проходило в школе. Я вошел в ее семью, скоро подружился со всеми и прошел курс воспитания, которого был лишен дома. Спокойная и несуетная тетя Шура без нотаций и взысканий за несколько лет выявила то человеческое, что было во мне от природы, пробудила жажду знаний. Бог есть любовь, и я - создание божье, а ангелом выделившим меня была тетя Шура.

Это было в 1930-1931. Жили мы в кооперативной квартире, не очень просторной, но вполне благоустроенной. Владимир Александрович тогда работал в Госплане СССР и, прекрасный работник и специалист, поднимался по служебной лестнице, А.С. вела домашние дела, Ера и Лёля, года на четыре моложе него, учились в школе, я - в техникуме. Тогда там появился М.А.Пешков, с которым отец познакомился еще до революции в Иркутске, молодой врач, выделившийся своими способностями и получивший приглашение работать в одном из столичных вузов институте. Молодой, красивый, грузноватый человек, подвижный и высокообразный, увлеченный пианист, он произвел на всех нас очень сильное впечатление. В семье

он стал называться доктором Мишей.

А.С. не была привязана к В.А. и все душевную свою энергию отдала нам, детям. Появление М.А. было вторжением нового, свежего и энергичного в спокойную атмосферу развивавшихся по своим медленным законам семейных отношений. Она полюбила доктора Мишу и перед войной покинула семью.

Она много лет принимала участие в его работах по генетике, проводившихся на бактериологическом материале, состояла в штате лаборатории, которую он долго вел в одном из институтов АН СССР и ее имя увековечено в истории науки: "Шаркова" заключает видное название бактерии, паразитирующей на рыбах, которую М.А. и она впервые описали, и которая оказалась хорошим материалом для генетических исследований.

Во время войны их эвакуировали в Алма-Ату, где им порядочно досталось бытовых и прочих трудностей. Вскоре после возвращения из эвакуации они поселились в отличной квартире в академическом доме и продолжали работу в том же институте. М.А. был талантливым человеком. Доктор, профессор, владевший почти всеми европейскими языками, автор работ и монографий, изданных во всех крупнейших странах мира, в частной жизни он был в высшей степени труден. Неряшливость, мелочность, вспышки скупости, способность свариться по пустякам совмещались с его талантами. Я, как и дети Шарковых, как потом и дети их детей были привязаны к нему и старались не замечать проявлений этих его качеств, хотя иногда сделать это было нелегко. Но тетя Шура многие годы не только жила в такой обстановке, но со своим обычным тактом умела и огладить остроту проявлений таких качеств М.А.

В свой летний отпуск я каждый год бывал у них и горня, набивая, как старость берет свое, как все труднее ей приходилось с доктором Мишей. Конечно, мы обсуждали разные дела, я многое

узнал о мире в этих обсуждениях, в которых ясный ум и грандиозные познания доктора Миши вносили иногда всемирную широту, но уезжал всегда с тяжелым сердцем.

Она умерла от неизлечимой, возможно, наследственной по женской линии, болезни в 1972 году, спокойно и достойно простившись со всеми близкими, в том числе и с Владимиром Александровичем, своим первым мужем.

ОПЕЧЕЧСКИЙ ПОСАД

Я хотел в этом разделе говорить только о льдах, которые участвовали в построении моего мировосприятия, но вот вижу, что есть и место на земле, которое тоже определило что-то в моем становлении, место, где переплелись многие нити судеб семей Соллертинских и Шарковых.

Опеченский Посад, который в семье именовали просто Посадом, место древнее. Он помнит и противолонские ополчения и набег опричников Ивана Грозного, когда царь распорядился в Новгороде (1570г.), гранитная набережная Мсты длиной в целую версту напоминает о посещении села Екатериной Великой и о мощи местных купцов, иждивением которых эта набережная выстроена.

Не одну сотню лет Посад, стоящий на реке Мста километрах в 20 выше Боровичей, был важным пунктом в цепи снабжения столицы империи продовольствием и лесом. Здесь собирался лес и товар с верховьев Мсты и сухопутным образом. Лес связывался в прочные плоты, а товары грузились на построенные тут прочные и крупные баржи с тем, чтобы по стремительной и порожиистой Мсте все это скатилось в Волхов и затем по Ладоге и Неве попало в Петербург.

Здесь сложились целые династии судостроителей, лоцманов, купцов и предпринимателей. Из семьи такого предпринимателя вышел и В.А.Шарков, ставший мужем тети Шури.

В Посаде было небольшое имение, скорее дача Соллертинских, куда на лето много лет выезжала семья Сергея Александровича, да и сам он бывал здесь, бабушка моя Анна Алексеевна похоронена на местном кладбище, здесь состоялся сговор моего отца с гимназической подругой Александры Сергеевны Ниной Лысен, моей матерью, здесь кончил свои дни и мой отец.

Здесь я пережил самое ясное лето в своей жизни, последнее мальчишеское свое лето.

Господский дом (4-5 комнат, обихожная мансарда) до послевоенных времен принадлежал тете Шуре, потом под давлением нужды или по настоянию властей был продан местному совету, а хозяйственные постройки числились за ней до самой ее смерти. В небольшом домике, который раньше был людской избой и кухней, с 1954 года жил мой отец.

Чистая и порожистая Мста, сосновые леса вокруг, поля и деревни, в названиях которых сохранился звук старинной русской речи, стали родными мне, хотя никаких ведных корней там у меня не осталось, уже не осталось.

Кто может умереть - умрет,

Кто выживет - бессмертен будет,

Пойдет греметь из рода в род,

Его и правнук не осудит.

Арс.Тарковский.

ХЕРСТ СТАРШИЙ.

Вы должны сообщать правду, только правду, и одну только правду. Но упаси вас Боже сообщить ВСЮ правду.

(Из поучений молодым журналистам).

Эта акула мирового капитализма была глупа или прикидывалась простоватой: получается, что никто не знает, что есть истина, а Херст - знает.

ОТЕЦ И НАША СЕМЬЯ.

СОЛЛЕРТИНСКИЙ ЕВГЕНИЙ СЕРГВЕВИЧ родился в 1887 году, в 1910 окончил петербургский университет и, вероятно, не сразу найдя себе применение, год проработал в Одессе. В отделении государственного банка была группа таких высокообразованных молодых людей, которые сами не производя химического и других анализов, коллективно выносили заключение о подлинности или неподлинности банкнот и ценных бумаг. Работа была почти синекурой: присутствие длилось только четыре часа, и в любой момент можно было спросить себе чашку чая и бутерброд с икоркой или семгой. В 1912 году он получил должность классного наставника в гатчинской гимназии, а в 1913-1914 был в экспедиции по описанию бассейна Ангары, организованной, кажется, Петербургским университетом. Тогда в Иркутске он и познакомился с Михаилом Александровичем Пешковым, еще студентом Иркутского университета, сыном есаула забайкальских казаков.

Женился он в 1913 году на Нине Вячеславовне Дышен, гимназической подруге своей сестры Александры, которая часто бывала в доме Соллертинских в Петербурге и иногда проводила свои каникулы в Посаде. Дышени - бельгийского происхождения, русские в двух-трех поколениях. Отец моей матери был генерал, ученый-баллистик.

Я родился в 1914 году, считаю себя русским и, безусловно, яв-

ляясь русским, хотя в основном потоке моей славянской крови есть примеси кельтской, франкской, германской и татарской кровей. Брат Жюня родился в 1917 году.

По нездоровью отец не был призван на военную службу, и чем он был занят в 1915-1916 годах я сказать не могу. Но в начале 1917 года он вошел в состав полярной экспедиции, которой должен был руководить В.Ю.Визе. В конце 1917 года экспедиция была уже в Архангельске и стала готовиться к назначенному походу. Трудности военного и революционного времени задержали подготовку, финансирование экспедиции прекратилось, поэтому, когда осенью 1918 года англичане оккупировали Архангельск, члены экспедиции были вынуждены искать себе работу. Отец получил должность инспектора гимназий в ведомстве просвещения новой республики, которой фактически управлял английский губернатор. Все русские работники управления получали обмундирование, паек и жалованье наравне с английскими военнослужащими; я помню отличную, странного фасона, шинель, подбитую мягкой овчиной, и собачий треух, привезенные отцом из Архангельска и еще долго служившие ему в нашей последующей бедности.

Фронты гражданской войны начисто прервали все связи с Петроградом, и члены экспедиции не имели сведений ни о подлинных событиях революции, ни о своих близких, оставшихся в Петрограде, где царили голод и разруха. Они собрали собак, нарты и возможное количество продовольствия и подготовили побег, который стал возможен зимой 1920 года. Это были отважные и умные люди. Они не взяли с собой никакого оружия, даже избранный ими руководитель не имел револьвера.

Точного маршрута их продвижения на юг я не знаю, но он проходил восточнее железной дороги, в обход возможных выступов онежского и карельского красно-белых фронтов.

Обожженные морозами, обросшие и утомленные недосыпанием и голодом, недели через две они были захвачены красными на подступах к Вологде. Оружия при них не было, сразу их не расстреляли, но через несколько дней, уже в вологодской тюрьме, расстрел им был объявлен. Что-то не сработало в расстрельном механизме - может быть, взял свое здравый смысл - но скоро их определили на заготовку дров для вологодских учреждений. Летом 1921 года они работали на разборке старой пристани на реке Вологде. Истощенные голодом, они работали под теплым летним солнцем полуобнаженными и являли вид такого измождения, что вызывали сочувствие горожан. Простота провинциальных нравов и отсутствие жестких инструкций позволили сочувствующим подкармливать арестантов картошкой и рыбой, чего даже тогда в Вологде было достаточно. Так там появилась девушка, избравшая объектом своего милосердия моего отца. Скоро она стала появляться на пристани каждый день, они подружились, и отец рассказал ей о своей тревоге за семью в Петрограде. Он дал адреса, туда пошли письма, но почта почти не работала тогда, письма шли с оказиями, не всегда верными, и выяснение обстоятельств семьи отца заняло долгие месяцы. Но к концу года уже стало известно, что мать умерла, а мы с братом находимся в таких-то детских домах.

Вскоре отца отпустили (я не знаю ни причин, ни условий этого) и он поселился в доме, принадлежавшем семье этой девушки. Они полюбили друг друга и договорились о свадьбе. Но еще до свадьбы она привезла нас с братом в Вологду, и я помню этот переезд. Я был голоден, а у Марии Павловны, как звали эту девушку, был хлеб и селедка, которыми я наедался до того, что засыпал от сытости, а проснувшись, опять ел. Но в промоутках я, стоя у широких дверей теплушки, впервые увидел широкую землю, полную света, зелени трав, запахов воды и леса. И тогда уже я принял эту землю как

свое, конечно, не зная об этом.

РАННЕЕ.

Я помню себя с околотрехлетнего возраста, хотя, как и у всех, впервые (очень яркие) картинки воспоминаний разрознены, не связаны единым сюжетом, если не иметь ввиду, что сюжет, их связывающий — начало становления сознания.

1916-17. Играл с оловянными солдатиками на широком подоконнике открытого окна, кто-то держит меня. В конце улицы появляется процессия повзжих людей со знаменем; в другой шажок конец улицы врывается группа конников с обнаженными шашками. Окно закрывает, часть солдатиков падает за окно. Маль моих солдатиков.

Сажу на полу на мягком зеленом ковре, прислонясь к тяжелому кожаному креслу. Мимо меня ходит человек в блестящих сапогах и белом кителе. Он что-то говорит сидящему за большим столом, но с моей позиции этот собеседник не виден. Наверное, Павел приехал с фронта.

1917. Мать сидит на диване, обитом шелком с голубыми цветами, держит у груди белый сверток. Она что-то говорит, и я через громадное пространство голубого ковра подхожу к ней. Она нацеживает в ладонку немного своего молока и дает это молоко мне. Внимательные серые глаза под короной рыжих волос. Ощущение совершенной гармонии существования.

Сажу за столом, покрытым белой скатертью; по обе стороны стола стоят темные резные стулья с прямыми спинками. Очень хочется есть. Мать разворачивает бумажный сверток и отрезает мне кусок хлеба. Кусок небольшой, острые овсяные отруби торчат из него, но пахнет он восхитительно. Съедав все, хотя горло оцаралано отрубями.

Затем, столь же разрозненные картинки моего недолгого беспризорного существования. Ночевки в вонючем и холодном асфальтовом

котле, драки из-за какой-то еды с такими же, как я, радость, когда мне попалась длинная и толстая кожа от репы, лежавшая на булыжной мостовой.

Потом - детский дом, оставивший более связанные воспоминания. Тут все мы, ребятки, были почти чистыми (зшей, во всяком случае, не было уже), нас регулярно кормили, хотя есть хотелось все время. С нами занимались девушки, наверно, гимназистки старших классов - я помню их гимназические форменные платья. Попав в детдом в трехлетнем возрасте, я в пять уже был научен читать, и помню себя читавшим "Крокодила" Чуковского тем, кто еще не умел читать. Был в таких домах описывался много раз, и эти описания могут быть отнесены и тому детскому дому, в котором был я.

ВОЛОГДА.

Офицеров, отец Марии Павловны, умерший незадолго до революции, был представителем могучей шоколадной фирмы Борж Борман на всем северо-востоке России. Другие подобные фирмы были менее мощны (Эйнем, Сиу), и представитель И. Бормана в Вологде имел очень порядочные доходы: ему принадлежал отличный дом на двенадцать комнат, еще один двухэтажный доходный дом, хорошо обустроенный двор с конюшнями, сараями и прочим.

Две комнаты и бывший кабинет отца Марии Павловны были предоставлены молодой семье. В доме был рояль и довольно большая библиотека, в которую я сразу по приезде вник. Кроме того, что было в библиотеках всех провинциальных интеллигентных семей (полные издания А. Ф. Маркса сочинения Шеллера-Михайлова, Боборкина, Писемского и т. д.) были отличные издания наших и не наших классиков, почти все издания "Знания", (Ранке, Сиверс, Свен Гиден и проч.), много исторической литературы, книг по биологии, географии, другим разделам науки. Были там и прекрасные издания

детской литературы Книбеля и еще одного издателя, имени которого сейчас не припомин^ю. Качество этих изданий было наивысшим возможным и подобных изданий я после уже никогда не видел. (Да, имя второго издателя роскошных детских книг - Девриен). Мне было разрешено брать и читать любую из книг с любой полки, только ставить их на место и быть осторожным с толстыми книгами: том "Знания", толстый, на плотнейшей бумаге, мог не только отдавить ногу, но и серьезно прибить. Я читал много и без выбора, по крайней мере, разумного. Так оказалось, что я до сих пор могу описать технологию посадки на кол или порядок пользования гарротой (трактат "История смертной казни") и знаю кое-что о жизни Леонардо по известному трактату Вазари. За стол меня сажали на обычный стул, но подложив под меня толстенную Библию в роскошном издании с иллюстрациями Густава Доре, и после еды я рассматривал картинки и читал куски из вечной книги. Еще с тех пор остались в памяти события жертвоприношения Авраама, судьбы жены Лота, смутные и страшные сцены Апокалипсиса и гравюры Доре: осоляневшая жена Лота, Конь Блед, рвущийся через всю страницу над головами обезумевшей толпы.

Очень скоро отец полностью вошел в культурную и научную жизнь Вологды. Последовательно и одновременно он был деканом в Молочном институте, учреждении и сейчас имеющем международный авторитет, профессором педагогического института, принимал деятельное участие в работе краеведческого общества, сотрудничал в журнале этого общества. В 1922-23 годах он организовал летние экспедиции по биогеографическому исследованию Кубенского озера. Он стал популярным в городе, да и не только в городе: к нам приезжали такие известные люди как проф. Визе, акад. Комаров, ботаник с мировым именем, потом - президент АН и другие ученые из наших столиц. Два-два в неделю у нас бывали вечера (очень скромные по

оформлении - время было голодноватое), на которых собиралась местная интеллигенция. Отец много и увлеченно работал и, наверное, порядочно зарабатывал. Но деньги тогда едва ли стоили той бумаги, на которой их печатали, и когда отец привозил на извозчике свое покупку (небольшой мешок купюр), мать брала Аннушку, нашу домработницу, прихватывала меня и мы отправлялись на рынок: надо было деньги израсходовать немедленно, завтра на них нельзя было бы купить и половинки того, что купишь сегодня. Правда, благодаря давним и прочным связям Веры Матвеевны, матери И.П., с пригородными крестьянами у нас не было острой нужды в продовольствии и эти экспедиции на рынок были только подспорьем, хотя и серьезным, в обеспечении той относительной сытости, в которой жила семья. В свое свободное время, которого у него было очень немного, отец ходил с матерью в театр или на концерты (все это тогда начинало становиться на ноги), играл на рояле. В один из концертов попал с отцом и я. В тот раз выступал Л.С.Термен со своим, тогда первым в мире, радиомузыкальным инструментом - терменвоксом, голос которого, чистый и нежный, с тембром, напоминавшем о музыке 17-18 веков, я слышу и сейчас.

Отец позаботился о том, чтобы определить меня в школу и, ориентируясь на знакомые ему гимназические программы, подготовил меня к этому. Но оказалось, что в этой подготовке мы прошли не только программу первого класса, но и прихватили часть программы третьего класса, и после свидания с директором школы я был отпущен к своим играм с советскими ребятами и братом, к своему вольному чтению.

В конце 1923 года вся эта жизнь и напряженная деятельность кончились в одночасье: отца отправили в ссылку в Нарым на три года. Ни причины, ни повода к этому я не знаю, разве что вспомнился грех службы у белоангличан: хоть и инспектором гимназий, - но служил же!

На X съезде партии (1922г.) было решено закрытие всякой фракционной борьбы и меньшевики были отстранены от партийных дел, началось их исключение из партии. Но вне партии были еще эсеры разного толка, остатки кадетов, анархистов и прочие неправые. Вот они-то и пошли в осмылку, которая сначала питалась меньшевиками, потом левыми эсерами, потом просто эсерами и т.д. Ни в какую из этих категорий отец не входил: он был принципиально беспартиен; любую догму он считал вредной и опасной, связывавшей свободу мысли и дела, по всем вопросам он вырабатывал собственное мнение, причем во всех политических и экономических вопросах им руководил патриотизм, тот патриотизм, который обходится без восклицательных знаков в речах и требует дела на пользу России.

АВТОР.

Что есть истина знает только Бог и дурак. Но Бога, кажется, нет на свете, зато дурак могуч, распространен и всепроникающ. Поэтому, если вы - как и Автор - не знаете что есть истина, - всегда рядом будет некто, кто сможет разъяснить этот вопрос. Речения специализировавшихся на постоянном разъяснении истины вызывают наибольшие сомнения.

КУВЧИНСКОЕ ОЗЕРО.

В 1922 и, кажется, в 1923 годах отец организовал летние экспедиции по биогеографическому описанию этого озера. Оно расположено километрах в 60 севернее Вологды, протянулось на 60 км с СВ на СЗ, имеет ширину до 12 км и небольшие глубины, не превышающие 10 м. У юго-восточного берега его есть единственный на озере остров, не заливаемый во время весенних паводков - Каменный остров, размером всего метров 200 на 300. Тут еще в 1260 году был построен монастырь, конечно, деревянный, который много раз был разрушен (вогуличи, вятичи, татары, усобицы русских князей, ледоходы) и окончательно укрепился в 15 или 16 веке, когда его отстроили из

местного камня и кирпича. Храм, колокольня и трехэтажный корпус для братьев были объединены в один блок, почему строение довольно большое заняло на острове немного места.

Издали казался он белым кораблем, плывущим к вечному свету, из вечности в вечность и потому неподвижным. Звон его колоколов на десятки километров разносился над тихой водой.

Когда в 30-х крушили повсюду церкви, монастырь был разрушен, но колокольня почему-то сохранилась и сейчас торчит над озером, как сухостойное дерево над болотом.

На Каменном острове и была база нашей экспедиции, разместившаяся в гостинице для паломников, довольно большом каменном доме рядом с монастырем. В команду отца входила мать и два здоровых работящих студента из Вологды. Мария Павловна закончила Высшие женские курсы в Петербурге и была биологом, специализировавшаяся в ботанике. Быт был организован очень просто: по договору с отцом Павлом, настоятелем монастыря, человеком мудрым и добрым, мы получали ту же еду, что получали монахи, иногда разнообразившаяся дичиной или рыбой, которую отец привозил из дневных изыскательских поездок по озеру, прочее все делалось своими руками.

Ежедневно, ранним утром, кроме уж очень ненастных дней, отец со своей командой уходил в озеро на большой лодке, оборудованной швертами (бортовыми килями) и парусом. До их возвращения я был предоставлен самому себе. Купанье, постройка плота, плавание вокруг острова на этом плотике, запуск корабликов, которые я делал вместе с двумя послушниками, исследование храмов, чтение - я не скучал и не бездельничал. Если день был тихий, команда с озера возвращалась поздно, и я шел в трапезную избу, садился в кругу монахов и деревянной ложкой хлебал с ними из общей глиняной миски постные или похлебку из сушеной рыбы - смотря по тому, какой был день: постный или скоромный.

О. Павел причастил меня по всем правилам, рассказывал из священной истории, читал мне из Евангелия и подарил иконку старинной работы, которую велел повесить в изголовье кровати, но я повесил ее в изножье: открыв утром глаза, я сразу встречал добрый взгляд святого.

После возвращения с озера команда немного отдыхала, затем начиналась обработка привезенного материала, в которой участвовал и я: размещение проб планктона по бутылочкам с формалином, иногда - подсчет живности под микроскопом, промывка и сушка инвентаря.

В заботе о моем просвещении отец взял с собой порядочно книг для меня, но я прочитал только "Географию" Лесгафта, гимназический курс географии, на остальное желания или времени не оказалось. Зато я, как уже говорил, много беседовал с отцом Павлом и другими монахами, большей частью глубокими стариками с желтыми бородами, кое у кого даже зеленоватыми. Отец был атеистом по убеждениям, но веру и верующих глубоко уважал, такое же уважение к этому институту передал и мне; беседы с монахами уважение это еще укрепили.

Отец много рассказывал мне о жизни вод и земли, под микроскопом я и видел своими глазами невообразимую сложность жизни, представленной обычным пресноводным циклопом. Не раз я бывал с ним в коротких рабочих поездках по озеру, и глубокое летнее небо, простор воды и вольный ветер над ним восприняты были мною не как фон жизни, а как содержание ее. И все это отложилось в сознании как символ родной земли, что, конечно, я понял только много лет спустя.

Когда так нескладно отец был отправлен в ссылку, мать сразу стала собираться вслед за ним. Для переезда требовалось иметь 3-6 миллиардов рублей, и мать - финансист совершенно ничтожный,

принялась сортировать имущество: что продать, что взять с собой, что оставить на потом, когда вернемся. Новый рубль был уже введен, но и старые деньги были еще в ходу, и она маялась с миллионами и миллиардами, не в силах справиться с переводом их в новый курс. Когда мы, наконец, отправились, сколько помню - главным грузом в нашем багаже были несколько ящиков с книгами. Были мы бедны, ехали в товаро-пассажирских поездах до Томска, потом палубными пассажирами на пароходе 300 км вниз по чистой и зеленой Томи и мутной и полноводной Оби.

КОЛПАШЕВО.

Обь - одна из великих рек Земли. Она длиннее Волги и раза в три многоводнее нее. Против Колпашева ширина реки около двух километров, а глубины достигают 20 м. Правый берег реки высокий - до 15 м и, сложенный из суглинка, все время подмывается рекой по Бэру-Кориолису, и село все время отступает внутрь страны, время от времени строя новые улицы там, где еще несколько лет назад был лес. А леса простирается на многие сотни километров во все стороны. Дорог в крае тогда совсем не было, пути сообщения немногочисленного населения лежали только по рекам, летом на лодках, зимой - по льду на лошадях. Коренное население тогда именовалось остяками (на самом деле несколько древних племен, в том числе и автохтонных), жившими в небольших деревнях по берегам рек или на заимках в лесах. Они промышляли рыбу и зверя, иногда занимались и хлебопашеством, особенно если жили в русских селах; для русских хлеб и скот были основным занятием, а охота и рыболовство были промыслами вспомогательными. Земли здесь бедные, урожаи невысокие, поэтому для русских промысел зверя и особенно рыбы имели значение серьезное: зимой уходили обозы с рыбой в Томск, откуда привозился недостающий хлеб. Отношения между русскими и остяками были взаимно-уважительными, ни о каких межнациональных конфликтах мне слышать не приходилось, хотя в разговорах русских

мужиков и прослушивалось что-то снисходительно-презрительное в их отношениях к нехристям: остяки были язичники и самым уважаемым человеком племени был шаман.

Колпашево тогда было большим селом, протянувшимся на 2,5-3 км вдоль реки двумя-тремя улицами. В центре его, где берег был пониже и не подмывался паводковыми водами, была церковь и с десятком двухэтажных кирпичных домов, раньше принадлежавших местным купцам, а теперь занятых государственными учреждениями и квартирами районного начальства. Крестьянские дома были просторны и построены добротно, иногда и двухэтажными. Нуждавшихся в селе не было: хлебопашество, охотничий промысел и рыбная ловля гарантировали крестьянам совершенно обеспеченное существование, конечно, за счет непрерывной работы, в которой участвовали все работоспособные члены семьи. На все село было только два-три батрака, люди леноватые и пьющие.

Смыслных в селе их было, наверно, сотни две-две с половиной. Они группировались по конфессиональному признаку и самими крупными были группы меньшевиков и эсеров. Было среди них какое-то количество анархистов, кадетов и других, тонкие подробности убеждений которых я не мог уловить. По непонятной причине так сложилось, что меньшевиками были в большинстве евреи и грузины, эсерами - русские, а анархисты были только русскими. Обычными были шумные дискуссии между представителями разных конфессий, особенно между меньшевиками и эсерами, вероятно, совершенно бесполезные; вера, являвшаяся основанием партийной принадлежности, не может быть опровергнута доводами логически.

Мы жили в маленькой избушке, против которой был большой двухэтажный дом, весь верхний этаж которого был занят меньшевиками. Летом дискуссия между меньшевиками и эсерами, собиравшимися здесь, а вечером часто переходила в перепалку, уже очень слабо насыщенную логикой, и мне приходилось наблюдать как группа эсеров на лужайке

перед домом переругивалась с меньшевиками, высунувшимися из окон. Дело доходило до поношения фундаментальных святынь противника ("этот ваш пудель со своими абстракциями", "этот ваш разбойник интеллигентный в черной шляпе, ему бы с ножом под мостом стоять"), а еще спустя - и до личностей. Отец, как я уже говорил, принципиально беспартийный, к этим дискуссиям относился брезгливо ("так все революции и проболтали, идиоты") и, конечно, никогда в них участия не принимал.

В таких обстоятельствах у отца не могло быть много друзей среди ссыльных, однако то небольшое количество людей, с которыми отец сблизился, отобралось не по партийному признаку или национальности. Еврей Диканский (меньшевик), эстонец-националист, фамилия которого я не припомню, Михайлов, русский эсер, еще меньшевик Тохадзе (грузин), несколько других ссыльных, и один из самых умных и добрых людей, каких мне приходилось встретить в жизни, остяк, старик-охотник, специализировавшийся на медведях. Обычай разрешает добывать человеку только сорок медведей, а этот новатор презрел обычай и завалил своего сорок первого медведя. Он обошелся ему в пелскальпа, потерю глаза и повреждение в колене, из-за которого он сильно хромал. Тут надо сказать, что остяки ходили на медведя только с большим ножом, и каждая такая близкая встреча с сильным зверем была опасна для охотника. Старик часто бывал у нас, пил чай и много рассказывал о жизни своего охотничьего племени. В сюжетах этих рассказов были река, лес, рыбы, звери, охотники и птицы. Но содержанием их всегда была жизнь природы, единая и неделимая, в которой человек был отнюдь не хозяином, но только партнером всего прочего живого. Причем, живыми были и река, и лес, и ветер.

К нашему приезду отец устроился на работу в качестве бухгалтера в "Заготхлеб", хотя о бухгалтерии имел представления са-

ние общие. На собеседовании, он говорил, он блеснул несколькими итальянскими словами, объяснил пользу двойной бухгалтерии, изобретенной в старину итальянцами, и был принят временно, до приезда ожидавшегося из Томска специалиста. Мать получила работу учительницы в школе на неполный день, была нанята избушка для жилья, заготовлены дрова, и мы оказались неплохо обеспеченными, тем более, что отец начал заниматься рыбной ловлей, в которой и я принимал ^{полное} участие. Рыбы тогда было много, и наша рыбалка только на кречковую снасть давала столько рыбы, что хватало и нашей семье и оставалось для раздачи нуждающимся.

А нуждающихся было много. Только меньшевики (или евреи и грузины?) регулярно получали посылки и деньги от своих близких, остальные регулярной помощи не имели, а многие вынуждены были существовать только на ничтожное пособие, которое выдавалось безработным, едва достаточное для покупки только необходимейшей еды. Сильные, люди в большей части высокоинтеллигентные, не гнушались никакой работы, плотничали, пилили дрова, составили рыболовную артель (бедствовавшую из-за отсутствия средств на покупку сетей), делали любую случайную работу, но случаев такой работы было немного: село жило почти в условиях натурального хозяйства и все необходимое работу крестьянские семьи делали сами.

Наша семья была сыта, зарплата отца (25 руб. в мес.) и приработок матери давали для этого достаточные средства, но одежда наша была старенькая, вся в заплатках, а обувались мы в чирки, мягкую кожаную обувь местного изготовления. Мать скоро научилась печь превкусный ржаной хлеб в русской печи, молока было достаточно, всегда была свежая, соленая и копченая рыба (я приспособился коптить ее в трубе печи), остальное уже можно стало купить в деревенской лавке или прямо у крестьян - НЭП вошел в силу - были бы деньги.

Время от времени отец приглашал к нам своих друзей, которые по какой-то случайности все были из бедняков, мать выставляла на стол большую сковороду жареной рыбы и круглый каравай своего хлеба весом килограмма в три. И я, уже имевший порядочную тренировку в голодании, видел, что эти люди не каждый день едят досита: вся эта еда за полчаса исчезала, хотя едоки и сильно стеснялись, особенно стеснялся беловолосый молодой анархист, человек тихий и скромный. Вообще анархисты, по моим воспоминаниям, были люди порядочные и скромные.

Со своим делом в конторе отец освоился быстро, и был по настоящему занят ^{тут же} в отчетный период, на стыке месяцев. В другие дни они приходил домой после полудня, и мы отправлялись на рыбную ловлю. Поездки эти были для меня продолжением вхождения в природу, начавшегося еще на Кубинском озере, но Природа, открывшаяся мне здесь грандиозной рекой, лесами, имевшими границы только воображимые, богатством и разнообразием живности, шаг за шагом открывавшиеся мне в рассказах отца природные связи, — все это, да еще под влиянием того, что говорил мне о жизни реки и леса старик-остяк, все это стало Природой, в которой мне оказалась отведена роль мелкой и не самой значащей частицы. "Мыслящий тростник", — как я был поражен и восхищен, когда после-после прочитал это!

Через полгода ожидавшийся из Томска специалист-бухгалтер приехал, и отец лишился своего заработка, но мать продолжала работать в школе, так что в совершенную бедность мы не впали, хотя и сильно нуждались. Вскладчину с кем-то из ссыльных отец купил местную долбленую лодочку — обласок, и мы с ним всерьез занялись рыбной ловлей, стараясь заготовить рыбу и на зиму. Рыбу солили и вялили, но запас все не получался достаточным, поскольку всегда было необходимо кому-то помочь, а взаимопомощь бедных — закон, от которого никто не мог и подумать уклониться.

А на входе в зиму отца д¹⁰слали в маленькое село Тогур, километрах в десяти от Колпашева. Причины или повода к этому я не знаю. Скорее всего это была случайность, какая бывает с людьми, собранными в толпу по внешней причине (арестанты, толпа на улице в час-пик, солдаты...), хотя, наверное, и был какой-нибудь импульс, например, донос.

Незадолго до этого родилась сестра Нина, и мать лишилась своей работы в школе: тогда о декретных отпусках, да еще оплаченных, мы еще не слышали. Отцу стали выдавать пособие по безработице - 6 руб. 30 коп. в месяц, чего и на хлеб хватить не могло. Возможно, оставшись в Колпашеве мы и перебились бы зиму за счет соседской и земляческой помощи, но в Тогуре было всего несколько семей соевых, тоже бедняков, и тут мы не только нуждались, но стали попросту голодать: хлеб, молоко и картошка в количествах ограниченных, только с выдачи, ни куска мяса, масла, сахара. Мы с братом ослабли, у меня начались лишай, его мучили чирьи. У нас уже не было сил кататься с горок и играть с местными ребятами. Когда в меня случался налим, рыба тощая, по здешним обычаям годная только для собак, мы с братом в момент съез свои порции, сгрызали и кости.

Комната наша занимала большую мансарду над богатой крестьянской избой, проходивший через нее широкий дымоход русской печи хозяев обогревал помещение, поэтому у нас всегда было тепло, но на керосин для лампы зачастую денег не было, и мы сидели вечерами в темноте, беседуя и слушая рассказы отца о природе и его путешествиях. Когда был свет, заходил к нам Ратнер, тоже дососланный в Тогур, и они с отцом играли в шахматы, или я читал по толстой книге партии, а они обсуждали шахматную классику. Ратнер был тонким интеллигентом, человеком высочайшей культуры и его беседы с отцом касались широкого круга вопросов. Он был очень беден, су-

ществовал только на пособие, и когда его удавалось уговорить выпить чай (иногда морковного), он брал из кармана небольшой кусок хлеба и пил чай с этим хлебом. С тех пор я запомнил имена Морфи, Чигорина, Ласкера, Алехина, Тартаковера.

Однажды мать пристроила меня в какую-то группу местных школьников, которая должна была пойти в гости в школу соседней деревни, расположенной в нескольких километрах от Тогура. Она надеялась, что там нас угостят чем-нибудь и не ошиблась: нам дали сладкого чая и по несколько крупных баранок - лакомство, о каком я почти и не знал. Мы проходили мимо сельсовета, я увидел красный плакат окаймленный черным, прикрепленный к стене дома. Плакат сообщал о том, что вчера умер товарищ Ленин.

На другой день у нас собрались несколько серьезных и обсуждались перспективы возможных изменений в нашей судьбе. Общее мнение было таким, что скоро должны были бы произойти решительные перемены в положении и количестве серьезных, что возможна вообще ликвидация осадки и других инструментов репрессии. Отец был настроен скептически, говорил, что аппарат государственного принуждения не может обойтись без такого инструмента. И потом, уже по моему личному опыту, я не раз наблюдал как изменение какого-то персонального списка вызывало всплеск надежд арестантов (а, иногда, и не только арестантов), как говорилось: "вот теперь-то уж...", но все оставалось по-прежнему. Времена меняются очень медленно, я в этом убедился совсем недавно на материале происшествий с тетерей моей первой рукописи.

Нужда и просто голод стали условиями существования нашей семьи. Я понемногу таскал сузившееся на печи хозяев зерно, и мы с братом грызли его никак не обрабатывая: оно несколько утоляло голод и служило источником витаминов, почему казалось очень вкусным.

Еще в начале зимы отец написал несколько писем и сходил с ними в Колпашево, чтобы отправить их с оказией, очевидно, не доверяя почте, хотя она уже и наладилась, а может быть, желая обойти цензуру. Действие этих писем сказалось в конце зимы и оказалось чудодейственным. Я не знав, кому писались письма: у отца было много близких знакомых и даже друзей в научном мире, в том числе и академик В.Л. Комаров, потом много лет бывший президентом АН.

Вдруг пришла бумага из такой высокой инстанции, что районное начальство прислало ее со специальным гоном, доставившим также и распоряжение о немедленном выполнении содержавшегося в бумаге приказа.

Уже через несколько дней мы вернулись в Колпашево, и отец приступил к постройке метеостанции, которую потом он же и должен был вести. К тому времени, когда грунт оттаял, все аппараты поступили, и заготовки для будок и ограды были сделаны. Были наняты рабочие, конечно, оссильские, и на бугре около центра села, где не было опасности подмыва рекой, появилась легкая светлая конструкция метеостанции.

Мы поселились в большой избе, где было две комнаты и кухня с русской печью, и отец начал регулярные наблюдения на станции. Большой старинный ртутный барометр висел в одной из комнат, тут же стоял стол с журналами наблюдений и бумагами отца, наблюдения делались три или четыре раза в день и затем, зашифрованные специальным кодом, отправлялись по телеграфу в Томск.

Зарплата отца и небольшой приработок матери, которая опять поступила учительницей на неполный день, составили сумму, о какой не мог и мечтать обычный оссильский. Мы скоро отъездили, одежда обновилась, хотя и осталась самой простой. Меня опять попросили определить в школу, но и на этот раз я оказался развитее.

чем предполагать для класса, где мне следовало быть по возрасту. Кроме того, деревенские ребята не прочли мне много рассказов: я и отвечал на все вопросы учителей, и спрашивали меня только тогда, когда никто из класса ответить не мог. Поэтому плохо обстоит дело с моим чужаком при всяком удобном случае доставляли точки и побой, на которые он и ответить-то не мог. Так я отсталая опять на поле. Брат тоже опередил свой возраст по знаниям, особенно по арифметике, которую он изучал не хуже меня, а азартом играл в бабки, в которых он был чемпионом. Играл в школу и не посещал.

Отец научил меня чтению показаний приборов на метеостанции и много рассказывал о механизмах климата и погоды. Он стал поручать мне наблюдения, чаще - утренние, когда ему не хотелось подниматься из теплой постели. Я быстро пробегал километр до станции, принося ему запись показаний приборов, он их шифровал, и я тут же бежал на телеграф, расположенный недалеко от дома. Потом он стал поручать мне и наблюдения в другие эпохи, и я, забравшись спит, не всегда бывал на станции, а давал свои экстраполяции предыдущих данных. Наверное, я это делал доста-точно точно, поскольку ни разу не был пойман на обмане отпоч, и вред, причиненный этим нашей метеорологии не был заметным.

Появились опять книги, наши всегодичные и другие, отец занялся со мной математикой, которой считался занятым еще в Тогуре, но там ничего не получилось: несмотря на податливость ни шла она мне в голову, может быть, из-за голода. Тут дело ^{но} повлекло, и мы правили корожий кусок школьной алгебры.

Отец много играл на рояле у Диканского, обеспеченного помещика, у нас собирался небольшой шахматный кружок, вместе со мной он часто ездил на рыбалку с ночевкой на берегу какой-нибудь старицы.

Осильные к этому времени устроились как-то получше, чем в начале: НЭП открыл возможности кустарной работы и приличного заработка для рукодельщиков. Обнаружились портные, сапожники, слесари, хотя многие из них были все-таки адвокатами, экономистами, инженерами. Нашелся даже армянин-кондитер, торговавший мороженым. Мороженое было отличным, деревенские ребяташки тащили свои пятаки, осильные тоже при возможности покупали его, хотя и посмеивались: за отсутствием другой посуды армянин пользовался ночными горшками, завезенными в сельскую лавку и, конечно, не пользовавшимися спросом у деревенских жителей.

Общее количество материальных благ, доставшихся осильным, увеличилось и через каналы взаимопомощи распределилось так, что голодавших уже не стало, хотя нуждавшихся было порядочно. Кроме того, стала почти регулярной помощь, оказываемая осильным комитетом Екатерины Пешковой, жены Горького. Комитет этот не вмешивался в дела юридические и юридической помощи не оказывал, но, собирая добровольные жертвования, посылал их в распоряжение выборного комитета осильных, который распределял эту помощь по своему усмотрению. Партийность или национальность получателя такой помощи не имели значения, дело было только в степени нужды. Так в Тогуре и нам однажды выпала посылка Комитета, в которой оказался чуть ли не целый окорок, хороший кусок масла и желтые пахучие ботинки, доставшиеся мне — первые настоящие ботинки в моей жизни. Комитет осильных, распорядившийся этой помощью, видимо, был составлен из честных людей: мне не приходилось слышать о каких-нибудь хищениях или предпочтениях (блате, как потом говорилось в таких случаях).

В конце 1926 года отец опять засел за письма, которые на этот раз шлел обычной почтой: он искал себе место жизни и работы после приближавшегося конца осильки. Весной 1927 года он

из нескольких вариантов, предложенных ему, выбрал Верхнеудинск в Забайкалье, центр Бурят-Монгольской АССР, куда он был приглашен в Госплан для работы по природопользованию.

Он уехал в начале лета 1927 года, оставив на метеостанции мать, и уже через неделю сообщил, что удовлетворен условиями жизни и работы, и что скоро придет нам денег на переезд.

А еще через неделю пришли и деньги в сумме, которая после нашей столь долгой и глубокой бедности показалась астрономической. Мы скоро собрались и на большом двухпалубном пароходе, в роскошной каюте первого класса с кожаными диванами и бронзовыми штуками (а не палубными пассажирами, как мы ехали в Колпашово) отправились вслед за отцом.

АВТОР.

Очень трудно, братцы, пишется. Тени прошлого просвечивают через настоящее, иногда эти призраки актуализуются в сегодняшних делах и размышлениях, и начинаешь путаться во временах и событиях.

ВЕРХНЕУДИНСК.

Удинский острог или Удинское зимовье был основан в 1666 году последователями Ермака, но не из группы В.П.Хабарова. Стоит В-Удинск (сейчас Улан-Удэ) при впадении горной реки Уда в Селенгу, реку широку и многоводну, текущую из монгольских степей. Ко времени революции город стал важным торговым центром на путях из Китая в Россию и местом сосредоточения товаров, обменивавшихся здесь на продукты местных промыслов: хлеб, мясо, рыбу, шкуры, золото.

Хлебом занимались, главным образом, русские, процентов 30 из которых были старообрядцами (по-здешнему - семейские), потомками тех, кто в 16-18 веке ушли от гонений из России, скотоводство же было промыслом бурят, ведущих кочевое или полукочевое

существование. Эти промыслы, технология которых устоялась за столетия, были ^{крупно}высотоварными: здешняя пшеница своим качеством славилась в России и шла в большом количестве на экспорт, а прочими продуктами питания питалась ^{большая часть} вся округа, включая и Якутив. Здесь были купеческие фамилии, вложившие многомиллионными капиталами, вроде Второвых, монополизировавших закупку золота и мехов, и купцы помельче, но тоже миллионщики, как Иохвидов (продовольственные товары).

Во время НЭПа город вернул свое прежнее значение торгового центра, конечно, уже без купцов-миллионеров. Но на богатейшем здешнем рынке и в конторах новых торговцев заключались сделки, вероятно, не менее крупные по суммам, чем до революции. Мелкая торговля была в руках китайцев, они же вели и огородное дело, одновременно промышляя контрабандой. Строительные дела были в руках подрядчиков, артели которых работали быстро и чисто. Было много мастеров-одиночек, все мелкие ремонтные работы, вставку стекол, шитье по заказам, починку сапог и т.д. делали такие мастера. Все эти дела, столь хлопотные сейчас, не требовали стояния в очередях, хождений с накладными, а просто исполнялись в срок и чисто по вашему заказу. В магазинах (тогда говорили - в лавках), занимавших торговые помещения старых купцов в центре города, был выбор товаров не худший, чем в самых хороших магазинах Москвы и Ленинграда. В этих магазинах вас встречали подтянутые и вежливые приказчики, встречали как желанного гостя и старались, не без успеха, продать вам товара побольше и получше качеством, а, значит - и подороже. Деньги вполне выполняли свою роль универсального товара, и имея деньги вы могли купить и фунт мяса на щи, и стадо коров для того, чтобы открыть колбасное производство.

При таком общем недостатке в товарах и трудовых ресурсах, условия существования населения города были очень разными. Мел-

кие служащие и неквалифицированные рабочие зарабатывали мало и мясо в щах имели не каждый день, квалифицированные работники всех специальностей зарабатывали неплохо, хорошо питались и одевались. Но были и безработные, люди приезжие или местные, но неквалифицированные или известные как новые работники. Их небольшая группа всегда была утром у биржи труда, куда приходили подрядчики и горожане для того, чтобы нанять рабочих на случайные работы. Посobie по безработице было ничтожным, и условия жизни этих людей были ниже того, что сейчас именуется уровнем бедности в Америке. Мастера-одиночки (стекольщики, часовщики, портные и прочие) обычно зарабатывали хорошо и ни в чем не нуждались. Если, конечно, не пили, а пили тогда тоже порядочно.

Город расположен в узкой долине, вымтой древней Удой, и часть своей поднялся и на высокий ее правый берег. Центр города расположен в низине, вдоль берега Селенги, параллельно которому проходят и главные улицы города, на которых разместились старинные каменные дома, сейчас заселенные учреждениями и магазинами.

Для нас отец снял второй этаж дома бывшего купца Иохвинова, где было три небольших комнаты и прихожая, куда вела лестница из холла в нижнем этаже. Тут, видимо, помещались спальня семейства купца, а нижний этаж был парадным: там были высокие потолки с лепниной, паркет в гостиной и т.д. Весь нижний этаж к нашему приезду был занят минералогическим музеем и кабинетами геологической службы, которую возглавлял горный инженер Бутирин еще с дореволюционных лет.

Точного наименования должности отца я назвать не могу, но знаю, что работа его была посвящена организации разумного природопользования ресурсов республики. Как всегда, он с увлече-

нием работал, часто ездил в поездки по районам республики, по лесным и водным угодьям, особенно в места безлюдные (а их тогда было много), где выяснял неиспользованные ресурсы.

Получал он в месяц 150 руб., что по тем временам было очень много, да и мать сразу же по приезде сюда поступила в краеведческий музей, взяв на себя его естественно-исторический отдел, и тоже порядочно зарабатывала, хотя и поменьше, чем отец. После коллашевской нужды и полуголодного существования мы оказались обеспеченными наравне с самыми высокооплачиваемыми работниками в городе. Мы скоро откормилась, тем более, что мать, прошедшая в свое время специальную домоводческую подготовку, смогла, наконец, реализовать свои знания и умения в деле кулинарном. Тогда я узнал, что бывает поросенок с кашей, караси в сметане, пироги с осетриной и многие другие вкусные и, безусловно, питательные вещи, каких и потом есть не приходилось. Оба мои родителя были довольно равнодушны к одежде, а у матери не было никакого вкуса художественного. Поэтому наша одежда стала хотя и новой, но не всегда была хороша по размеру и фасону. Появилась вся необходимая обстановка, купленная по случаю и вразнобой: прямые стулья местной поделки и старинный резной дубовой буфет, которому сейчас и цены не было бы, отлично уживались в нашей столовой. А в один из дней после нашего приезда к нам грузичики подняли пианино. Старинное, фирмы "Ивльбах", оно имело голос негромкий и мягкий. Отец сразу же попробовал что-то сыграть и не смог, клавишный звук, так очаровавший меня, показывал, что пианино требует настройки. Уже на завтра настройщик явился и поиграв свои арпеджо, за полдня привел инструмент в порядок.

В городе была большая группа интеллигенции, люди занесенные сюда ветрами революции, имевшие еще, конечно, дореволюционное образование, иногда - заграничное. Скоро вокруг отца собрался

ся кружок друзей и знакомых, которые собирались у нас по вечерам или к обеду. Шли беседы о местных делах, обсуждались экономические и политические проблемы, случались дискуссии о литературе. Время от времени устраивались музыкальные вечера, где отец исполнял партии рояля, профессиональный скрипач, ставший бухгалтером, играл на скрипке, а молодая певица с голосом очень хорошим, но не сильным, оставившая по этой причине консерваторию, пела русские романсы и оперные арии.

Мы с братом были отданы в школу, в те классы, какие соответствовали нашему возрасту и развитию. Брат пошел в третий класс и с этого времени учился по общим правилам, а я попал в шестой. Но ему досталась ближайшая к нашему дому школа, а мне пришлось ходить в железнодорожную, чуть ли не за три километра от дома. Могу предположить, что причиной, по которой я оказался в нее записанным, были подробности тогдашнего бита. Дело в том, что дети буржуев, попов и других нетрудовых элементов в школу не допускались, а в справке о социальном происхождении должен был упомянут и сам род семейства. Таким образом, в справке о социальном происхождении отца по-хорошему нужно было бы написать "из семьи священнослужителей", но нашелся человек, проделавший редукцию "богослов-философ-ученый-научный работник-служащий" и закрепивший результат в документе. Так отец получил благородное происхождение, но в наших справках еще должно было быть обведено его англо-белое уклонение в архангельские времена, и, вероятно, случившееся в двух справках разногласие понудило отца поместить нас с братом в разные школы. Брат учился хорошо, а я попал в обстоятельства трудные. Почему-то отец совсем не занимался со мной геометрией, а в алгебре были порядочные лакуны в сравнении с программой, и эти предметы повали туго. Кроме того я был чужим в спешившемся классе железнодорожников, и поэтому, как всякий одиночка, подвергся

преследованиям стаи. Нашими занятиями в школе дома совсем не интересовались, отец и мать, привыкшие к тому, что мы с братом всегда решали свои проблемы сами и, увлеченные своей работой, никогда не спрашивали о домашних заданиях и отметках. У меня дело кончилось тем, что в очередной драке в школьном дворе в какой-то день, когда я решил сходить в школу (а ходил я туда только два-три раза в неделю, остальное время посвящая играм и мелкому хулиганству в своей квартальной шапочке ребят-подростков), я получил пожеву рану в ногу, о которой, конечно, никому не сказал. На другой день рана, кое-как перевязанная приятелями, воспалилась, у меня поднялся жар, и я не смог иницировать свой уход в школу. Я попытался было встать, но не смог, мать спросила, в чем дело, я соврал что-то. Мать посмотрела рану, ужаснулась и вызвала доктора Гофлянда. Ротина открылась, и я был опять изъят из школы. Доктор Гофланд был замечательный врач, рана зажила через несколько дней, и я дома занялся теми предметами, по которым в школе у меня были трудности.

О докторе ГОФЛАНДЕ надо сказать тут несколько слов: он был одним из тех людей, которые запомнились мне на всю жизнь. Был он пленным первой мировой войны, оказался в Верхнеудинске, осел здесь, женился, открыл практику и пользовался еще до революции славой прекрасного врача. Бедняков он лечил бесплатно, обеспеченные люди платили ему по тогдашним обычаям, кладя на поднос в прихожей гонорар по своему усмотрению. Зарабатывал он хорошо, имел большой дом, выезд с кучером и пр. Революция его лишила кое-чего, но дом ему оставили, как осталась и его частная практика. Сразу после революции он принял самое деятельное участие в организации народного здравоохранения, положил много сил на устройство амбулатории, сам принимал там больных как окулист, но мог буквально все: мне он ввинчивал большой гвоздь, который я ухитрился воткнуть в

преследованиям стаи. Нашими занятиями в школе дома совсем не интересовались, отец и мать, привыкшие к тому, что ми с братом всегда решали свои проблемы сами и, увлеченные своей работой, никогда не спрашивали о домашних заданиях и отметках. У меня дело кончилось тем, что в очередной драке в школьном дворе в какой-то день, когда я решил сходить в школу (а ходил я туда только два-три раза в неделю, остальное время посвящая играм и мелкому хулиганству в своей квартальной шаечке ребят-подростков), я получил ножевую рану в ногу, о которой, конечно, никому не сказал. На другой день рана, кое-как перевязанная приятелями, воспалилась, у меня поднялся жар, и я не смог имитировать свой уход в школу. Я попытался было встать, но не смог, мать спросила, в чем дело, я соврал что-то. Мать посмотрела рану, ужаснулась и вызвала доктора Гофланда. Истина открылась, и я был опять изъят из школы. Доктор Гофланд был замечательный врач, рана зажила через несколько дней, и я дома занялся теми предметами, по которым в школе у меня были трудности.

О докторе ГОФЛАНДЕ надо сказать тут несколько слов: он был одним из тех людей, которые запомнились мне на всю жизнь. Был он пленным первой мировой войны, оказался в Верхнеудинске, осел здесь, женился, открыл практику и пользовался еще до революции славой прекрасного врача. Бедняков он лечил бесплатно, обеспеченные люди платили ему по тогдашним обычаям, кладя на поднос в прихожей гонорар по своему усмотрению. Зарабатывал он хорошо, имел большой дом, выезд с кучером и пр. Революция его лишила кое-чего, но дом ему оставили, как осталась и его частная практика. Сразу после революции он принял самое деятельное участие в организации народного здравоохранения, положил много сил на устройство амбулатории, сам принимал там больных как окулист, но мог буквально все: мне он винил большой гвоздь, который я ухитрился воткнуть в

ладонь, дважды высклабливал веки, пораженнице трахомой, хирургически подправил мое ужасное косоглазие (и сделал это не хуже, чем потом, спустя десятки лет, сделали для сына в головном московском институте). Он был домашним врачом в семьях интеллигентных горожан, вел он и нашу семью. Как все домашние врачи, он знал о своих пациентах все, поэтому для него не было болезней непонятных по происхождению, он знал подход к каждому своему больному, и лечение всегда было успешным. Когда он проходил по улице, грузинатый хромой человек в толстых очках, улица почтительно затихала, не было ни одного человека в городе, который бы не знал о самоотверженности доктора на пользу общества.

Наш быт постепенно налаживался: появилась постоянная прачка, забиравшая раз в неделю наше белье, приходящая доирработница, убиравшая квартиру и готовившая обед в обычные дни и помогавшая матери в ~~ее~~ ее кулинарных занятиях, если предполагались гости, а в определенные дни являлись китайцы-разносчики зелени, рыбы, галантерии (у которых мать покупала и котрабандные туфли и духи), регулярно заходил сапожник со своим инструментом, который тут же чинил всю обувь.

Мать, сначала пропадавшая в музеи целы^{ми} ^{ми} ~~ми~~ дни, постепенно довела свою долю коллекции до казавшегося ей правильным порядка и больше времени отдавала домашним делам. Отец вступил в научное общество им. Доржи Банзарова и много времени проводил в его библиотеке и архиве, где подбирал нужные ему материалы по краеведению, но вечерами бывал дома и что-нибудь читал или играл на пианино. Мы с братом учились в школе, играли с местными мальчишками, бродили по лесу. В это время я увлекся моделированием, строил подвижные игрушки, занялся фотографией. Мы часто бывали в музее, где заспиртованные шкуры и чучела зверей не очень нас привлекали, но в историческом отделе, где были кольчуги и мечи 16-17 веков,

пушечки с каменными ядрами, пистолеты еще времен декабристов, - в этом отделе мы буквально пропадали по целым дням, пользуясь большой свободой, поскольку хранитель этого отдела Василий Васильевич был влюблен в нашу мать и большую часть дня проводил в проходе, ведущем в естественный отдел, издали любясь матерью, сидевшей за своим микроскопом или работающей с гербарием. Любовь эта была совершенно безответной: отец наш был единственным светом в мире для нее. Мы хотели организовать стрельбу из пушечек первопроходцев, но протащить пушечку мимо матери не удалось и проект не получился. Из трехствольного пистолета мне выстрелить во дворе музея удалось. Шум получился страшный, а куда ушла картечина, я не знаю.

В 1927-1928 году я оказался в школе второй ступени, которая тогда заканчивалась на девятом классе, и очень трудно учился, осознав, что достойной может быть только жизнь освещенная знанием. Тогда был т.н. бригадный метод обучения, при котором класс разбивался на пятерки во главе с бригадиром, и я, естественно, оказался в бригадирах. Все вопросы учитель задавал бригаде, ответ любого члена бригады зачитывался всем членам бригады, а контролируя работу бригада писала одну на всех своих членов. Все это было задумано как способ воспитания коллективизма, но приводило к тому, что занимались в бригаде только те, кто хотел и мог. В моей бригаде оказался здоровый и добрый парень, умевший связывать два больших гвоздя в узел с бантиком и очень способный к другим силовым номерам, был увлеченный автомобилист, все свое время отдававший ремонту тех нескольких автомобилей, которые были в городе. Других я не помню, они, наверно, иногда отвечали на вопросы учителя по моей подсказке (которая считалась проявлением коллективизма), но те двое ни разу не проронили ни слова на вопросы учителя: подробности характера Раскольниковова и теорема синусов

им были без надобности. Так, начиная с седьмого класса школы я начал свое систематическое образование, которое тогда стоило мне постоянных головных болей из-за переутомления: заполнение пропусков в программном знании и необходимость всегда быть готовым к ответу за всю бригаду заставляли меня работать не жалея сил.

Работа отца в Госплане продолжалась года два и закончилась написанием отчета-монографии по хозяйственному районированию республики. Почерк его был таким, что машинистки отказывались переписывать его работы, поэтому у нас появился портативная пишущая машинка "Корона" с трехэтажным шрифтом, на которой мать переписывала или писала под его диктовку его работы. Этот отчет содержал страниц 400, и привычной стала картина, когда отец ходит по комнате, а мать стучит на машинке, иногда советуя нужный оборот или слово.

Уже в кубенские времена отец увлекся лимнологией, а озера, которых в республике много (и все рыбные) оказались не исследованными, иногда даже нанесенными на карты только пунктирной линией. Он перешел в Наркозем республики и стал заведовать всем рыбным делом (должности опять назвать не могу,) особенное внимание отдав исследованию озер. Тогда же он начал полупромышленный эксперимент по разведению омуля, одной из ценнейших рыб мира, которая водится только в Байкале, Селенге и, кажется, в реке св.Лаврентия (тогда еще он в небольшом количестве был в Печоре).

ЭКСПЕДИЦИИ.

В 1928-1931 годах отец предпринял экспедиции по исследованию цепи Враннинских озер, Гусиного озера, реки Ципы и Баунтовских озер. Он обладал порядочными организаторскими способностями.

ми, сумев мобилизовать те небольшие средства, какие были в государственных учреждениях и средства Научного общества. Напряженно работая в этих экспедициях и умея организовать такую же напряженную работу своих немногочисленных сотрудников, он получал большие и серьезные результаты при очень скромном расходе общественных средств. Сейчас подобные работы потребовали бы усилий нескольких докторов и кандидатов наук и стаи соискателей, и расходов в десятки тысяч рублей. Он обходился несколькими помощниками, несложным инвентарем и расходами в две-три тысячи рублей за целое лето исследовательских работ.

Он никогда не говорил высоких слов о необходимости труда и его облагораживающем воздействии на человека, он просто однажды сказал мне, что берет меня с собой в очередную летнюю экспедицию, предупредив, что я еду не как сын руководителя экспедиции, а как рядовой рабочий или лаборант. Таким образом, я оказался вовлеченным в его работу, которая углубила в мое проникновение в природу Природы и закрепила навыки и необходимость в целенаправленном и непрерывном труде.

Мы прошли с ним по цепи Бравнинских озер, из которых самым большим было Большое Бравно длиной и шириной километров 12 на 10 и глубиной до 20 метров, протянувшейся на 25-30 километров и завершавшейся очаровательным маленьким почти круглым озерком с километр в диаметре Гундой, уже не связанной с цепью протокой и, скорее, отнесенным к равнинской цепи только по географическому положению. На каждом из озер мы делали от десятка до нескольких десятков разрезов с промерами глубин, взятием проб планктона и бентоса, географическое описание со съемкой береговой линии. Целыми днями я сидел на неслах, распоряжался планктонной сеткой, подсчитывал бентос по видам (с помощью отца), вел записи в путе-

вой книжке - обязательно простым графитным карандашом, чтобы брызги волн и дождь не повредили записи. Стдых приходился только на очень ненастные дни, да и то был относительным, потому что в эти дни происходила черновая обработка собранного материала. Или мы в этих поездках в какой-нибудь крестьянской избе, питались тем, что могла предложить нам хозяйка и рыбой, которуб я ловил по вечерам, иногда дополняя рацион дичью добытой в течение дня. И тогда подсчитал за какое-то лето, что прошел на веслах и с парусом 1400км и прошагал с компасом и шагомером не один десяток километров по береговой линии озер, делая съемку для точного нанесения их на карту. Пользовались мы местными крестьянскими лодками, которые дооборудовались имитацией в виде плоского деревянного гребня, мачтой и прямым парусом; иногда борта лодки наращивались еще одной доской. С погодой мы, практически, не считались, и только обложной дождь мог задержать нас дома. О выходных днях и разговора не было. В команду обычно входили отец, один лаборант из иркутских студентов, я - работник на все руки, и один местный мужик, распорядившийся лошадью, на которой доставлялось наше вооружение, если работа, больше чем на один день, предполагалась в большом отдалении от выбранной нами базы и если там не было поблизости жилья. Тот же мужик делал и все работы по оборудованию лодки, заготавливал дрова (если требовалось), готовил нехитрую еду на костре в дни работ вне базы.

Близкое общение с крестьянами, проникновение в их дела и обычаи, восхищение их сноровкой во всяком деле, с тех времен и навсегда воспитали во мне уважение к народу, русскому и нерусскому. Бывали удивительные встречи, одна из которых очень запомнилась. Был ветренный день, мы с отцом почти весь этот день делали разрезы на Малом Еравнинском озере и к концу дня решили немного отдохнуть в деревне Красня Горка, единственной на бере-

ду этого озера, имеющего размеры, примерно, 8 на 6 км. Деревня стоит на высоком берегу озера и защищена от ветров близкими к ней горами. Мы выбрали избу побольше и представились хозяину. Нас поразил петербургский выговор хозяина и правильная речь его. Он оказался учителем в местной школе и рассказал нам свою историю. Когда-то он был студентом Петербургского университета, участвовал в экспедиции, открывшей знаменитого березовского мамонта, пробовал на вкус мясо этого мамонта (оно оказалось съедобным, но сильно пахло хвоей), его ожидала научная карьера, но он принял участие в революционной работе и был сослан в Сибирь. С тех пор учительствовал в этой деревне и так привязался к этим местам, что больше в Петербург не вернулся. У него была отличная библиотека, он вел обычное крестьянское хозяйство и был совершенно удовлетворен своей жизнью. "Я здесь живу уже много лет, почти все здесь прошли через мою школу, меня уважают, и вокруг меня прекрасные люди, которые всегда готовы помочь мне и получают от меня всю помощь, какую я могу оказать им. Здесь мир вокруг меня и мир во мне, а прочая жизнь - вот она", и он показал на полки с книгами. Потом, значительно позже, когда я познакомился со стоическим учением, эта встреча подготовила мое понимание стоицизма и, отчасти, принятие учения как внутренне для меня необходимого.

Лодки наши не всегда были хороши, парус мы старались сделать побольше, и в этот раз, возвращаясь на нашу базу на Сосновском озере, шальным ветром мы были выброшены на противоположный берег Малого Бравно, а наше имущество было разбросано по песку пляжа бошеними прибойными волнами.

ОТСТУПЛЕНИЕ, НО - ТУДА ЖЕ.

Места в Забайкалье здоровые. Местность поднята над уровнем моря на 1,0-1,5 км, солнечных дней там больше, чем в Крыму, континентальность климата сглаживается Байкалом, хотя зимой бывает

морозы до 35-40 градусов, а летом - такая же жара, ощущение которых, впрочем, сглаживается постоянной сухостью воздуха. Но и сухость эта - не сухость закаспийских степей: летом часты хорошие дожди.

Наши перемещения по экспедиционным нуждам происходили на лошадях (автомобилей еще почти не было). Здешние шелковатые лошади пробегает по 100-110 км за день с одним кормлением в середине дня. Их запрягали парой в ходок, телегу, напоминавшую дрожки Средней России, в которых конструкция задних и передних колес соединены поверху рядом тонких и гибких жердей, составляющих подпружиненную и поэтому менее тряскую платформу, чем дно обычной телеги. Под дугой коренника - два или три колокольчика, настроенных, примерно, в терцию: при движении рысью они излучают, кроме основных своих тонов, уйму гармоник, и плотный поток консонантных и ассонантных звуков сначала сводит с ума, а потом к ним привыкаешь и уже не слышишь, как не слышали их во времена Пушкина путешественники наши на почтовых лошадях.

Горы обступают вас со всех сторон, округлые невысокие (до километра высотой) сопки, за ними - горы все выше и выше, а поближе к центру Хамар-Дабана в далекой дали и высоте поднебесной отовсюду видны белки - вечные снега на вершинах пиков. Молодая Уда не успела еще пройтись себе широкой долины, но Селенга, прихавшись правым боком вплотную к горам, оставила на левом берегу широкую (в десятки километров) степную долину, дальняя сторона которой тоже ограничена горами, синевшими по всему горизонту.

Поездки по этим долинам и распадкам между горами, вдоль быстрых кристально чистых рек, через могучие сосновые леса, в запахах богородской травки и дурманящем аромате смолы, дневной отдых на берегу какой-нибудь реки, когда лошади пасутся в густой

траве или хрупают овес, а ты можешь полежать у костра на котором уже закипает чайник или похлебка, и видишь, как в ясном небе коршун за кругом чертит новый круг, — с тех дней навсегда осталось во мне ощущение могущества природы и полноты жизни. Работа под бездонным небом на водных просторах озер, окаймленных по дальним берегам синей полоской лесов, дополнила эти впечатления.

Наверно, тогда я начал быть человеком: тогда был заложен фундамент внутренней свободы. Свободы, которая была частью великой свободы природы.

Исследовательские работы отца и его хозяйственные рекомендации принесли ему популярность, и он был приглашен в обком, где сделал обстоятельный доклад. Поэтому его экспедиции на Гусиное озеро, в которых я тоже принимал участие, были обеспечены значительно большими средствами, чем предыдущие. Мы имели большую, байкальского типа, лодку, оборудованную хорошим килем, полную парусную оснастку для нее, двочерпатель, батометр, прочие научные инструменты. Гусиное озеро расположено километрах в 120 на ЕЗ от Вудинска, имеет длину чуть больше 30 км и ширину от 4-5 км до 8-10. В него впадают несколько маленьких речек, стока, кажется, нет. На берегах тогда было только несколько кучек зимних изб полукочевых бурят и только у южной оконечности озера было большое селение Тамча, где находился один из самых известных дацанов. База наша была в небольшой бухте на восточном берегу озера, где мы заняли пустующую избу-зимовье, просторную и добротную постройку. Вода в озере прозрачна, как байкальская (на глубине в 8-10 метров видны все подробности дна), горы — ближе или дальше обступили озеро со всех сторон, иногда скалы прямо падают в озеро отвесно и стеной, как было и в нашей бухте. С утра отец

присматривался к погоде и ветру, делал прогноз и назначал дневную работу так, чтобы к началу очередного разреза мы могли прийти под парусами, а закончив дневной урок, вернуться домой тоже с ветром. Лодка наша имела достаточно хорошие мореходные качества, она отлично шла под боковым ветром и даже шла в бейдевинд, правда, не очень круто, поэтому точное направление ветра не имело для нас очень важного значения. Работа, как всегда, была напряженной, материала собиралось много, но в команде на этот раз была мать, отвечавшая за часть ботанических, но принимавшая участие и в обработке прочего материала, которой добрую часть дня были заняты и два лаборанта. Бывали и такие дни, когда мы с кем-нибудь из лаборантов на веслах выгребали против волны и ветра, идя в полной темноте на огонь керосиновой лампы, выставленной матерью на окно, но были и счастливые случаи попутного ветра, когда, развернув паруса "бабочкой" (перпендикулярно к длинной оси лодки), под свежим ветром мы летели со скоростью хорошего парового катера. Охота и рыболовство по необходимости (есть-то надо) входили в список обычных наших занятий. Бывали и дни посвободнее, когда я мог просто пройтись под парусами ради упражнения, что позволило мне научиться свободному обращению с лодкой в любую погоду. Высокая зеленая волна, иногда заплескивавшаяся в лодку, свежий ветер, пена и брызги, когда она, крепясь, бойко бежит под боковым ветром, чувство полета стали привычными элементами повседневного существования.

Однажды в случайном дорожном происшествии в другой части республики отец познакомился с лодой высшего ранга, сухим стариком в ярко-желтом халате. Происшествие было ничтожным и скоро забылось. Но во время одной из гусиноозерских экспедиций оно вспомнилось: нас пригласили на годичный храмовый празд-

ник в Тамчу. Были отложены все дела, и мы под парусами отправились туда.

ДАЦАН.

От нашей базы до Тамчи было около 30 км, и мы всю ночь слышали рев ухир-буре, четырехметровых труб ритуального ламаистского оркестра, доносившийся к нам оттуда через ночную озерную тишину. Ветер был в три четверти с кормы, лодка бежала резво, и ми часа через полтора были уже в Тамче. Отец пошел представиться настоятелю монастыря и у него встретился с тем высоким ламой, с которым когда-то познакомился. Он оказался бандидо-хамбо-ламой, старшим по чину во всем Забайкалье священником, управлявшим всей епархией.

Ламаизм — тибетская ветвь буддизма. Он проник в Забайкалье в 17-18 веке, сменив шаманизм, хотя и принял в себя некоторые его ритуалы. В Забайкалье было 30 дацанов, ламаистских монастырей, в которых подвизалось около 10 тыс. лам, и которые владели большой земельной и прочей собственностью. Царское правительство принимало меры по ограничению роста числа дацанов и сделало кое-что по ограничению поборов лам с прихожан, но больших успехов в этих начинаниях не достигло. Практически все население Бурятии было охвачено культом и принимало участие в культовых мероприятиях, как храмовых, так и бытовых, причем последние были наиболее шаманистскими (культ богов местности, рода и т.п.).

Конструкция ламаистской церкви очень напоминает конструкцию церкви католической: в Дхаосе сидит далай-лама со своими высшими советниками, он не только представитель Бога на земле, но и прямое его воплощение, бандидо-хамбо-лама управляет диоцезами, подразделениями на епархии, подчиняющиеся хамбо-ламам, настоятелям дацанов. Курс богословского образования для лам

и сложен, рядовые ламы едва грамотны по-монгольски, неграмотны по-русски, и свою богословскую премудрость по-тибетски (латинь ламаизма) учат наизусть, вряд ли полностью понимал смысл заучивания. Но высшие священники проходят курс высшего образования в Европе и длительный курс специального образования в Тибете и Индии. Таким образованным и был наш новый знакомый бандидо-хамбо-лама. У него была с собой небольшая библиотека, в которой были книги на нескольких европейских языках, и они с отцом время от времени переходили в разговор на французский. По его распоряжению мы с отцом были допущены в храм во время праздничной службы, наблюдали мистерию, развернувшуюся перед храмом, с балкона третьего этажа храма, а я имел возможность обойти храм во время службы. Надо сказать, что во время богослужения в храм не допускаются даже прихожане, уж не говоря об иностранцах, поэтому такое разрешение надо считать высокой честью.

Главный храм имел три этажа, ступенчато, уменьшающейся снизу вверх площади: нижний этаж имел размеры, примерно, 50x50 м, а верхний - всего 6x6. На двух верхних были широкие балконы с перилами, крыша верхнего была увенчана парой бронзовых оленей, встретившихся так, что начищенный бронзовый диск солнца поместился между их рогами.

Я обошел храм, где на ковриках длинными рядами сидели несколько десятков лам, монотонно и в унисон читавших тибетские молитвы, и наполненный большим количеством статуй ламаистских божеств размером от 10-15 см до 3 м, с курящимися благовонными палочками почти перед каждой, отчего воздух в храме был синеватым, а голова немого кружилась. Примерно, каждые 15 минут взреживал оркестр, составленный из духовых инструментов и барабанов разного размера до 2 метров в диаметре. Музыка была тревожной, хотя мелодия едва обнаруживалась в ней, и она вряд ли

имела такое давление на такти. Непрерывно звучали раковины: два монаха по очереди дули в свои раковины, настроенные очень точно, так что казалось, что звук непрерывен. Среди скульптур буддийских божеств время от времени можно было видеть и страшновато-совершенных уродливых демонов тибетского происхождения. Но наибольшее впечатление производила деревянная скульптура женщины в сари, придавившая ногой негра, у которого изо рта текла кровь, а ярко-голубые глаза были выпучены. Негр был размером в нормальный человеческий рост, а придавившее его божество было высотой метров 12. По витой лестнице можно было подняться на третий этаж, который почти ^{был} весь занят головой божества, и голову эту на расстоянии метра полтора окружал балкон, с которого можно было взглянуть в прекрасное лицо статуи. Оно было спокойным спокойствием полного знания, глаза его смотрели на вас и видели вас, но видели также и всю даль времен и пространств. Чантеон ламаизма громаден и очень сложен (Ламаизм в Бурятии 18 начала 20 века. М., 1983), и я его не знав; тогда мне представилось, что это была женская скульптура: стройное сложение, что-то вроде сари. Но это мог оказаться и Матреля, грядущий Будда-мессия.

Хоровод мистерии этого праздника (цама) начался часа за два до захода солнца, в нем участвовали десятка два часок, на наш взгляд страшноватых, но все они представляли силы добра, некоторые из них, наверно, самые могучие, были на ходулях. Маскаворон представляла активное зло, все время пытавшееся вредить силам добра. Перед самым заходом солнца выстроилась процессия этих часок, предводимая оркестром с громадным ухыр-буре и другими инструментами, а впереди два монаха несли сооружение из легких деревянных планок, облитое лентами и похожее на пирамиду высотой метра два, которое символизировало зло, накопившееся

в мире за год. Совсем перед закатом солнца сооружение это (доор) было сожжено на костре, и округа оказалась очищенной от зла дочиства.

Мы с отцом наблюдали мистерии с балкона дацана и, похоже, правильно определили ее значение.

Как я уже говорил, отец был сознательным атеистом, но институт религии уважал, считая религию гранью духа данного народа, сложившегося исторически и потому совершенного. В частности, красные гуся (турпаны), которых множество плавало в степных озерах, были им табуированы: турпана нельзя было подстрелить даже тогда, когда ^{к да} было совершенно нечего есть: турпаны по еще шаманским обычаям считались у бурят птицей священной.

Он прошел со мной по храму, мы осмотрели молитвенные барабаны от больших (метра по три высотой и диаметром) до тех, которые рядами были расположены вдоль стены храма с внешней его стороны и медленно прошли вдоль них, и прокрутили барабаны с тем, чтобы тибетская молитва, напечатанная на шелке и вложенная внутрь барабанов дошла до небес, до богов.

В 1931-1932 годах отец провел экспедиции по исследованию реки Ципи и группы Баунтовских озер. В этих поездках я с ним не был, я уже уехал в Москву учиться. В одной из этих экспедиций с ним был брат Женя, как был он и в одной из последующих экспедиций на Гусиное озеро, тоже побывав на храмовом празднике. Он привез оттуда утаченную им, конечно, без ведома отца, икону на плоском куске камня размером 20х30 см., где было изображение одного из воплощений Будды.

ВРЕМЯ.

1927-1932 годы - годы больших перемен в жизни страны: пятилетка индустриализации, коллективизация сельского хозяйства, становление СССР как великой державы современного мира.

Мальчишка, занятый своими увлекательными делами, я сначала видел только то, что было вплотную вокруг меня, и непосредственные события моих путешествий с отцом, тяжкие школьные занятия, увлекательные подвижные игры с ребятами моего квартала, моделирование, в котором я достиг хороших успехов, беспорядочное и почти непрерывное чтение книг из все увеличивавшейся домашней библиотеки, — всего этого было достаточно для наполнения моей жизни. Случай вывел меня из этого состояния индифферентности в отношении к большому миру.

Однажды я увидел демонстрации наших городских комсомольцев. Они шли в своих, тогда принятых формах (гимнастерка с портупей, бривки-галифе, гетры до колен, кепка, как у Ленина, сдвинутая назад), построенные по-взводно и несли лозунги "Дашь мировую революцию!". Я тогда подумал, что давно уже пора, построившись по-взводно отправиться в прогнившую насквозь Европу, и навести там должный революционный порядок. Я, конечно, тоже должен был бы принять участие в наведении этого порядка в Европе. Чтобы узнать, с чего начать работу, я отправился в прекрасный читальный зал нашей городской библиотеки и стал изучать периодику. Мне показалось, что работу эту нам не удастся закончить к началу ^снового учебного года, как я надеялся. Выяснилось, что Германия давно уже не питается черным хлебом с бриквенным по-видом, а в соответствии с планом Лауэса строит крупный и очень опасный для нас морской флот, Бриан (французский премьер) конструирует Соединенные Штаты Европы, а бастующие докеры Англии могут не так уж много, поскольку Остин Чемберлен, так печально потом прославившийся в Мюнхене, призывает к новой интервенции и против России. Я принял самое деятельное участие в сборе денег на постройку эскадрильи "На наш ответ Чемберлену" и решил посвятить себя индустриализации страны; к тому времени я уже

построил свой первый радиоприемник, и уже знал, как приложить свои силы к общему делу. Лозунги "Построим 570 крупных предприятий и 1040 машинно-тракторных станций!" были вывешены повсюду, и я знал, что место приложения моих сил найдется.

Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ), организовавшиеся в начальном времени коллективизации не имели достаточной материальной базы: составившие их бедняки не могли обеспечить новые хозяйства достаточным количеством лошадей и инвентаря. Поэтому ТОЗ не составили какой-либо конкуренции в торговле хлебом основным его поставщикам крестьянам семейских (староверских) общин, и члены ТОЗвели едва обеспеченное существование. Семейские жили крупными селами, семейная община обрабатывала единый клин земли без размежевания участков, числившихся собственностью отдельного члена семьи. Избы и надворные постройки были сделаны добротнo и просторно, в каждом дворе было по три-пять лошадей, несколько коров и прочая живность, всегда исправный инвентарь. Все это было чисто, ухожено, здорово и сито. Хлебное хозяйство семейских было высокотоварным, именно они обеспечивали хлебом всю округу и поставляли его для закупок государству. Семейские всегда были сыты, чисто одеты в свою традиционную одежду (национальная одежда русских 17-18 века), не пили, не курили, и подчинялись жесткой дисциплине рода: все вопросы решались окончательно только хозяином семьи, а в редчайших случаях разногласий в семье - старшим в роду. Работники они были замечательные, и работа их, крестьянская ли, плотничная ли (в артелях отхожих промыслов) была всегда сделана добротнo и до конца.

Когда было принято решение о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, в Забайкалье пользовались общесоюзными нормами при определении статуса двора как кулацкого или неку-

лацкого: все, у кого было больше, чем две лошади - кулаки, меньше - бедняк или середняк. Все имущество кулаков, определенных таким образом, подлежало экспроприации, а сами они вместе с семьями выслались куда-нибудь в необжитые места; бедняки должны были составить массив колхозников, в который могли войти и середняки, причем если середняк уклонился от вступления в колхоз - всегда находился повод причислить его к злостным подкулачникам, чем и определялась его дальнейшая судьба, такая же как и у кулака.

У семейских обычно во дворе было больше, чем позволяла эта норма, лошадей и прочего имущества. Это позволяло им обрабатывать большие участки земли, обеспечивало товарность их хозяйства, все было заработано многолетним тяжким крестьянским трудом. Поэтому, когда семейские поняли, что с ними будет, они возмутились. Начались массовые пожары в селах, горел хлеб на полях и в амбарах, забивалась скотина (и часто не для того, чтобы продать мясо, а чтобы не сдать скотину в колхоз). В "комиссаров" - уполномоченных по коллективизации - стали стрелять, многие села поднялись целиком и, взяв с собой возможное количество скотины и хлеба, ушли через Монголию в Китай. Дальнейшей судьбы этих людей я не знаю, но, наверно, русские колонии под Харбином, во Флориде и Канаде пополнились из этого потока.

Члены колхозов долго еще (очень долго) не могли стать коллективом, стремящимся к единой цели и связанным общей ответственностью за результат труда, жалость к "своему" оданному в колхоз, максималистские начинания по обобществлению чуть ли не продуктов ежедневного питания и дворовых куриц препятствовали коллективистскому объединению людей. А нехватка тягла, земли, инвентаря, и обязательное выполнение указаний о том, что

и где сеять, в какие сроки, исходившие от некомпетентных людей из высших организаций, привели к тому, что эффективность сельского хозяйства катастрофически упала. Выдача всех основных продуктов питания была, по необходимости жестко нормирована, сначала по заборным книжкам ЦРК (центральный рабочий кооператив), потом - по продовольственным карточкам, введенным повсеместно.

С НЭПом было покончено. Закрылись лавки, когда-то полные разнообразного товара, опустел городской рынок: торговля даже редиской со своего огорода стала квалифицироваться как спекуляция. Распались артели, плотницкие и другие: артельщик был предпринимателем буржуазного типа, и с ним покончили налоговыми или прямыми административными мерами; кроме того, деньги потеряли свою действительность и на них уже нельзя стало купить материалы и инструменты. Это последнее привело к тому, что закрылись и все кустарные промыслы, и вставка разбитого в окне стекла или починка ботинок сделались проблемой чрезвычайной трудности.

Уехали в свои Синьтэзянь все китайцы-огородники и разносчики, и ведро картошки или пучок морковки стали тоже проблемой.

В 1927 году была проведена первая чистка партии, которая скоро распространилась и на государственные учреждения, а еще немногоспустя процесс чистки стал перманентным. Из партии исключались все, кто имел хоть самое отдаленное отношение к белому движению, церкви, дореволюционной торговле, офицеры не только белых армий, но и царские (служили-то, вроде, царь!), даже и по своей воле перешедшие на службу к красным. Весь этот народ увольнялся и из государственных учреждений независимо от того, как они работали, от их квалификации, от степени их сознательности.

Прошли первые вредительские процессы (шахтинское дело), в которых и на самом деле были открыты элементы вредительства,

неумелого и плохо организованного. В кружке знакомых, тогда еще собиравшемся у нас, эти процессы были обсуждены и участники вредительских мероприятий были осуждены общественным мнением как нарушители патриотического долга: страна только-только еще начала подниматься из разлухи гражданской войны, и долгом каждого истинного патриота был труд на пользу становящейся экономике.

В 1929 году я закончил среднюю школу и уехал в Москву, где был принят в семью Шарковых. Мой блестящий аттестат из школы был мною заслужен, я очень много читал, знал хорошо не только русскую литературу, но и в мировой разбирался свободно, поездки мои с отцом по Забайкалью и работы в экспедициях дали порядочные знания в естественных науках и сильно расширили мой общий кругозор. Но в педагогическом отношении я был совершенно запущен: неряшлив в делах и быте, ни в малой мере не владел культурой общения, несмотря на большую начитанность, плохо управлялся с российским лексиконом. Мать была ничтожным педагогом, отец, вечно занятый мыслями и делами о своей науке, совсем не занимался тем, что называется воспитанием, делая в нем только самое главное (расширение кругозора, приобщение к труду, внедрение начал этики (в пределах Нагорной проповеди, чего, впрочем, предостаточно); и это главное давалось чаще всего не в лекциях и нотациях, а непосредственным примером поведения в определенных ситуациях. Но, вероятно, задатки природе и семейные были достаточно хороши, поскольку тетя Шура (Александра Сергеевна, сестра отца) за довольно короткое время сумела сделать из меня нормального члена общества, конечно, не без недостатков и особенностей, присущих всякому отдельному человеку.

Экзаменов тогда не было, при поступлении в ВУЗ требовался аттестат из школы и справка о социальном происхождении. Аттестат мой был отличным, а справку о социальном происхождении отец добыл стандартную - я был "из семьи служащих". Я, конечно, отправился в самую высшую школу по радиоделам - в Академию связи министерства обороны, и был сразу принят. Но после уже первой лекции, смутившей меня своим порядком, когда преподаватель не заботится продиктовать главное, но я сам должен это главное выбрать и фиксировать, был вызван в учебную часть, где сам старик Геништа, один из пионеров нашей радиотехники вернул мне мои бумаги, и оказал, что произошла ошибка: мне нет еще необходимых 17 лет, что через год, мол, милости просим. К тому времени я уже интуитивно знал, что бывает только то, что бывает, и не очень огорчился, но сейчас же принялся искать другой ход в любимую радиотехнику. Он нашелся почти тут же: на обратном пути из Академии домой я прошел через Сухаревку (Колхозная площадь ныне) и увидел славный старинный особнячок в два этажа, на котором была вывеска "Первый радиотехникум УСМО", куда сразу и зашел со своими бумагами. "Первый!", Радиотехника! - мне показалось это замечательным, самым подходящим, "УСМО?" - узнав потом (Управление связи Московской области, и узнавать не пришлось долго). Тетя Шура посомневалась немного, но видя мой энтузиазм, не противодействовала, и я уже на другой день стал студентом этого техникума.

Тогда еще не было современных программ для техникумов, заорганизованных до мельчайших подробностей, и этот столичный техникум, пользуясь услугами преподавателей ВУЗов, сам построил свои программы, и построил их хорошо. Главные наши предметы (математика, электротехника, радиотехника) велись почти в объемах ВУЗов, и подготовка, которую я там получил, была очень хорошей. Современные техникумы такой подготовки дать не могут. Были у меня

затруднения с математикой, которые бывали почти у всех, впервые после школьной алгебры переходящих к анализу, но "функция" Н.А. Морозова - ниссельбуржца, оказавшаяся в книгах Шарковых, помогла преодолеть затруднения, и учебники Пессе и Лукина, которыми пользовались в технических ВУЗах, принятые в техникуме, стали совсем понятными.

Владимир Александрович Шарков, дядя Володи, был отличным специалистом и прекрасным работником, в Госплане, где он работал, его заметили и в 1930-31 с большим повышением по службе направили в Архангельск, куда мы и переехали. Я был переведен на радиоотделение тамошнего техникума связи и продолжал свои занятия. Но этот техникум был поставлен куда хуже московского, в учении было много школярства, и я заскучал. В это время мне стало известно, что отец неуклюже переводит деньги на мое содержание. Хандность ему была совсем несвойственна, происходило это от неряшливости, вообще присущей Соллертинским, как я мог наблюдать и потом. А с деньгами в семье Шарковых было туговато. Порядочный заработок В.А. на его высокой должности из-за инфляции тех лет стоил немногo, важнее было то, что мы были прикреплены к хорошему распределителю, как полагалось ему по должности, и поэтому не испытывали серьезных трудностей с продуктами питания. Время было карточное, даже в привилегированном распределителе нам давали все-таки не совсем достаточное количество еды, ее надо было добывать еще где-то, и деньги были бы полезны. Мне легко давалась та рутинная работа, которой требовал техникум, и я собрал монтерскую бригаду из студентов. Мы брали подряды на оборудование освещением новых зданий, и заказы у нас бывали серьезные. Но уже при первом расчете меня обманули, и та сумма, которую я смог отдать тете Еуре была значительно меньше той, на какую я рассчитывал. Из-за постоянной нехватки материалов и столь же постоянных обзчетов бригаду пришлось распустить. Зато я с большим

вниманием стал заниматься радиоделом: там, постепенно усложняя свои аппараты, я построил приемник, принимавший всю Европу, часть Азии и Северную Африку. Тетя Шура посмеивалась надо мной: некоторые аппараты жили только несколько дней, иные она не успевала и послушать. Но и оказывала все содействие мне в этих занятиях, очевидно, понимая их пользу для дела, которому я предавался с таким увлечением.

Летом 1931 года вся семья уехала из Архангельска: дядя Володя был с новым повышением переведен опять в Госплан Союза. Я же до конца года остался в Архангельске, чтобы закончить учебный год в техникуме. Меня направили на практику по оборудованию радиовещательных узлов на лесозаводах Соломбали и Маймакси. Я монтировал на причальных линиях лесозаводов, к которым приставали лесовозы со всего мира, и на причальных линиях встречался с иностранными матросами, говорившими на морском варианте пиджин-инглиш, а из всех русских слов знавших только слова "уодка". Только скандинавы говорили на хорошем английском, но в русском и они не шли дальше "уодки". Зимой я по инициативе тети Шуры занимался английским с природной англичанкой, осевшей в Архангельске уже давно, но, кроме моей, видимо, не очень большой способности к языкам, внешняя причина послужила поводом к тому, что эти занятия не принесли серьезного успеха в моем продвижении к знанию языка: у моей учительницы было недержание мочи, и от запаха в ее комнате я терял даже те скромные способности к обучению, которыми располагал от природы. Тут, на причальных линиях лесозаводов, мне удалось научиться через пень-колоду объясняться с англоговорящими матросами и я приспособился изменять у них на наши папиросы и водку что-нибудь из еды: пачка жестких, но вкусных и питательных галет, кусок солонины были очень кстати при скудном питании, которое можно было получить по моим карточкам.

Появились монтеры, под начало которым практиканты были

отданы, были истинными мастерами своего дела, и тогда я научился ценить хорошую рукодельную работу, причем работу, которая обязательно закончена, а таковой была не просто законченная работа, но такая, что и отходы и мусор после работы убраны начисто.

ВРЕМЯ.

Грандиозный размах работы по индустриализации хозяйства привел к серьезной нехватке работников во всех отраслях его. Тогда вошли в обычай субботники, с помощью которых выполнялись массовые работы, не требующие квалификации. В Архангельске мы часто работали на субботниках по погрузке леса на лесозовнице суда и в вагонч. Собственно погрузку производили стивидоры, люди опытные и уважаемые, а мы, привлеченные к этой работе, под руководством старшего стивидора, главное внимание которого было обращено на работу в трюме парохода, готовили пакеты для погрузки на причальной линии, сортировали бревна, подвозили пакеты к линии погрузки. Работа эта была тяжелой, порядочно опасной, но мы работали с полной отдачей и уставали до изнеможения. И тогда для организации такого субботника не требовалось общего собрания с предидумом и секретарем, протоколом и голосованием. Просто приходил к нам парторг или кто-нибудь из дирекции предприятия и говорил, что такую-то работу надо сделать для пользы дела вот тогда и там. Авторитет руководства был так высок, что все, кто хоть как-нибудь мог помочь шли на субботник и работали в полную силу. Все мы были плохо одеты и не очень ситы, но по должности или на субботниках работали не считаясь со временем: энтузиазм был всеобщим.

Закончив практику в Архангельске, я оказался опять в Москве, в семье Шарковых и продолжал занятия в своем техникуме. Месяца на полтора осенью 1931 года все студенты техникума были мобилизованы на телефонизацию сельсоветов Московской области.

И с группой однокурсников работал в Егорьевском районе. Мы жили в деревнях в избах-читальнях, иногда в крестьянских домах, тянули свои провода через поля и перелески, пересекали или проходили вдоль безмянничных для нас речек, работали от зари до зари. И эти чуть возхолменные просторы полей и лугов, чистые леса под тихим осенним солнцем или в дымке утреннего тумана стали еще одним образом России для меня.

Наш карточный паек не всегда поступал к нам вовремя, и мы часто жили на том, что удавалось тайком насобирать на крестьянских огородах, да на грибах, которые в тот год хорошо уродились. Те небольшие деньги, которые мы зарабатывали, были почти бездейственны: коллективизация набрала уже силу, все возможные продукты были мобилизованы в централизованные фонды, и на деньги ничего купить было нельзя; сами деревенские жители нуждались в хлебе и другой еде.

Был ли этот выпуск ускорением (тогда такое бывало часто) или я сумел опередить программу, что поощрялось - не помню. Но уже в начале 1932 года я сдал все экзамены и защитил свой дипломный проект. Тогда не требовали роскошного чертежного оформления проекта на стольких-то листах (что сейчас, по большей части, делается перечерчиванием уже готового и работающего где-нибудь устройства или даже целого цеха), нужно было дать свое решение технического задания, пусть не блестящее внешне, но самостоятельное и достаточно разумное. За свой проект я получил отметку отличную и был удостоен ранга техника первого разряда.

Все эти годы в Москве и Архангельске, проведенные в семье Барковых, продолжалась и углублялась наша дружба с Ерой и Лёлей, моими двоюродными братом и сестрой, начавшаяся сразу по моему появлению в семье. Тете Шуре я тогда стал еще одним сыном и оставаясь многие годы, хотя исчезал надолго и появлялся на их гори-

зенте только время от времени. Тогда тетя Шура целеустремленно занималась с нами тем, что сейчас называется эстетическим воспитанием. По личным склонностям музыку она взяла на себя, а изобразительное искусство было поручено дяде Володе. Сама она хорошо играла на рояле, имела большой вкус в музыке (романтический, как у всего того поколения русской интеллигенции), и Чайковский и Мусоргский, зарадные романтики, включая Бетховена были что называется на слуху у нас. Она ввела нас в оперу и симфоническую музыку. Дядя Володя к музыке был равнодушен, но знал и любил русскую живопись, и сам писал маслом небольшие пейзажи в очень русском стиле. Несколько его пейзажей и сейчас еще сохранились у Еры. Он водил нас в Третьяковку, особенно останаавливался у картин передвижников, которыми увлекался. Во всех этих занятиях выяснилось, что Ера к музыке тяги не имеет, но живопись и скульптуру видит, Лёля уже тогда начала серьезно рисовать, а у меня никаких таких способностей нет начисто. Потом Лёля стала профессиональным архитектором и писала великолепные акварели, у Еры открылись серьезные способности к стихотворчеству и скульптуре (некоторые из его деревянных скульптур могли бы обогатить любую выставку), а я так и не умею ничего художественного, и никогда не умел.

И было у нас тогда одно удивительное лето в Посаде, последнее лето моего отрочества, когда мы бродили по окрестным лесам, плавали на лодке по быстрой и чистой Мсте, вечерами слушали игру тети Шуры на рояле, еще сохранившемся с дореволюционных времен. "Времена года" - "Сентябрь", сумерки, и за отставшими обоями шуршит мышка. Рояль орехового дерева, немного расстроен, и звук у него клавишный.

В техникуме, естественно, было много московского и подмосковного народа. Большинство неровило остаться в Москве и не гна-

лось за должностями, спор был из-за любимого монтерского места. Поэтому мое желание ехать в Бурят-Монголию было немедленно удовлетворено, мне дали сколько-то денег на проезд и необходимые направляющие бумаги. Но диплома не выдали, сказав, что я его получу на месте: получив его на руки в Москве, я мог бы устроиться по своему желанию где угодно, такова была нужда в квалифицированных работниках.

Диплом потребовался мне лет через двадцать, и события, связанные с его восстановлением явились эпизодом, в котором доброта народа и его благожелательность открылись мне в полной мере. Потом я остановился на этом эпизоде.

ДОМЫСЛЫ.

Бог пребывает в начале всех времен и в каждом времени видит все от точки, когда в этом времени еще ничего нет до точки, когда в этом времени уже ничего нет. Видит, но смотрит ли? Всемогущий, он не может иметь желаний.

ОПЯТЬ ВЕРХНЕУДИНСК.

Здесь меня сразу же определили в помощники по радиоделу к уполномоченному Министерства связи в республике. Фактически я стал помощником министра связи республики (я не знал, как такая должность называется сейчас). Работа была бумажной, я по своему незнанию важности бюрократического аппарата, ее тяготился и, наверное, делал ее так себе. Тогда были предприняты первые работы по радиофикации всей территории страны, и на меня легла организационная часть этой работы в республике. Тогда в радиоделе даже связи не разбирались совсем, поэтому мне пришлось объехать всю республику, устанавливая приемники, строя небольшие сети вещания и проделывая работу, с которой сейчас справился бы даже не очень способный ученик старших классов школы. Я, конечно, при этом обучал местных связистов азам практической радиотехники. Дело двигалось довольно успешно, число точек радиовещания быстро увеличивалось, а с этим и увеличивалось число заявлений о неисправностях уже задействованных систем. Вся работа проводилась при постоянном недостатке материалов и необходимых деталей, часто пункты приема замолкали надолго, что вызвало недовольство мной со стороны моего начальства.

ВРЕМЯ.

1932-1934 годы - вот тот отрезок времени, которому посвящен этот отрывок. С трудностями, усугубленными внутренними неурядицами, страна преодолевала действие экономической блокады своего враждебного окружения, и окружение уже вплотную приступило к конструированию военного конфликта, в котором надеялось подчинить себе наши внутренние события. В дальневосточном регионе положение ^{тогда} было очень опасным. Вспыхивали обострения конфликта на КВЖД, начавшегося в 1928-29 годах, когда китайский ге-

нерал Чжан-Тзо-Лиан попытался захватить эту дорогу и расстроил ее работу; тогда все решили молниеносные действия нашей армии, чего по политическим мотивам сейчас делать было нельзя. Японцы уже выбрались на континент и сколотили империю Манчжоу-Го, получив таким образом плацдарм для продвижения в нашу сторону.

Работа железнодорожников и связистов была переведена на режим военного положения. Распоряжения стали приказами, которые не подлежали обсуждению, нарушение дисциплины стало воинским преступлением; только еще не было введено казарменное положение, хотя форма уже была предписана, и мы не носили форменной одежды только по причинам хозяйственным: что-то и где-то еще не было к этому готовым.

Тогда еще не было современных сетей связи военного ведомства, густых и хорошо оборудованных, и вся связь для этих нужд обеспечивалась сетями Министерства связи, что, конечно, ложилось тяжелой нагрузкой на плечи моего начальника и многократно увеличивало его ответственность.

А я часто и по пустякам вздорил со своим начальством, не всегда достаточно четко выполнял его распоряжения, и, наконец, отказался выполнить какое-то, вероятно, вполне необходимое и разумное распоряжение. Мой начальник, вымотанный своей невозможной нагрузкой, не стал тратить времени на разговоры, а воспользовался правом командира и отдал меня под суд ревтрибунала. Но случай, видимо, был нестоящим внимания военной юстиции и она сказала обойтись своими мерами. Так я по приказу был понижен в должности: меня назначили заведовать городским радиоузлом. Товарищи по управлению ахали: такая должность — главный радиотехник республики! И вдруг на рядовую работу! Я же ликовал, добравшись, наконец, до своих обожаемых репродукторов, отверток и радиодивера, набитого в разных формах ящики, которых тогда

появлялось все больше.

Тогда вводился хозрасчет, и я получил подразделение, в котором нечем было платить зарплату. Пришлось нажать на развитие радификационной сети в городе, которое - теперь я понимаю - было сделано далеко не самым лучшим и разумным образом, и дела вошли в норму. Штат всегда был неполным и мне пришлось ввести самодельную автоматику, обеспечивавшую работу усилителей без обслуживания. Одно из звеньев этой автоматики было тогда совсем вновь не только для нашей страны, но, вероятно, и для мира. Если бы я тогда позаботился о патентной заявке, оно могло бы прославить меня, но в те времена мало думали об этом, важно было получить нужный эффект вот тут и сейчас. Тогда многое было впервые и, может быть, оборудованная мною схема синхронного перевода для какой-то советско-монгольской конференции, проходившей в Верхнеудинске, была тоже первой в стране.

Вокруг меня были хорошие люди, все мы были захвачены идеей индустриализации, я все время был членом коллектива в полном социологическом смысле, когда группа людей связана решением одной задачи, близкой и понятной всем. Существование в этом переплетении технических, административных и дружеских связей было очень важным в продолжении всего человеческого становления.

Пока я отсутствовал, дома произошло много перемен. Все они произошли от влияния внешних для семьи причин, действие которых было повсеместным, чего в своем увлечении занятиями в техникуме, начальными делами трудовой жизни, вхождением в мир искусства я не заметил, а если и мимолетно замечал - пропускал без внимания, как не замечает совершенно здоровый человек перемены в погоде: было солнце, стало пасмурно - ну и что ж? Жизнь продолжается, мои дела идут, я сам продолжаюсь.

Отец по-прежнему напряженно работал по рыбным делам в Илчине республики, провел большую и трудную экспедицию по

то описание рек Шипы и Шипихана, системы Ваунтовских озер, закончил, в основном, свой полупромышленный эксперимент по искусственному разведению омуля и готовил отчет. Как всегда в таких случаях, мать под его диктовку часа по три в день печатала на машинке. Но чувствовалось какое-то напряжение во всех его действиях и высказываниях, было очевидно, что он все время чего-то не договаривает, когда рассказывает о своих делах по службе. Стало голодно — не до гостей, но и, оказалось, что многие из тех, кто бывал у нас раньше, были уволены после очередной чистки или уехали не дожидаясь увольнения. Кончились наши вечера оживленных дискуссий на самые разные темы, кончилось и домашнее музицирование. Отец все чаще садился за пианино и разрабатывал уже давно известную мне композицию, трагическую, но теперь получившую глубоко мрачное звучание. Он никогда не записывал ее и не помнил даже мелодии, но узнал бы ее сейчас, прозвучи она в любом исполнении.

Все уяснилось в начале 1933 года, когда отец пришел расстроенный с работы и сказал, что нам надо уезжать из ВУдинска: его усилия ограничить по необходимости увеличивавшийся вылов рыбы из водоемов республики были оценены как попытка затруднить и без того плохое снабжение населения продовольствием.

ВРЕМЯ.

А вредительские процессы шли уже по всей стране, один или два были и у нас. Всякая случайность, нарушавшая технологию какого-нибудь производства (а их стало много, таких случайностей, поскольку связи производства непоздних времен были нарушены, а новые еще долго не могли сложиться), особенно если такая случайность привела к понижению выпуска продукции, стала рассматриваться как следствие вредительства со стороны руководства предприятия. Ни один руководитель не мог быть спокоен за свои

судьбу: в любой момент мог объявиться "разоблачитель" из его же штата или сверху, кто-то, кто жаждет продемонстрировать свою гражданскую доблесть, вскрывая очередного вредителя и тем самым укрепляя свое положение и тем увеличивая свои шансы на занятие должности этого вредителя или на замещение ее своим человеком.

Развернулась широкая кампания раскулачивания. Кулака - по лозунгу - надо было истребить как класс. По норме, разработанной на примере малых наделов и бедных крестьянских хозяйств средней полосы России, все у кого во дворе было больше, чем две лошади, попадали под квалификацию кулаков. Во дворах же семейных, как правило, было больше двух лошадей, и главная масса истинных работников земли и производителей хлеба и мяса подверглась процедуре раскулачивания. Колхозы строились в опоре на бедняков (одна лошадь, нет лошади) и на середняков (две лошади), однако далеко не все середняки соглашались на обобществление своего имущества. В этих случаях всегда находился способ объявить этого середняка злостным подкулачником и тем обречь его на раскулачивание: взятка, отобрание имущества. Здесь - как и в городе - находилось достаточно людей, желавших в целях собственной безопасности и выгоды проявить свое гражданское рвение. Слабоисильные колхозы, только по номинальному статусу коллективные, не имевшие достаточно тягла, инвентаря и семян обрабатывали только малую часть земли, когда-то приносившей прекрасные урожаи, и обрабатывали ее плохо.

В городе и в деревне злоба, зависть и подозрительность получили свободу развития, а клевета и доносительство стали доблестью.

В этих обстоятельствах отец списался с нужными людьми в центре и через полгода был приглашен на должность заместителя директора по научной части в Гурьевский филиал Всесоюзного института озерного рыбного хозяйства (озерного: Каспийское море есть внутренний бессточный водоем, не сообщавшийся с Мировым океаном). В это время стало у нас совсем голодно, по карточкам можно было получить только небольшое количество хлеба (простояв в длинной очереди), а способностей к доставанию ни у отца, ни у матери совсем не было. Дошло до черемши, поджаренной на касторке, у меня все время кружилась голова, от слабости я едва мог подняться на небольшую возвышенность, где располагалось управление связи. Тут случилась у отца удача - единственная за все время нужды в еде: выполнив какую-то работу для "Интегралсоюза", занимавшегося снабжением золотых промыслов, он получил в уплату за нее чуть не целую тушку горной козы; наголодавшись, мы ее съели очень быстро.

Примерно, в половине 1933 года вся семья уехала в Гурьев, но меня мое начальство не отпустило, как не отработавшего обязательный срок после окончания учебного заведения.

Я остался один в квартире из трех комнат и с доброй долей нашей семейной библиотеки, которую должен был отправить в Гурьев по железной дороге. Я, увлеченный своей работой, сначала не очень стремился поскорее уехать, но потом заскучал, а в письмах отца писалось о новой природе, море, интересной работе, и я стал усиленно проситься у начальства. Пришлось прибегнуть к какой-то выдумке (какой - не помню), и меня отпустили, но справку с места работы выдали такую, что ни один разумный руководитель не принял бы меня на работу даже дворником. Отправив книги, я поехал вслед за ними.

Тогда еще не было в Гурьеве железной дороги, надо было от Саратова ехать по Волге до Астрахани, потом - на пароходе же - по Каспию в Гурьев.

После широких водных просторов Оби, Байкала, забайкальских озер Волга показалась мне неширокой уютной и домашней речкой, а Игулы я попросту не заметил, пока мне на них не указали: было еще свежим впечатление от отрогов могучего Хамар-Дабана, в которых прошло несколько лет моей жизни.

СЛЕЗЫ В КИЛЕТКУ.

В предыдущем (пропавшем) варианте этой грамоты было большое число отступлений географических, исторических, в эпизодах рисующих проявление характерных черт времени, непритязательных эссеичиков типа, я бы сказал, некоторым образом философического. Время торопит, в этом варианте отступлений почти нет; но с водой оказался выплеснутым и информационный ребенок. Выпущены воспоминания о том, как Автор:

- полюбил Москву, особенно в ее старой части внутри Садового кольца. Как на его сочувственных глазах разломали храмовую часть Страстного монастыря (довольно уродливую), убрали из корня Тверской Иверскую часовню (в ней заключен брак Бориса Годунова с Марией Скуратовой), а улицу расширили, разрушили храм Христа-спасителя (он своей мрачноватой византийской пышностью, расположившись на широком пандусе над Москва-рекой, утверждал землю, Москву, Россию) и заместили его начавшейся постройкой Дворца Советов по Иофану высотой 412 метров, так и оставшейся незаконченной; как таблички "Тверская" на его глазах рабочий заменял на таблички "ул. им. М. Горького". Шаги саженями были тогда увлечением Автора;

- проникся красотой земли. Просторы долин и вод, горы, рвущиеся к небу, душистые и чистые леса Забайкалья навсегда

останутся в памяти;

- научился видеть живопись и слышать музыку.

Возможно, в дальнейшем подобные отступления появятся, хотя Автор и будет по возможности ограничивать их число и протяженность.

Жизнь - без начала и конца.

Нас всех подстерегает случай.

Над нами - сумрак неминуемый,

Иль ясность божьего лица.

МАРК АВРЕЛИЙ.

На жертвеннике много кусочков ладана. Один из них попал сюда раньше, другие позже - различия здесь никакой.

(Размышления. 4:15).

ОМАР ХАЯМ.

Одних манит удел владик земли,
Других же - рай, мерцавший вдали.
Держи, что есть, о баришах забудь
И дальним барабанам не внемли.

(Вдубайат)

КУРТ ВОЧНЕГУТ. - Такие дела. (Бойня номер пять)

ГУРЬЕВ.

В начале лета 1934 я оказался в Гурьеве и застал семью в положении очень нехорошем. В сироматом саманном домике, стены которого были окрашены темной масляной краской, уже сильно облупившейся, в трещинах которого гнездилась уйма насекомых разного рода, был лазарет: отец, мать и сестра лежали в различных стадиях паратифа. Только брат Женя был на ногах и обслуживал всех этих больных, ослабших от болезни и капризных. Питалось все семейство только черным хлебом (с мухами, запеченными в мякише) и помидорами, часто даже без постного масла. Карточки на хлеб уже были отменены в начале года, коечто из еды можно было бы купить в магазинах и на рынке, во всяком случае рыба была в продаже почти всегда, но денег в семье не было. Дело в том, что вследствие расстройств денежного обращения в стране, выплата зарплаты стала проблемой, решение которой удавалось не во всех отраслях хозяйства. Наука, как не непосредственно материально производительная отрасль, получала свои фонды в самую последнюю очередь. В данном случае выплата зар-

платы была задержана более, чем на полгода, и весь состав филиала института перебивался кое-как, причем, конечно, отцу и матери, приезжим и еще не вошедшим в круг местной взаимопомощи, приходилось хуже, чем многим другим. У меня от переезда еще осталось немного денег, которые сразу же пошли на улучшение питания и элементарные усилия по санитарной части. Однако, этих денег было очень немного, они растяли в два счета, а надежд на скорое получение зарплаты не было. Пришлось ускорившим темпом обойти места, где можно было бы получить достаточно интересную работу с приличной оплатой и без таких задержек в выплате. Самым подходящим оказалось место радиотехника в только что строящемся радиоцентре Министерства связи, куда я и отправился не без колебаний, помня о сомнительном содержании своей справки с последнего места работы. В разговоре с начальством я догадался эту справку "потерять", и был принят с испытательным сроком. Нужда в работниках была велика, а я оказался единственным дипломированным техником во всем штате, да, видимо, показал достаточно хорошую работу. Если и была проверка в Вудинске - мне о ней не говорили, не вызывали на какое-нибудь собеседование, а наоборот, скоро повысили оклад до суммы, о которой я не мог и думать.

Еще месяца два вся семья существовала на мой заработок, и дела у выздоравливавших пошли гораздо лучше, а скоро мы с болезнями покончили совсем. А когда, наконец, были получены деньги родителей (в сумме, примерно, эквивалентной нынешним 5,0 - 5,5 тыс.руб.), и нам дали целый отдельный дом, сухой, высокий, обихожное жилье какого-то дореволюционного купца, в котором было 4 комнаты и все необходимое прочее, - дела совсем пошли на лад.

Кроме общего руководства научной работой в филиале, отец

взял на себя часть ихтиологическую, а мать занималась ботаникой и обрабатывала с другими работниками пробы планктона и бентоса. Оба часто уходили в море, отец иногда отсутствовал по неделе; в его распоряжение были предоставлены кавасаки японской постройки с прекрасно оборудованными рабочими и жилыми комнатами. Скоро уже в доме установилась атмосфера совсем привычная: обсуждение задач и проблем, поставленных исследовательской работой, стук машинки, за которой сидит мать, пишущая под диктовку отца, книги, громоздящиеся на столах. Появились и новые знакомые, опять отец садился за пианино и играл сонаты Бетховена, уже не возвращаясь к своей мрачной композиции. Брат учился в последних классах школы, сестра - в средних. Все были заняты делами, у всех были свои увлечения. С деньгами стало свободно, моя зарплата была уже небольшой долей общего прихода и обычно мать ее оставляла мне: "у нас достаточно денег, может быть купишь себе что-нибудь".

Я скоро вошел в коллектив радицентра, составленный из молодых монтеров и радистов; было там и несколько пожилых техников-практиков, людей честных и работающих, но с большим трудом осваивавших новую аппаратуру, которой тогда становилось все больше. Совершенно естественно получилось так, что именно ^{мне} пришлось разбираться в чертежах и схемах монтажа новых передатчиков, выделенного приемного пункта и прочих инженерных делах. Дело увлекло меня, и опять начались рабочие дни по двенадцать-четырнадцать часов.

Охваченные энтузиазмом первых пятилеток, не только все вокруг меня работали не покладая рук, но и вне моего круга непосредственного наблюдения работа кипела почти не ограниченная трудностями и необходимостями быта, который тогда был прост и не обеспечен иногда самым нужным. Правда, с продовольствием стало по-

лучше, хотя о разносолах разговора и не могло быть, но одежда оставалась скромнее скромной, и заплатка на коленке штанов не могла удивить никого.

Монтаж шел успешно, скоро был задействован мощный по тем временам передатчик, построенся выделенный приемный пункт за городом (километрах в семи от него), в городском телеграфе появилось радиобюро, где радиограммы обрабатывались как часть телеграфного обмена всего узла связи. Всюду устанавливались новые аппараты, с которыми на ходу надо было осваиваться, и знания наши все время требовали пополнения, и кругозор наш все время расширялся. Мне пришлось много поездить по районам с установкой новых радиостанций. Лошадь или верблюд, запряженные в телегу, казах на передке, повший свои бесконечную песню и не понимающий ни слова по-русски, бесконечная жаркая полупустыня вокруг на сотни километров, редкие пучки верблюжьей колючки, на которую и в ботинке-то наступить страшно (а верблюд ее ест как-то), — все это стало привычным. Но чаще это были поездки на рыбачьих "моторах", суденешках в 100-150 тонн водоизмещения с нефтяным двигателем на 75 сил, которые небыстро, но уверенно перемещались по мелководью северного Каспия. Приходилось попадать и в штормовые ветра, и лежать на донном иле, ожидая, когда вернется вода, слутая отгонным ветром. (А палуба наклонилась, а ветер воет, а вода пресная уже загнивает, а еды мало. Заскучаешь).

Несколько раз отец зазывал меня в свои поездки по морю по биологическим делам. Роскошный кавасаки с каютами, отделанными чуть ли не красным деревом, надраенная медь, и широкие чистые стекла в иллюминаторах, конечно, были приятны, а уже знакомый круг биологических и гидрологических проблем улегал по-прежнему, но моя любимая радиотехника влекла к себе с обычной силой, и я возвращался на берег с облегчением: вот мои антенны, кварцо-

вые каскады и ртутные выпрямители.

Все это новое, навалившееся враз, вызвало оживление изобретательской активности, и мы с моим другом И., немолодцы уже техником-практиком, непрерывно что-то усовершенствовали и реконструировали. В этой работе мы набрали на два интересных вопроса, и решение одного из них нам показалось имеющим значение большее, чем только для нашего непосредственного дела. Оно относилось к засекречиванию радиোগрам, передаваемых обычным кодом Морзе. Мы написали об этом решении в Наркомат обороны и вскоре получили ответ не только обнадеживающий, но и конструктивный: нам предлагались средства и техническая консультация военных специалистов для постановки широкого эксперимента. Ответ этот пришел в конверте высочайшего ранга "серии Г", то есть был бумагой государственной важности и секретности. Мне его доставил домой ночью специальный посыльный на велосипеде, что стало, конечно, известным всему городу, и на нас с моим товарищем И. стали оглядываться прохожие, а сотрудники крутились вокруг и вопросов задавать не решались.

АКАДЕМИК ПАЛЛАС.

Нет в Империи Российской места более подходящего для каюты, чем этот пыльный и вонючий городишко.

(Описание Оренбургского края. Ок. 1780г.)

Уровень Каспия тогда был минус 26 метров (сейчас минус 30, примерно), и город стоит на бывшем илистом дне моря. Тонкая соленая пыль постоянно висит в воздухе, скрипит на зубах и забивается в уши и нос. Летом жестокое солнце висит над головой и тени на улицах нет, и на весь город есть только один сквер с десятком пыльных и печальных деревьев. Желудочные болезни распространяются тучей мух, а малярия трясет чуть ли не половину населения - в тростниках, которыми заросли берега проток

Урала и все северное побережье Каспия живет неисчислимое множество комаров. Приезжие русские почти все проходят через эти болезни, значительная часть их умирает. Осенние дожди и талый снег короткой и теплой зимы разжижает глину на улицах до состояния липкой грязи, которой оказывается залиты и внутренние дворы домов. Потом грязь просыхает, и немощные улицы застывают в колдобинах, истиравшихся в пыль, вновь проникающую все.

ВРЕМЯ.

1934-1937 - вот этот кусок времени. В Европе забраживает и получает форму фашизм, на котором сходятся надежды капиталистического мира. Мы строим, именно строим, а не реконструируем, современное промышленное хозяйство, мощь которого должна быть достаточной для противодействия враждебному окружению. Все работает самоотверженно: цель ясна и доступна пониманию даже среднего по сознательности работника. Нужды в еде уже нет, голод, по крайней мере, отступил, хотя продовольственное положение в деревне еще тяжелое: нарушенная технология сельского хозяйства и уменьшившиеся объемы сельскохозяйственного производства недостаточно продуктивны, и главная масса хлеба и мяса идет в город. Колхозникам остается так мало произведенных ими продуктов, что именно в деревне, особенно в деревне российской, с ее бедными землями, на годы установился режим полуголодный. В город нахлынули лэди из села, уходящие от голода и самоуправства местных и приезжих уполномоченных по коллективизации и мобилизации продуктов для государственных нужд. Били введены паспорта, но колхозникам их не выдавали, и чтобы уехать куда-нибудь им нужно было получить справку о том, что они направлены туда-то и затем-то. Такими справками большинство обзаводилось по своим местным связям, соседским, родственным, земляческим, и устраивалось на городскую работу, самую неквалифицированную и плохо

оплачиваемую, а зато потом получая паспорт и прописку. Попасть на пассажирский поезд тогда было трудно: все вокзалы были забиты этими несчастными, оторвавшимися от своих деревенских корней и иными места работы и жизни. Люди эти были десоциализированы, и их было очень много, и далеко не каждый из них находил свою экологическую нишу.*

Вредительские процессы не только продолжались, но и значительно расширили сферу охвата. Они переместились в центр, хотя и продолжались на местах, и относились уже не к вредительству на отдельных предприятиях, но к вредительству в целых отраслях промышленности или в экономических регионах. И обвиняемые повысились в ранге: вместо директоров и главных инженеров, которые теперь зачислялись только в пособники, в списке вредителей появлялось все больше наркомов, секретарей обкомов и других высоких лиц. Потом к этим процессам прибавились процессы "отторгателей", которые хотели вывести свои автономные республики из состава Советского Союза и вместе с ними переметнуться на сторону гниющего Запада, чему содействовали агенты пятой колонны, разоблаченные во время следствия. (Мордовия - Го). Почти все эти процессы печатались в центральных газетах, обвиняемые всегда признавали себя виновными (чем и как достигались признания - я не знаю), и после каждого такого процесса на предприятиях и в учреждениях по всей стране собирались общие собрания, выносившие полное одобрение приговора, большей частью смертным, которые следовали за речью генерального прокурора А.Я.Вышинского. В газетах стали появляться объявления о том, что такой-то (такая-то) отказывается от отца (мужа, брата), разоблаченного ныне врага народа, и статьи за многими подписями, в которых коллективы предприятий

*У них не было карточек. Все они жестоко голодали, многие умирали от голода в пути, на вокзалах, на привокзальных улицах городов. На рассвете коммунхозовская телега подбирала мертвецов.

клеячили позором своих директоров и начальников, проработавших в партии и причащавшихся к руководству, на поверку оказавшихся агентами западного капитала.

Чувство единства каждого из нас и государства, оставшееся за эти героические годы всеобщим, социальным, эродировало; и атмосфера обаяности устремлений и желаний сменялась атмосферой подозрительности и страха.

Я поступил в институт: новая техника так навалилась на меня, что моих техникумовских знаний стало явно недостаточно. Конечно, я выбрал заочное обучение, никак не желая расстаться с живым делом, важность которого для общества мне представлялась первоочередной. Хорошая подготовка в техникуме позволила мне не открывать учебники на первых двух курсах института, но затем ее стало мало, и пришлось всерьез засесть за книги. Наш предавший центр был вынесен за городскую окраину в специальное здание со свободной площадью перед ним, где мы могли построить наше антенное хозяйство. В переводной литературе я нашел описание новой тогда и очень эффективной ромбической антенны, которую мы с моим другом И. решили построить, для чего сделали план антенного поля и надели на нем рассчитанную нами новую антенну. Продолжались и другие рационализаторские дела по службе, а, кроме того, я включился в работу по регулированию прохода рыб на нерест с помощью электрического поля, задуманную отцом. Мы провели натуральный эксперимент, давший очевидный результат, который был, вероятно, первым в нашей стране. Сконструировал я для работы отца и нехитрый оптический аппарат, дававший на экране увеличенное изображение чешушки рыбы, такое, что на изображении чешуи легко можно было подсчитать годовые кольца даже тогда, когда их трудно увидеть под обычным микроскопом. Все эти дела поглощали меня целиком, как были поглощены своим делом и отец с матерью.

Но окружавшее подступало все ближе и наваливалось со все большей силой. Вместо старого и опытного, хотя и не разбиравшегося в подробностях новой радиотехники радиота времен первой мировой войны, бывшего нашим начальником, к нам назначили молодого и некультурного З., только что закончившего свои работы на ниве коллективизации. Руководителем он был попросту негодный: дела во всякие мелочи, дела не знал, всюду видел архаические проноски, и дела не завалил только оттого, что ми его слушались выборочно: разумные распоряжения ми выполняли, а неразумные саботировали. На нем были чудные хромовые сапоги, которые тогда были в редкость. Явно гордясь этим, он рассказывал, что сапоги^{«»} брал у кулака, что они ему тесноваты, что из-за этого портняки пришлось отдать тому кулацкому отродью, что дело было зимой и что ему, З., было холодно. Вспомнилось виденное и слышанное в Забайкалье, ожили другие подлинные истории, которых тогда было так много, сообразилось, что под Гурьевим есть большой лагерь, наполненный раскулаченными. (Они ловили рыбу, паруса их барок были черными, их все время патрулировали бистроходные катера охрани). Вспомнилось колонны оборванных и голодных, проходящих по улицам Архангельска - кулаки следовали этапом на Соловки. Представилась целая армия З., подобно Нагильнову размахивавших пистолетами и иногда постреливавших из них. И энтузиазм мой по поводу уничтожения кулака как класса кончился бесповоротно. Живший тогда у нас по какой-то причине директор филиала института И. ходил с красными от нервного переутомления глазами, и уже за общей трапезой не было свободного и названного мыслями разговора, а было мрачное молчание: то, что следовало бы обсуждать было недоступно обсуждению. О времени собраний с одобрением очередных приговоров отец знал заранее и к этому времени уходил в море. Я работал за городом и организовался так, чтобы меня нельзя было найти

и вызвать на подобное собрание связистов.

ПРО ЛЮБОВЬ.

Известен американский опыт на крысах, когда одну их группу кормили досыта с самого дня рождения, а другую держали на уровне полусытости. Им дали одинаково комфортные условия существования и обеспечили обычными крысиными занятиями. Те из них, которые жили впроголодь развивались замедленно, но были подвижны и деятельны, не ссорились и не болели. Сытые же росли быстро, но вечно дрались, часто болели и, по сравнению с голодавшими, жили недолго, хотя и вели жизнь пассивную. Возможно, по той же причине постоянной неполной сытости в детстве и юности я оказался замедленным в своем физическом и психическом развитии. Только около 20 лет я стал всерьез интересоваться девушками. В Гурьеве около меня оказались две девушки, на которых я начал поглядывать. Одна из них была записной красавицей и была известна не слишком строгим поведением, другая с точки зрения общих требований красотой не отличилась, зато была добра и женственна. Выбор делает не мужчина, выбирает партнера женщины; и, почему-то женщины всегда относились ко мне хорошо (может быть оттого, что я никогда не требовал от них ничего такого, чего они сами не хотели бы дать); обе они обратили на меня свое внимание. Однако, окончательный выбор произошел таким образом, что около меня оказалась рыжая, вроде бы некрасивая Маша.

У меня часто бывали дела на выделенном приемном пункте, расположенном в семи километрах от города, но когда туда была назначена оператором Маша, дела этих почему-то прибавилось и они стали совпадать по времени со временем ее дежурства там. Я подвозил ее туда на раме своего велосипеда, и скоро случилось, что велосипед оказывался по одну сторону стожка кольчег и пильного леса, а мы с ней — по другую сторону этого стожка, где прошли

первые трудные и восхитительные уроки телесной близости.

Можно только гадать о дальнейшем развитии всех этих дел, поскольку вода из моей клеписидры ушла уже почти вся, оставалось совсем немного, только на самом дне. А в клеписидре отца осталась только последние капли.

Я был занят на монтаже передатчиков на новом месте за городом и дома бывал не каждый день, иногда приезжая поздно вечером, чтобы помыться и поесть как следует. Но случалось, что я оказывался дома и днем, и в один из таких дней был дома во время возвращения отца с работы. Он вернулся позже обычного, расстроенный и мрачно молчали^{ли}вый. В этот день ему из-за дел или погоды не удалось вовремя уйти в море, а вечером случилось очередное собрание с одобрением тоже очередного приговора. Все присутствующие проголосовали за одобрение расстрела заговорщиков, один он не поднял руку.. Председательствовавший директор филиала М. попытался не заметить этого, но всегда найдется кардинал, желающий быть святее папы римского, и отца заставили встать и объяснить причину такого поведения. Он сказал, что смертная казнь-варварство, от которого пора отказываться великой стране, а, кроме того, он не уверен в виновности осужденных, поскольку сообщенные сведения недостаточно доказательны. Он рассказал об этом через силу и с отвращением; мы поняли, что последствия будут, но, естественно, объем и глубину этих последствий обсуждать не стали. Это случилось в середине октября 1937 года.

В монтаже, в котором я принимал участие, конечно, оказались технические и организационные затруднения, и, конечно, надо было закончить монтаж очередного узла к праздникам, почему я в последующие дни дома почти и не бывал. А когда, уже ночью с 7 на 8 ноября приехал домой, запустив и опробовав то, что было

назначено к пуску, все уже произошло.

В коридоре было тихо и пусто, только делась куда-то Нагорная проповедь, переписанная крупно и приклепленная мною к косяку двери моей комнаты. В столовой горит свет, виден край стола, пианино. Все - как всегда, но ощущение черного горя охватило меня. Пораженный непонятностью этого ощущения, я тихо прошел в столовую, увидел, что дверь в комнату родителей открыта, заглянул в нее. Вывернутые ящики шкафа, кучки книг на полу, разбросанное белье. Мать сидит на развороченной кровати, плачет, не видит меня. Час назад отца увели.

Когда я на другой день пришел на работу, всем было уже известно об аресте отца. Мы были дружны, многие были мне по-настоящему близки, но вокруг меня сделалось пустое пространство: правление страха распространилось и на моих молодых друзей. Правда, потом, оглядываясь и понижая голос, почти все подошли ко мне с выражением сочувствия и опасений за мою дальнейшую судьбу, подошли оглядываясь и поодиночке. Только Маша, вся зареванная, с растрепавшимися ржкими волосами - красавица в своей любви и отчаянии, каких я больше в жизни не видел - прижималась ко мне при всех и спрашивала, что же теперь с нами будет, куда же ей теперь податься. Меня берегли, я мог бы ничего не делать, даже не приходить на работу, но это было отвлечение, за которое я ухватился, хотя работник из меня в те дни был никакой.

А через девять дней пришла и моя очередь. Ночью (а только ночью и проводились такие операции) явились ко мне двое штатских с двумя неизвестными понятными, все перевернули, делая вид, что ищут оружие, разбросали книги (забрав Евангелие и популярную книгу о шпионаже США), читали письма, волух грегоча по поводу нескромностей в письмах одной женщины, с которой была у меня короткая и случайная связь, и к утру увели в тюрьму, велев взять

с собой постель.

С тех пор я уничтожаю все письма, независимо от их содержания, от кого бы я их не получил.

В рассветном сумраке провожала меня мать. Стояла в открытых дверях нашего дома, постаревшая, небрежно одетая, придавленная горем. Плакать она уже не могла: все слезы были выплаканы.

Вот черта, к которой подошла наша семья: отец и я исчезли бесповоротно почти разом, брат уже года два учится в пединституте в Уральске и больше никогда с матерью не увидится.

Мать осталась на обломках жизни с 15-летней сестрой Ниной.

Вот узел рядовых судеб рядовых людей, судеб, показанных с отдаления в пятьдесят-восемьдесят лет времени, которое и всегда было не более понятным и комфортабельным, чем уже пройденный отрезок.

ВРЕМЯ.

Исчезали руководители крупных административных единиц, целых отраслей промышленности, военачальники, артисты, писатели. Если чье-нибудь имя пропадало со страниц печати, могло равно оказаться что: отстранен от деятельности, пошел в лагерь, расстрелян. Такова последовательность писательских имен Платонов, Мандельштам, Бабель. В этой последовательности могут быть перечислены и другие имена, много других.

И. СТАЛИН

"В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных респуб-

лик. Выборы дали советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки "разложения" и почему это "разложение" не сказалось на результатах выборов?"

(Отчетный доклад на XVIII съезде партии).

ЛЮБОВЬ

У меня на коленях сидит самая красивая женщина в мире - моя восьмилетняя внучка Женя.

- Ты знаешь, что такое любовь?

Она обращает ко мне лицо свое. Из глаз - тугой поток вечного света (а брови - взлет!).

- Не знаю, - отвечает.

Кто знает - не говорит, кто говорит - не знает.

Пляшет перед звездами звезда,

Пляшет колокольчиком вода,

Пляшет шмель и в дудочку дудит,

Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,

Плачет погорелец на золе,

Плачет мать над львюком пустой,

Плачет жесткий камень под пятой.

Арс.Тарковский

Август 1983 -- март 1984

ЭПИЗОД.

Первый (пропавший) вариант этого манускрипта содержал изложение событий моей жизни, наполнивших 1938 и 1939 годы. События были непривлекательны, скорее - отвратительны, и почти механическая работа по их изложению оказалась трудной настолько, что я не чаял сохранить душу свою неповрежденной.

Я не таил от мира свое сочинение, и с ним познакомились окружавшие меня люди, родственники и близкие знакомые, по частям читавшие его. С моим описанием событий 1938-39 годов встретились только некоторые из знакомых, которые были около меня тут, в Сосновке. Дописав рукопись до некоторой точки или точки с запятой, я решил послать ее одной знакомице, которой, я знал, она была бы интересна.

Обстоятельство посылки рукописи по почте явилось спусковым для серии последующих и неожиданных для меня событий.

Кажется, в половине июня 1963 года меня вызвали с работы в милицию, что не удивило меня, поскольку дня два назад случился дебош в одной из соседних квартир дома, в котором мы с женой Галей живем. Уверенный в тщетности усилий, направленных на решение задачи исправления человечества, я таких усилий никогда не предпринимал, и на соседский дебош внимания не обратил. Но мне говорили, что была вызываемая милиция, и я решил, что даже мои ничтожные по ценности показания смогут чем-то помочь в том расследовании, которое, возможно, милиция производит по этому поводу (я иногда смотрю в телевизоре несколько кадров детективных фильмов).

Я был проведен в комнату, в которой во главе Т-образного стола сидел пожилой человек, представившийся руководителем районной безопасности довольно высокого воинского звания.

В комнате было еще несколько человек, все помоложе, кроме одного, средних лет, который в последующих беседах участия не принял.

мал, только смотрел очень внимательно на меня. Мне раньше приходилось встречаться с психологами высокой квалификации, и взгляд этого человека напомнил мне их внимательные глаза; возможно, он и был сценаристом последующих разговоров. У молодых участников был вид вполне интеллигентный, было видно, что они хорошо подготовлены к делу, которое они по службе делают.

После светского разговора о правонарушениях, с которыми приходится встречаться охранительным органам, о моем здоровье, моих производственных успехах и прочих сторонних материях, я был спрошен о том, не пишу ли я каких-нибудь воспоминаний, если да, то зачем и что в них может содержаться.

Вопрос задавал только их старшой, и из них я понял, что рукопись им более или менее уже известна. Я сказал, что пересказывать долго, я лучше принесу рукопись, пусть сами просмотрят, и так и сделал. Когда в назначенное время (через несколько часов) я пришел к ним, они опять все были тут и - на этот раз почти все - наперебой стали говорить о том всяком нехорошем, что в рукописи содержалось. Мне демонстрировали статью Уголовного Кодекса про антисоветскую литературу (сейчас она другая, чем пятьдесят лет назад), объясняли вред таких записок, особенно могущий проявиться, если они попадут в руки заграничных наших врагов, всячески выясняли, не работал ли я над рукописью по договору с одним из таких врагов, не снабжали ли меня вредной литературой упомянутые враги и прочее подобное, что никакого отношения ни ко мне, ни к моей рукописи не имело. Старшой даже попробовал поднять на меня голос, однако был незаметно остановлен одним из молодых.

В заключение этого разговора мне дали подписать бумагу, в которой были перечислены все "плохо" и каждое слово было поставлено в строку, даже предполагаемые взгляды деда на революционные события 1917 года. А перед каждой из...

упомянутых в рукописи было поставлено слово "якобы". Я предупреждался о том, чтобы никогда больше..., иначе..., и следовало сообщить, что об этом случае в известность поставлен районный прокурор. Я спросил: "Что же, писать нельзя?" "Нет", сказали, "можно, это ваше право". "Этого писать нельзя?" "Знаете, смотря кто читать будет".

Я поставил свои подписи там, где указали и вздохнул "Как медленно меняются времена!" "Что, что?" Объяснил, что это мы уже проходили, правда, в других несколько формах.

Еще было несколько бесед, на этот раз только с одним из молодых, в процессе которых мне был предъявлен посланный мною моей знакомице экземпляр рукописи. "Случайность", объяснили мне, "разорвалась на почте обертка, листы рассыпались, почтовый народ посмотрел, что там написано, смутился и послал рукопись нам. Такие дела", и предъявили акт о происшествии на почте, написанный на гнусной малокареточной машинке с забитым шрифтом, по содержанию, однако, представлявший некоторым образом вершины канцелярско-юридического стиля. Моя веревочка на обертке была перетерта, обрез рукописи испачкан маслом, каким, возможно, смазывают почтовые конвейеры, но листы не были перепутаны, и ни один из них не был испачкан.

Я попал в сферу действия секретных законов и подзаконных инструкций, содержание которых я уяснить не смог.

Вся процедура была выдержана в пределах совершенной вежливости и даже, пожалуй, доброжелательности, выражения которой были ограничены официальностью казенного дела.

С меня потребовали список читателей моей рукописи, я было уперся, но из этого ничего не вышло: смолчать я еще сумел, но врать в упор до сих пор не научился. Кроме того, оказалось, что список компании уже известен в порядочных подробностях. Сейчас я

знав, что с некоторыми из моих читателей были проведены воспитательные беседы, не оформленные официально, без вызовов и приглашений; вероятно, такие беседы были проведены со всеми, кого я перечислил, да и с другими, кого не знал.

Мне задавали вопросы, я отвечал на них. Всякий вопрос содержит в себе ответ в том смысле, что указывает на область, из которой ответ может быть извлечен. Некоторые вопросы я вызвал сам, иногда содействовал такому порядку вопросов, чтобы что-то понять в устройстве механизма, воспитательные сентенции тоже рисовали технологию работы механизма и обнаруживали некоторые его звенья.

Несколько лет тому назад я случайно познакомился с молодым человеком, показавшимся интересным. Он был (и есть) любителем и знатоком российской литературы, рылся в истории идей, некоторые вопросы философии, которые меня тогда занимали, оказались близкими и ему. В провинции, в условиях раздробленности интеллигенции по производственному признаку, такая встреча может характеризоваться как удача. Тогда я нехотя и с трудом раздумывал о том, что пожалуй, надо кое-что записать из моей жизни. Необходимость работы была неясна, трудности могли быть предположены. В конце концов, я начал работу, она представилась неизбежной, но труд оказался самым тяжелым из всего, что я делал когда бы то ни было.

По мере продвижения рукопись, лист за листом, глава за главкой становилась известна этому моему уже теперь другу, а также и нескольким близким знакомым и родным: я не тайл ее. Изложение оказалось доведенным до событий тяжких лет начала моих скитаний в четвертом измерении, когда я надумал послать рукопись моей знакомице, причем в посланный ей экземпляр уже вошли и главки с изложением части последующих событий, каковых в экземпляре, просмотренном моими родными еще не было. Но мой новый друг

прочитал и эти куски.

У него были друзья, некоторые родом из этих мест, я с ними тоже был познакомлен. Все они имели нечто общее: примерно, одного возраста, они кончили (или не кончили) технические ВУЗы, имели литературные или другие художественные увлечения, были разочарованы в своей технической специальности, у всех них была отличная выправка, которую не может дать короткий срок обязательной службы в армии. И странным образом, когда я оказывался в отпуске и уезжал куда-нибудь - в этом где-нибудь оказывался и мой друг, а иногда - и его друзья.

Тот молодой, что вел со мной заключительные беседы после ознакомления упомянутой компании с рукописью, по указанным признакам хорошо вписывается в этот ряд, а внешним образом вписывается в этот ряд и те другие молодые, которые присутствовали при беседах в высоком учреждении.

Это описание данайцев и их действий не базируется на прямых фактических доказательствах (я их не имел), однако, пересечение многих косвенных доказательств дает достаточно точек, по которым и построено это описание.

Они хорошо знают свое дело, культурны, хотя наблюдаемые мною не вышли в музыке за пределы "К Елизе", "Лунной", Первого концерта П.И., - всего того, что висит из репродукторов массового радио. В поведении и высказываниях они иногда допускают ошибки, выдающие их данайское происхождение, - легко различимые, если быть внимательным. Я был невнимателен.

Таков эпизод, в котором пропал первый вариант этого манускрипта. Второй экземпляр его изъяли на почте, первый же я сам отдал, причем с меня взяли расписку в том, что я именно сам его отдал ("А то, знаете, прокурор будет нам пенять").

Этот вариант второго экземпляра...

- В -

гое время занималось манускриптом невидного провинциального старика. По-моему, это знак того, что единственной разумной власти на Земле нет сколько-нибудь серьезных угроз стране, о чем впрочем, говорит и множество гораздо более серьезных признаков.

АВТОР.

Но тот вариант был. И что-то изменилось в мире: он был.

апрель 1984г.

СОЛЕРТИНСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНР.
/ок. 1845-1917/. СНИМКА ОК. 1910

СОЛЕРТИНСКИЙ (Сергей Александрович) -
- духовный писатель, протоиерей Богоявлен-
ского Никольского собора в СПб., ordinary-
ный профессор спб. духовной академии. По
окончании в ней курса в 1871 г., С. в том
же году был избран приват-доцентом на ка-
федре педагогики. В 1883 г. С. защитил
магистерскую диссертацию: "Дидактическое
значение священной истории в кругу эле-
ментарного образования" (СПб., 1883). В
1884 г. С. было поручено чтение лекций
по кафедре пастырского богословия. В
1889 г. С. утвержден св. синодом в
степени доктора богословия. Кроме маги-
стр. диссертации С. написал: "Пастырство
Христа Спасителя. Часть основоположительная:
Иисус Христос, основатель Христианского
пастырства" (СПб., 1888; 2 изд., сб.,
1896), "Пособие к преподаванию простран-
ного христианского катехизиса православ-
ные католические восточные церкви. Вып.
I. Введение и символ веры" (СПб., 1884),
"Объяснение Мф. 7, 22; 38 - 42; УП, 1.
Дук. VI, 37 у графа Д. Толстого" (СПб.,
1887), "Учебник практической дидактики в
вопросах и ответах." (ИВ., 1892), а
также ряд статей в "Христианском Чтении"
и "Церковном Вестнике".

Брокгауз-Ефрон. Энциклопед. словарь
том XXX А, полумон. 2, стр 756, слт. 190

С.А.СОМЕРТИНСКИЙ
ок. 1900. Копия

А.А.СОМЕРТИНСКАЯ
/ТИХОМРОВА/
ок. 1900

В. ? ДЮШЕН
ок. 1905

Александра Сомертинская,
Нина Дюшен. Посад. 1910-12 г.

Нина Вячеславовна
Сомертинская с сыном Владимиром
/авт./ Др. 1890+1917

1914

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ
СОЛЛЕРТИНСКИЙ /1887-1964/
ок. 1906-1907

С. П. Колесникова. СЕСТРОРЪЦЪ
А. С. СОЛЛЕРТИНСКАЯ
ок. 1903

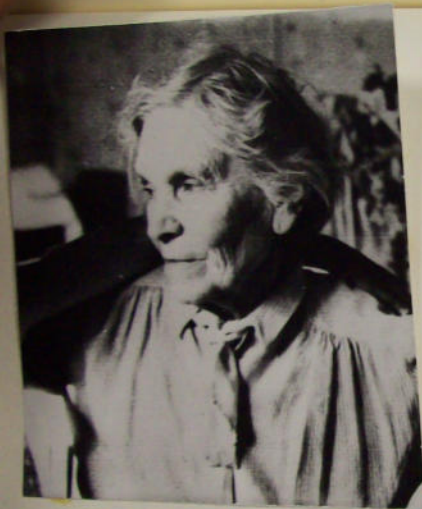
АННА СЕРГЕЕВНА СОЛЛЕРТИНСКАЯ
ПОСАД. ДК. 1960 Г.

В.СОМЕРТИНСКИЙ
Москва
1930

МАРИЯ ПАВЛОВНА СОМЕРТИНСКАЯ
/В ЦЕНТРЕ/. ГУРЬЕВ, 1936

АНТОНИНА ПАВЛОВНА
СОМЕРТИНСКАЯ /1968 год /

ВОЛОДЯ, НИНА, ЖЕНЯ СОМЕРТИНСКИЕ
В.-УДИНСК. 1927 г.

903. 2. 71

В. В. СОЛНЦЕВ

КУДА БОГ СМОТРИТ

Часть II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ

ПРЕДВАРЕНИЕ.

Настоящим Автор сообщает и утверждает, что:

а. он не может достаточно извинительным образом обосновать необходимость написания последующего, кроме разве желания сообщить нечто, что знает он и только он, хотя сейчас еще некоторые знают это, но эти некоторые скоро исчезнут, а с ними исчезнет и их память о времени не так уж сильно отдаленном от наших дней;

б. давры Гриммельсхаузена и Карамзина не тревожат его: задача Автора значительно скромнее;

в. он знает, что "Выстрел", "Тамань", "Первая любовь" и "Литие" неистового протопопа уже написаны, и плотность и достаточная прозрачность изложения — предел того, к чему Автор стремится;

г. частные события частной жизни есть события исторические и, как таковые, не имеют свойства быть хорошими или плохими;

д. эта рукопись не назначена для воспроизведения каким бы то ни было техническим образом, она является собственностью Автора и завещается его детям, которым, возможно, она поможет что-то понять в движении времен и судеб;

е. работа делается без черновика, и возможные огрехи будут правиться прямо на листе — крупные, а мелкие освоятся без внимания, чему причиной прирожденная лень Автора и недостаток времени: Автору недавно исполнилось семьдесят;

ж. если бы Автору удалось прожить еще одну жизнь (помня об этой), он, возможно, не оделал бы тех ошибок, какие сделаны им в этой жизни, но оделал бы другие, — не более извинительные и не менее неисправимые. Как и все, доведись им такой случай.

TEIBETIVE ISMERENNE

КАРЕ КИРШЕН.
 Но милостив: и тот, кто помет, и ты, и чья помет.
 (Размышления, 4:15)

Дни мои отныне не оторванности о души. На вот достучу
 и сну, они не могут ни клеветать во, ни приносить во в движенье.
 Движенья же в движенье в ней - лишь от нее сама. И кланя будет
 ей же все продолжительно ей зависит от того, кланя сужденой она
 имеет для достояния.

(Размышления, 5:19)

I.

Вид, во второй половине января 1904 года, через десять 7
 дней начал арестовать отню, и прошла через провинцию была турьян-
 ный турьян. Здесь у меня отобрала теория ренессанс и наука от
 ценно - что не удавалось, что - как планка больше ценность,
 игнорировать область края и сокращения, и чтобы не мог
 терять обо мне фаворитом отсюда. Затем пришла в январь, кото-
 рый был один из больших окладных ценно в жизни большого хри-
 стия, это старого и все планирование отсюда был использован для
 провинции турьян. В январе было повсюду вычисления, на которые
 мне было⁶ рассчитывать человека шесть-семь, адекватно материалу и
 цене отню, остальные конструктивно было заключено ладью, тогда
 пошли на свои участки и чинились. Не было жалко тратить,
 и выходящего моего проща бы не было для рассчитывать и освоились
 на свои провинции ладью, достаточной чтобы и мог сказать свой
 провинции конуто и даже на него.

Видею как бы постепенно ладью моего города проща турьян
 провинции и главного вычисления моего края, устоял, вычисли-
 ли, планирование не было ладью проща, но, как проща, провинции
 и провинции ладью-себе проща ладью мое. Видею и турьян

стопников-казахов, не знавших ни слова по-русски, одетых в ватные халаты и овчинные шапки.

Кормили нас вполголода, и еда была куда похуже нынешней обитательской. Дня три я уклонялся от употребления баланды, но голод - не тетка, скоро стал жалеть почему так мало дает на порцию. нас заедали вши, и целыми днями мы пытались истребить их в наше белье, а казахи проходили по швам своих невероятно грязных рубах и штанов зубами (как очищает себя от блох собака). За эти занятия, не требующим особых умственных усилий, начинались разговоры о жизни, семьях, литературе, и никогда - о политике или "делах", приведших нас сюда. Люди были разные, из разных мест, каждый со своим жизненным опытом, и то о чем здесь мне привелось узнать могло бы составить целую энциклопедию жизненного опыта. Иногда к нам подсаживали провокаторов, но они сразу же выдавали себя, начиная рассказывать грязные антисоветские анекдоты, за что бывали биты и выбрасываемы из камеры, причем в дверь стучали самим провокатором двое, взявши его под руки и норовя стукнуть его об дверь головой. Но могли среди нас оказаться и более опытные работники этого ряда, приходилось считаться с такой возможностью, что и приводило к исключению из разговоров определенных сикетов.

Народ в камере все время менялся, кого-то вызывали на допрос (обязательно ночью), кого-то переводили в другие камеры, поступали новички, но меня дней десять не трогали: мне, как и другим новичкам, давался срок для осмысления моего преступления и деформации моего упорства тщательной неизвестностью. Тогда мне представлялось возможным что все другие в чем-то виноваты перед властью, только хорошо вину свою скрывают, но о себе я хорошо знал: вины за мной никакой нет, наверно, пока я тут еду - там разбираются, и через несколько дней все выяснится, и меня отпустят.

Когда я уже получил прочное место на топчане, а новички, один за другим, начинали жизнь в камере около параша, когда этот странный быт стал почти привычным — меня, наконец, тоже вызвали ночью и отвали в НКВД, чему я обрадовался: вот когда все разрешится!

Разрешилось — закономерным тогда и неожиданным для меня образом. Три или четыре ночи подряд мой следователь, листая несколько бумажек из тощей папочки, предъявлял мне обвинения по нисходящей шкале вредности для государства моих преступлений: шпионаж, вредительство, антисоветская пропаганда. Наличие в моих бумагах статьи из американского специального журнала о конструкции антенны и наброска нашего антенного поля с нанесенной схемой антенны нового типа было обоснованием к обвинению в шпионаже; но статья была переводной, помещена в бюллетене подразделения АН, наше антенное поле не было объектом секретным, даже не охранялось, — материал оказался неудовлетворительным даже по тем временам. Выписки из рабочего журнала радицентра о кратковременных перерывах связи по техническим причинам или из-за непрохождения волн в мое дежурство оказались более редкими, чем такие выписки из других дежурств, — я знал дело лучше других техников; и этот ход не годился. Я было возликовал, патриот, уже не один год проработавший с полной самоотдачей на общую пользу, я был уверен, что не мог произнести и слова во вред единственной разумной власти на Земле. Однако, если с первыми пунктами удалось разделаться довольно легко, тут дело пошло покроче.

Тут был материал, пустяковый и нелепый до дурости, но — был. Я почти забыл о случае, но донос из папочки следователя восстановил его в памяти. Тем летом я прошел короткий курс допризывной подготовки. Подвижный и имеющий охотничий опыт, я по-среднему справился с задачами физической тренировки и лучше многих стрелял и освоил устройство винтовки. Со строем было похуже, все команды

и выполнял достаточно четко, но петь отказывался, если не пелось, и по команде "ложись" ложился не в грязь, куда, очевидно, из соображений педагогических наш командир норовил нас положить, а туда, где посуше и почище. Эти мои уклонения от нормы не раз были причиной выговоров и нарядов вне очереди, полученных от командира. А однажды я был направлен в военкомат, где мне выговор сделал старший начальник и потребовал объяснений. Объяснения я дал: убийство не может быть нормой для человека, я не собираюсь быть профессиональным военным, хочу быть только готовым к защите своей земли и свободы, для чего и изучил в меру своих способностей основы военного дела, и я не думаю, что сопротивление произволу сержаната-командира по строевой подготовке ухудшило эту подготовку. Все, это облеченное в соответствующие случаи и требования времени слова, было фиксировано в большом доносе, который следователь извлек из папки. В других бумажках он вычитал мои высказывания о том, что заграничные марки (я их тогда коллекционировал) и, кажется, фотоаппараты изготовлены лучше наших.

Те три или четыре дня, что потребовались для уяснения всего этого мне не удавалось выспаться: поздно вечером - вызов, возвращение в камеру ранним утром, а днем в тесноте, когда в любой момент ты кому-то мешаешь пройти, зудит все тело от вшей, и их трудно выбрать, в суете вызовов и появлений новеньких, удавалось разве что подремать сидя у стены. Накопилось страшное утомление, тем более заметное при постоянном недоедании и нервном напряжении постоянного и очевидно бесполезного сопротивления черной и опасной для жизни глупости.

Я тогда, конечно, не мыслил так определенно и четко, но ситуация и без логических пояснений воспринималась как угнетающая. Я рассказывал в камере о событиях у следователя, те, кто мне не были вызваны, удивлялись и не совсем мне верили, но поли-

он привык к этому и не считал своим делом жаловаться, которое и не считал своим делом жаловаться.

Зачем же тогда он трогался, а дома была женщина по-
мощная, организовала себе через посредство приятеля габриэлю пе-
рону от интонации и послала ей записку о том, как была здорова
и как все хорошо сложилось, особенно, когда она была здорова
и, прочно отменив привычку жаловаться.

Ботом она переехала во внутреннюю часть при мостике ПИЛ,
а далее, где была не только одна, как была раньше, зато и была
многолюдней, была комната с постелью - кроватью, а в комнате кото-
рой и не была одна - была поставлена на кровати.

Ботом утром так спалась и два-три его женщины
идеи довольно часто за столом в раннем вечера до раннего ут-
ра и задала ему и те же вопросы одному и тому же подальше
у. Ботом за столом приходит из закрытого ресторана закусь
и крепкий чай, у них рабочий контингент организатор Ботом
и т.д., она идет дома и внимательно допрашивает на завтрак
порядочно 15-20 часов без сна и сна, и она как его будет обра-
тить к нему и к нему, то сказать ему не удастся проложить дома
или в стенах запертой, и иногда и была одна из-за того,
то она не была запертой, она не в стене (т.е. к нему ушла-
го имени - КТ). Ботом имеет быть женщина, которая, и кро-
ме женщины организатора и административного допрашивает разво-
дочный кружок организатора, организатор, победил. Густота ин-
тонации (от состояния организма и победил как чья душа до ин-
тонации без победил) зависит от женщины организатора победил:
она идет и его был, организатор идет, и его, имеет быть, не
был, организатор идет и его был очень редко.

Она не была, но держала и вранье (уже такими женщинами
была была) कुछ была и была она не была), и организатор был был

наши выделенный вариант является качественным переделан-
ным рисунком. Я еще несколько месяцев как проходила мою
кандидатскую диссертацию 10-11, мой обзорная работа и была такая.

Была работа попутно и проводил на протяжении и по
внутренней работе стала кандидатом, и попутно читал от него.
Он был на себя паразит часть ночи, его делал как можно, а мног-
ие и еще была работа кандидатской. Кандидатская, кандидатская
работы были, в том же много их выдвинула работа, почти все
от этого была: "применяется, теория (я применяю к "теории").
Уменьшение неоднородности, и попробовала было выйти в таблицы,
и не удалось никак справиться из характера и своей теория доста-
точно обширна мне, что достигать работы.

В те времена главный редактор журнала был в оборот и обо-
роны возможности, по которому возникло обобщенное понятие необ-
ходимости и достаточно для установления дела. Впоследствии это, от-
мечено еще в другом Работе, было принято для издания в пред-
ставленной Карле, но в том в 13-16 годах была отменена. И так
он еще Карле Грелле не был использован, он уже в дальнейшем
не Работы еще было дано забыть. А в 1980-е это стало почти
неприменением главного редактора, А. С. Дикова, которое надо
было выдвигать, для чего требовалась только разработка технологии
обобщения приложения. Тогда и потом я была возможность сделать
еще выделенный вариант в работе многих других людей, проводили через
применение. По возможности изобретения процедура в работе работ
и в работе время можно заключить, что была такая структура по
технической этой процедуре, и укладывал от нее, которая была
необходима частными условиями и характером действующих дел.

После первого доклада, я, еще не успев ознакомиться с
общей работой, возвратилась в себя в задачу потребовалось сделать.

1987-1988-1989-1990

но был поднят дежурным надзирателем. Я послушался и почти тут же оказался в карцере, тесной и холодной комнатке с бугристым цементным полом и цементным же приступком на нем, очевидно, задушенном как табуретка; может быть, скорчившись в углу на холодном цементе, мне и удалось сколько-то забиться, но отдыха это не дало. Кроме того, мучил голод: только к полудню принесли кусок хлеба и немного жиденькой баланды или тепловатой воды. Ранним вечером я опять был вызван на допрос, откуда утром был увезен уже в КУР, застав там поднятые на день нарчи, и постели вынесенными в коридор. Табуртки, на которые опираются при опускании ~~на~~ нарчи, были приколочены к полу на таком расстоянии от стены, что опереться на стену сидя на табуретке нельзя. Тут разрешалось ходить по камере, в которой было четверо, негромко разговаривать, но не ложиться на пол или садиться на него, прислонясь к стенке, запрещалось. Этот день, как и последующие, прошел в туманном забитьи, которое не прерывалось и в кабинете следователя. Сквозь полусон я сумел все-таки понять, что тут есть еще три человека, разговаривавшие на разные темы, главным образом о прошлой своей жизни, рассказывавшие бытовые анекдоты и прочее. Один из них останавливал внимание. Он был бухгалтером какой-то большой рыбной организации, и на допросы его водили почти всегда днем. Он возвращался оттуда с пальцами испачканными чернилами, наверно, много писал у следователя. Предполагаемое сочинение его могло с равной вероятностью оказаться доносом на коллег по работе, самооговором, которые амедовали очень любили, или доносом на ~~над~~, остальных обитателей камеры. Конечно, никто не спросил его о содержании сочинения, но человек он был пожилой, умный, с громадным опытом жизни, и рассказы его были интересны. Само собой разумеется, что в разговорах наших определенные сюжеты не упоминались.

Последующие дни проходили в непрерывном кошмаре переутомления от бессоницы, в которой убогая действительность смешивалась с видениями, содержавшими картины и впечатления прошлой моей жизни и ситуаций, которые могли бы быть в ней. Видения были яркими, четкими, лишенными фона приходящих обстоятельств и второстепенных вещей. Протоки Урала в стенах зеленых тростников под голубым небом, доменные сцены, Маша, смеющаяся нежная Маша, простор забайкальских озер сосуществовали со столом следователя, сумраком утра или вечера за окном его кабинета, моей камерой с запертymi нарами, баблалдой в алюминиевой миске.

И надо всем этим голос, требовавший признаний от "суки" или "гада", - я с трудом догадывался, что "сука" и "гад" относятся ко мне.

СНЫ.

Я, наверно, опять пришел домой поздно. Хочется есть и спать. Отец разигрывает по журналу шахматную партию, я ем душистого жареного сазана. Очень вкусно, сейчас поем и пойду спать, СПАТЬ.

СНЫ.

Маша - бесстыжие счастливые глаза - растегнула кофточку. Мне разрешено приложиться к святыне.

СНЫ.

Поднял грот и вышел из бухты. Ее красные и белые скалы оставались за спиной, я уже забыл о них. Свежий ветер, зеленая волна, простор воды под бескрайним небом. Свободен. Свободен.

Опыты, поставленные природой и льдами, показали, что лишение сна на три-четыре дня почти неизбежно приводит к смерти подопытного, однако это относится, видимо, к случаям полного лишения сна. Но в моем случае, наверно, организм находил способы частичного отдыха, когда спит часть мозга и мускулов, почему жизнь все-таки

принадлежала, хотя и была немалая, пока-ой на асимметричное
 положение. Золушанное тело, рудымоее туморное разложение,
 интимно-заурядность, и стало мне ясно, куда выводит разведыват-
 ельная, что будет потом, да и "потом" не прогнозируются, но
 никому отгадывают. Время отключено и поставлено "забыто", раз-
 ным являю себя стараясь, чтобы попасть утром завтра или вечер,
 был подвезти Якову или подвезти глазами горит ли электрической
 свет, а это очень трудно сделать, да и не к чему: аппарат будет
 работать.

Во время мне показалось, что что-то изменилось и показ-
 ния крутило, что забыла и действительно являю возможность лечь.
 Мне пришла в голову и тумора, которое означала вечерние
 времена, и была была тумора, и не мной была была тумора
 разложение. Я сразу же был и разложение мое тут же началось. По-
 ты мне показалось, что было тумора, была и тумор. Да мне показалось,
 они были, разложение тумор, тумора была и тумора, что
 я очень был.

Да ты мне не забывали, я тумора и тумора и тумора
 тумора тумора и тумора как убитой тумора, тумора на тумора тум-
 рора тумора и тумора, тумора, тумора тумора и тумора тумора на
 тумора. Да ты был на тумора тумора тумора тумора, тумора
 тумора тумора и тумора, тумора тумора тумора тумора, и тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора, тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора

И тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора

Да тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора
 тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора тумора

виченно в агитации. Я, было, запротестовал, но получил объяснение, что, мол, какие же могут быть протесты, если я сам признался в своих злодеяниях. Я опять запротестовал, и тут мне дали лист желтоватой бумаги, на котором почерком следователя были записаны мои признания, а внизу стояли закорючки, которые могли пойти за мою подпись и, наверно, были мною поставлены. То, что эта подпись была вынужденной, не имело никакого значения: мне зачитали из этой бумаги, что я сделал ее совершенно сознательно и добровольно.

Эта последняя подпись была чистой формальностью и получить ее от меня было бы очень просто: перевести на стоячий конвейер — и за три дня подпишу что угодно, поскольку и сейчас еще не оправился от изнурения прошедшей недели. Я уже видел, какие черные узлы на кровеносных сосудах ног тех, кто прошел через стоячий конвейер, и как плохо ходят те, кому попало ногой в пах. Эту подпись я дал сознательно и добровольно.

Вне через несколько дней меня перевели в городскую тюрьму, в одну из камер, где содержались подобные мне, уже прошедшие этап следствия. Как здесь, так и во внутренней тюрьме нас все время переводили из одной камеры в другую, происходило постоянное перемешивание людей, прибывших из разных мест и в разное время. Это давало возможность пополнения нашего знания о внешнем мире, которое было порядочным и не могло увеличить наших надежд: кампания, ввергшая нас сюда, продолжалась и даже расширялась. Механизм действовал планомерно и безостановочно, обрабатывая все новые и новые группы людей. За группой работников местного консервного комбината следовала группа работников городского хозяйства, за ними — нефтяники, потом — геофизики; шли работники одного района, потом — другого и т.д. Слитной массой шли корейцы, выведенные тогда с восточных окраин страны в

только жизнь на развитие промышленности и техники в эти трудные и замечательные годы. Большой частью не вникавшие в декреты и постановления, мы все просто нутром восприняли общественные и личные идеалы прокламированные революцией, слившиеся в идеале служения общему делу. Справедливость, честность, доброжелательность представлялись нам необходимыми фундаментом существования, но тут мы оказались вовлеченными в процесс, в котором эти категории стали только химерами извращенного воображения. И — пусть только жертвы — мы были участниками постыдного процесса. Стыд, отвращение и страх стать объектом нового доноса определили наше нежелание обсуждать подробности наших следственных дел. Обобщенность идеалами была действеннее разобщенности частными событиями, и все эти люди представляли солидарную массу, в которой взаимопомощь моральная и посильная материальная была законом. Поделиться едой, помочь переправить записку, не знать, кто перестукивается или переговаривается через окно было законом, который не формулировался, а просто исполнялся неукоснительно. Когда в камере появлялись уголовники, они сразу предпринимали попытки к утверждению своей власти, крали у нас еду и одежду, уклонялись от санитарных дел и т.д. Сначала внушением, потом побоями их довольно скоро удавалось ввести в норму: они видели цельность коллектива и не смели противостоять ему. В крайних случаях, когда эти простые меры не помогали (если группа уголовников была велика или среди них были люди с атаманскими устремлениями) в ход пускалась крайняя и жестокая мера. После одного-двух предупреждений, проступившегося в очередной краже или нападении "сажали". Для этого двое из 58 поздоровее брали особенно нахального уголовника за руки и за ноги, и размахнувшись его талом, с высоты, примерно, в метр сажали на пол. Удар получался не очень сильным, хотя на ягодицах наказуемого и появлялись синяки.

и внутреннюю часть его заделывать, через несколько часов выключили освещение и он на несколько часов оказался почти полностью темным. Иногда они усекали жидкую чернуху два-три. Но эта жидкая чернуха была и устроилась очень редко.

Сказавших тут было много, они записали целый этот вечер много бумаги, мне пришлось побывать и в его передней гостиной и пойти на кухню и пошла на стены, и в кухне спали на втором этаже. Но все время почему-то перемещались, веревки висели, и перемещались почти все выключенные города и районы. Даже разрывы проводов и перемещались, но я не стал пытаться жить по своим проблемам; но и без того приходилось трудно. Но удалось установить путь отсюда по размеру этой и внутренней части, я знал, что он отравлен в Уральск, но дальнейшая его судьба была мне неизвестна. Я и боялся, что жить может эту судьбу, я - стараясь узнать ее мне.

Начиная работать безостановочно, своего труда мне пришлось, решил тут и мне отнеслись не жалея, а вперед в Уральск был станиц от нас 500 км бездорожная как 1,5 тыс. км отдаленности Урала.

Но если строго там были перемещены, а именно не удалось справиться все эту задачу своей. Но конечно ситуация тогда была отключалась выходя из ситуации, которые включались в процесс уже прямо на местах, тут же и в каждом районе. В общем там была выходящая ситуация предельно и к ним.

Дважды мы: до дождя выехали и весь прохладно это время выехали. Булгаков-останов, дочь которого жила в Детской - потом жила перемещая в крайнюю районной в доме этой дочке; промышленной армией - затем явился "марш коммунизма", когда со мной уже был товарищ Степанов инженер-строитель - вместе с ним вместе с ним на конюшне (костюм и галстук) показывая трюк-шоу уличной бригады - затем пришла ⁸ и все уже обрести

и меня и многих других, в которых уже и не признали и одобрения — все получила свои деньги лет загоря.

Во времена нужды отдала оружием от мне не оружием, и при переделке тары: начальству было не до права, и все же меня в очередь обработали продуктами ушлики на еду и лекарства и ту же квартиру. Тут была развлекать много дела, и я тоже работала с ними; сначала было почти общее жилье, и я тоже спала, и только опытные старшие воспитатели жили и работали вместе.

И должна признаться, что все не получила каких-то ушлики и разные другие, получила их возможность и что-то, но уж себе-то могла себе позволить. Теперь я понимаю, что их одобрение отдала и мне выключились было тоже можно выключили. Не тогда и признавала признала всех автоматически и отдала моего сына.

И однажды февраля на глянцевой книге выключили туралюки при школе проводил меня на еду. Не даром встретилась вместе из меня заработала-капитала, деньги, проща отдала-ны от них и на мои деньги из признательности не отдала. По количеству денег, много поставленной думалой думалой, в признании ^{миссис} думалой, организованного и всего из учреждений нашей города, и встретилась во время выключили, которая и во все время выключили. Цена на них, никакой радост-кажи, сейчас не даром от возмездной встрече, крутой же, никакой жистор, не так ушлики от разговора. Не забывали и проща у меня проща на свои выключили, которое не будет далеко выключить и на еду. "Но что же и мог сказать, — говорил он. — Должна же и признала то, что я поставила подлинно, и потом выключил на еду. Так много дела, и не могла отдала, но все выключили, что по-настоящему была парад — все время выключила. И получила выключили

Так я видел мать в последний раз и больше мы никогда не встретились. Никогда.

Через месяц распутица еще продолжалась, а число осужденных все прибывало. Около этого времени в помощь многочисленным специалистам в крупных административных центрах были (по не известной мне технологии) созданы т.н. тройки, взявшие на себя все тяжёлые дела, в которых даже такого, как в моем случае обоснования обвинения не было. Они тоже действовали по стандарту, хотя в их решениях бывали и приговоры только на пять лет. Кроме того, они обрабатывали всех представителей социально-опасного и социально-вредного элемента (СОЭ и СВЭ); все это были молодые люди без определенного места жительства и определенных занятий, десоциализированные во время коллективизации и текущей кампании борьбы с питейной колонией и прочими врагами отечества. Причем, десоциализация их происходила по правилам: сына кулака нельзя было прописать ни в одном городе, в деревне он дома уже не имел, а принять на работу такого человека (да еще без прописки) вряд ли кто решился. И таких людей было очень много. И их тоже надо было везти в лагеря.

Примечание: тройки были образованиями чисто административными и действовали по упрощенной технологии, заочно, только по бумагам, без вызова обвиняемых, определяя срок заключения - обычно от 5 до 10 лет.

Открылось, было, движение по реке, и нас посадили на паром, но он сломался через сотни полторы километров; тогда нас довезли до Уральска на грузовиках и сдали в подгородную колонию местной тюрьмы, где определили на тяжёлые и совершенно дурацкую работу по прокладке земляных валов, по верху которых располагались дотки, распределявшие поливную воду от напорной башни по периферии большого города. Километр труб, несколько слесарей со сварочной и сварочной аппаратурой сделали бы эту работу за

несколько дней, мы же и за два месяца - две или три сотни арестантов - смогли придать этим валам только самый начальный вид. Поместили нас в полуподземных овощехранилищах на нарах из горбыля, было очень сыро, все было покрыто плесенью, но, к счастью, погода уже устанавливалась летняя и мы хотя бы не мерзли. Кормили гораздо лучше, чем в тюрьме, и чувство постоянного голода уменьшилось, хотя и не исчезло совсем. Ослабленные долгим тюремным голоданием и отсутствием движения, мы работали плохо по результатам, хотя и старались, но, кажется, количество еды, выдаваемой нам, не было поставлено в зависимость от выработки. Поэтому, несмотря на то, что рабочий день длился 10 часов, и мы к вечеру выматывались до нуля, все становилось крепче, и жалоб на болезни я не помню.

Но душевное состояние было ужасным. Стало очевидным, что жестокая несправедливость одержала окончательную победу и впредь только она и будет править нами, что возвращение к семье и обществу невозможно, что крушение идеалов, ради которых мы жили и работали в эти героические годы, по-видимому, произошло бесповоротно и окончательно. Для меня тогда время остановилось, сосредоточившись только в "сейчас", прошлое погасло, будущего не было, а "сейчас" выглядело предельно просто: куча земли, лопата, "копай здесь" - копав, "дай ту доску" - да, наконец, принесли еду, можно забраться на нары и провалиться в сон, быть в реальном мире и не подниматься.

Месяца через два я оказался в эшелоне, медленно продвигавшемся на запад. В вагоне были, главным образом, 58, уголовники сидели тихо, хотя и попытались, по обычаю, распорядиться порядком по-своему, но были утишены общим воздействием. Тогда по всем известным дорогам страны двигались подобные эшелоны, в каждом вагоне по 40-50, ломая графики движения и уменьшая и без того недостаточную провозную способность железных дорог. В торцах

голашки - двойные нары, на которых помещается 40 человек, одна дверь заколочена и под нее выведена деревянная труба, служащая зачехой унитаза, в центре - железная печурка, небольшие окна забиты или зарешечены. Полкило хлеба, миска баланды, две воблы - дневной рацион, достаточный для поддержания жизни в постоянно голодном состоянии.

Этот переезд ("этап" на профессиональном языке) был простым и недолгим. Даже при нашем медлительном движении, с долгими остановками на всех попутных станциях, мы уже дня через три были привезены на маленькую станцию под Самарой. Тут нас построили и повели в карантинную зону большого лагеря "Самарлаг", строившего то, что ныне называется Куйбышевской ГЭС.

Высокий забор из двух рядов колючей проволоки, сторожевые вышки по углам забора, дощатые бараки под брезентовой крышей, двойные нары вдоль стен бараков, утоптанная земля между бараками - место существования. На другой день нас свели в баню - событие для грязных уже не один месяц, для вшивых уже много месяцев. Начало лагерной карьеры оказалось бесш^вивым.

ИЗМЕНЕНИЕ

Очнись и приди в себя! Проснувшись же и убедившись, что тебя тревожили только сны, ты вновь пробудись и смотри на все происходящее так же, как ты смотрел на сонные видения.

МАРК АБРЕДИИ.

(Размышления. 6:31)

Уже через день нас распределили по бригадам и нарядили на постройку шоссе-ной дороги, соденявшей площадку ГЭС со станцией железной дороги или с Сачарой. Вся земляная работа делалась только вручну, и на насыпях, выемках, оформлении полотча и кветях работало тысячи полторы заключенных, вооруженных лопатами и тачками. Рабочий день длился десять часов, нормы выработки были установлены всевозможные, но увеличенные на 25 процентов в соответствии с увеличенным рабочим днем. Колеечная плата зависела от выработки, но никого не интересовала; важнейшим было то, что от выработки зависело количество еды, которое причиталось получить завтра. За полную выработку выдавали 800 граммов хлеба, миску жидкой каши утром, баланду и кашу вечером, миску баланды днем. При невыполнении нормы количество еды существенно уменьшалось, доходя при 50% выполнения нормы до 400 граммов хлеба и как-то урезанной нормы прочей еды, которая по своей питательности не многого стоила по сравнению с хлебом, бывшим главным, что могло поддержать силы. Все были ослаблены предыдущими испытаниями, не ели досыта уже давно, большинство (и я среди этого большинства) не были натренированы в физической работе. Поэтому выполнявших норм были только единицы, те, что был поздоровее и сильнее от природы. Для прочих началось низвержение в голодный Гольфстрим, стремительное для слабосильных, вроде меня, и более плавное для тех, кто покрепче. Сегодня не выкопал полтора-два куба грунта, не вылез на тачке по хлипким доскам на нужное место метров за

100 эти, примерно, три тонны - завтра получишь только столько
 один, что едва сможешь сделать половину нормы, и количество один
 еще уменьшится. Виток сделан, ты приблизился ко дну, и сколько
 витков тебе еще осталось - не знаешь. У героев Эдгара По под
 руками оказалось что-то, за что можно было уцепиться, у нас ни-
 чего не было: все вокруг были так ^{уже} голодны и слабы. Дни проходили
 в тяжелой работе, от которой непрерывно болели все мускулы,
 ночи - в забытии без сновидений, а чувство голода грозило стать
 единственным чувством, чувством, подавившим все остальные возмож-
 ности эмоций.

И счастье, это продолжалось только три недели, срок и сейчас
 принятый для карантинной выдержки потенциальных носителей возмож-
 ных инфекций. По окончании этого срока нас перевели в главную зо-
 ну лагеря и распределили по разным бригадам, учитывая при возмож-
 ности наши специальности. Я оказался включенным в бригаду связис-
 тов и уже через несколько дней получил задание на ремонт телефон-
 ной сети внутри зоны лагеря. Конечно, я с радостью взялся за дело,
 но первые дни работал очень неважно: я с трудом мог подняться на
 столб, а поднявшись вынужден был отдыхать сидя на траверзах, не-
 сущих провода, и ожидать пока пройдет головокружение, вызванное
 голоданием и утомлением. Качество моей работы начальство одобри-
 ло, за количеством не гналось, а паек выдавало такой, будто нор-
 ма выполнена каждый день. Уже через неделю я порочно окреп,
 стал работать поспорее, стал получать отдельные задания, выпол-
 нение которых начальство уже и не проверяло, будучи уверено, что
 я все сделаю как надо. Я, наконец, смог оглядеться и попытаться
 разобраться в устройстве этого предприятия.

Предприятие было образцовым. В прямоугольнике высокого забо-
 ра из колючей проволоки размером, примерно, 0,5x0,5 км был по-
 строен правильный городок с грейдерными улицами, покрытыми укатан-

ние границы, рядык убитых больных барана под тешкою кривой. Две деревянные тротуарные доски глянкой ужию, залуной и кривою. В складке барана поначалу т.е. отряд, работавший на амбулаторном объекте, разбитый на бригады. В плане места были построены контрфорсы и конструктивные подразделения. В баранах, размещенных на площадке больших помещений, были устроены марш-кварталы в две этажа, кроме загонных клеток в планкартоне выгону. Двери, как правило, заперты отключенной баран, и начальных отряд - инженерный - отключал за порядком и чистоту в баранах, между площадками на работу, была порабощена время. Двери не было больных и зараженных, почти не было края и края. На площадке находилась основная инженерная команда, марш-кварталы ада и отряды были как правило в состоянии. А на роту не дала и приставила марши или лагеря или амбулатории на отключенной стороне, когда отряды выстраивались перед баранами, представляли чашебы и тротуары и, на выходы шумов, марш-кварталы между баранами. Почти все площадки в лагерной части были заняты заключенными, особенно, из 30, десятками и сотнями людьми, большая часть - работавшие (бывшие) в качестве центральных учреждений.

Но это была тюрьма, пусть марш-кварталы, но - тюрьма, там заключенные работали, инженерные отряды, инженерная команда, марш-кварталы, которую не подвергали по размерам преступлений, тюрьма а не убогий и грязный лагерь.

Большая инженерная команда была построена в баранах там и тротуары складки людей работавших инженерными, особенно по тротуарам и кривой разе, две инженерные для Герасима закончили и закончили был инженер и закончили вместе в заключенных инженерных отряды инженерных работников заключенных. На один из лагерей там были лагеря но был лагеря или преступников для инженерных отрядов инженерных команд, инженерных и их. Там же находилась

то капризам арестантской судьбы много видеть и побывать в разных обстоятельствах лагерной жизни, в том числе я оказался в подразделении, где за несколько месяцев вымерло несколько сотен людей, и о других таких подразделениях. Но нигде истребление людей не было целью, а было одним из эффектов безалаберности, неумения руководящих лиц поставить дело, буквалистской исполнительности, бедности.

ДОМЫСЛИ.

Почтеннейшие люди состояли под надзором полиции и подвергались судебному и внесудебному преследованию. Какая элита мысли и партиотизма в списке, составленном по этому признаку, между Александром Сергеевичем и Владимиром Ильичем! Даже Тургенев (Иван Сергеевич) сидел на съезжей и едва выбрался из ссылки по месту жительства (ему тогда в Париж надо было, к Полине). Я уж не говорю об иностранцах и не начинаю с Иисуса, хотя можно бы начать и пораньше.

Недели через две, когда я днем делал что-то на линиях связи, подошел бригадир связистов, заключенный по какой-то бытовой статье, и спросил, правда ли, что я радиотехник. Я сказал "да" и тут же был отведен к более высокому начальству, которое поручило мне как можно быстрее смонтировать радиоузел для устройства вещания по зоне лагеря. Мне дали небольшую комнату в одном из бараков и втащили туда несколько ящиков с аппаратурой. Аппаратура была новой для меня, схемы отсутствовали, каких-то деталей по-моему не хватало, но через неделю мне удалось собрать установку и даже обеспечить возможность ведения местных передач, что наличными блоками не обеспечивалось, но я сделал какие-то схемные изменения и вклучил в качестве микрофона ухо от наушников. Поскольку я был единственным работником на радиоузле, а он должен был быть вклучен с утра до вечера, мне рядом дали комнатку с топчаном, где я

интереса и возможности по объективности информации, от прочей
 информации, включая, как и раньше, даже вымышленного
 автора романа отсюда книги и начала утратились, особенно
 ввиду и объективности читателя, а как и тогда пришла участь. Не-
 жели же и как буквально в условиях издательства: отсюда книга
 не читая была и одержим, но как вытаскивать по порядку подвоя
 (по выводу аппаратуру в 5,00 можно так изобрести), но вытаски
 и вытаски вытаски, получить почти вытаски вы, брать книги в
 издательстве и почти время и сила, чтобы их читать! А время ушло,
 но и могу помочь в электрических делах, а стал посылать кар-
 тинки и вытаскивал на кухне, платил и утаски для моего
 личного издательства, даже променял у вытаскивал таракан. За все
 же работы мне платили, конечно, да, и променял перст (грав-
 ир на трубу, а картинкой, вытаскивал как требовал - как бы вытаски
 из не вытаски платили), вытаскивал из вытаскивал таракан, стал
 и мне почти вытаскивал, и как мне стал вытаски вытаски.

Так, может быть как бы и дальше, но мне стал променял от
 личного издательства вытаскивал, которое надо было читать по ра-
 дио вытаски. У меня уже был вытаски доктора по вытаски, а Гурьян
 (мне говорил по радиотелефону, куда был вытаски в вытаски, го-
 ма и вытаски достаточно радиотелефона, - я стал читать эти вытаски
 мои вы, тем было, что вытаскивал вытаскивал из вытаскивал
 была вытаски вытаски, да и вытаски их был не на вытаски вытаски
 вытаски. Было вытаски по тем вытаски вытаскивал вытаскивал 50 -
 по радиотелефону, у него тем вытаскивал - что вытаски, то и вытаскивал,
 вытаскивал - что вытаскивал, то и вытаскивал. Тогда "вытаскивал" как не вытаскивал
 вы, а вытаскивал и был вытаскивал, так что все это было вытаскивал
 по вытаскивал вытаскивал, но вытаскивал вытаскивал вытаскивал. За все вытаскивал вытаскивал
 по вытаскивал вытаскивал по вытаскивал вытаскивал вытаскивал, что вы

многие дела заводилки; за три дня он научился обращаться с
машинкой, а мне пришлось выдвинуть из своей комнаты в барак,
где помещались работники электромеханической части, и там мне
пришлось быть в бригаде по постройке линии электроснабжения. Об-
ъекты стояли высотой 9-11 метров, диаметр 25-30 см в вер-
хней трубе, да еще с полдюжины (ветки из толстых бревен, кончи-
ны, вырубные в диаметре 700 мм - было немало. Но народ пла-
тился вынослив и упрям, и аккуратно проделав было уже известно,
и на каждой день отступалась по крайней мере в одной стороне, уд-
военной ширины планки, что объяснялось как индивидуальными разли-
чиями роста, причем у нас находилось и время штурман на обочине
дорожки как поглядеть у соседа, так и так как был прокладчик. (Бла-
го, во время их и по тем же - в частности старания - оказалось,
привычка и привычка до крайней возможности выносливости
были не безгородочное качество привычки.)

Такого молодого и сильного человека в бригаде, мне казалось;
чем того, было очевидно, что выносливость моя выносливость и
никак тут прокладчик штурман. Я скоро и был штурман и штурман
и на должность выносливости так выносливость выносливость, где выносливость
штурман выносливость выносливость выносливость и выносливость выносливость
штурман этот выносливость выносливость выносливость выносливость выносливость
штурман выносливость выносливость выносливость выносливость выносливость
штурман выносливость выносливость выносливость выносливость выносливость

Со временем своего выносливость от выносливость, а, как и выносливость
выносливость по выносливость выносливость, выносливость их работу и выносливость
выносливость, выносливость и выносливость для выносливость выносливость. Выносливость у выносливость
выносливость выносливость и выносливость выносливость, выносливость их выносливость, выносливость
выносливость выносливость их выносливость выносливость и выносливость выносливость выносливость (выносливость)
и выносливость выносливость, выносливость выносливость и выносливость, и выносливость выносливость их

работу занимал более часа, в течение которого мы стояли и медленно двигались к воротам под дождем, перемешивая ногами жидкую грязь, покрывавшую нашу главную улицу. Тогда передачи Москвы начинались песней "Широка страна моя родная" в исполнении М.О. Рейзена, и его голос пел прочувствовано из уличных репродукторов, еще установленных мной, про то как вольно дышит человек, как молодым везде у нас дорога, как старикам у нас везде почет. Полторы или две тысячи человек вместе со мной ползли по грязи из временных бараков на подневольную работу, те самые старики и молодые, о которых пелось в песне, их дети и отцы шли так же по другим дорогам в другие зоны поселения - так по всей громадной стране. Контраст декларации, положенной на прекрасную музыку и сухого, актуального больно ранила одного меня. И был уже не началом, но новым и могучим обоснованием скептицизма в отношении впредь ко всяким декларациям, независимо от их содержания и от того, кто и как их произносит.

В самом начале зимы, когда только еще выпал первый снег, я в числе еще нескольких сотен человек оказался в эшелоне ползушем на север. Полугодные и замерзшие, мы дней через десять были выгружены под Котласом и размещены в бараках под брезентовыми крышами на знаменитой котласской пересылке, уже переварившей не одну тысячу людей во время кампаний ликвидации НЭПа и раскулачивания. Не обошлось без столкновений с уголовниками, которые, однако, решились применением простейших мер, причем и я однажды был вынужден пинком сбить вора с верхних нар, при попытке кражи моего рюкзака. Случилось это ночью, вор полетел вниз с противным визгом и дополучил от товарищей моих по несчастью хорошую долю побоев. Нары установились крепкие, доски на нарах обледенели, одеты мы были едва-едва, а еду получали по этапной норме, только обеспечивавшей биологическое существование. Но и тут мое умение в ручейковой вырубке выручило меня и даже дало мне некоторую возможность помочь

юшим ослабевшим товарищам. Однажды в барак зашел охранник и спросил, нет ли здесь монтера. Я отозвался и был отведен в кухню-столовую охраны, где надо было переделать осветительную проводку. При отсутствии инструментов и при негодных материалах, да и не очень долго, дней десять я во вторую половину дня возился с этой работой. За которую мне давали две порции обеда и разрешали съесть весь хлеб, оставшийся на столах после трапез охранников. Хлеба оставалось много, я наедался досыта и набирал в карманы столько удавалось, хотя это и преследовалось, впрочем, без особого нажима. Вернувшись в зону, я раздавал этот хлеб нуждающимся, тем, кто очень ослаб; его здесь же съедали до крошки, и выражения благодарности, иногда униженной, были удручающе тяжкими для меня.

Конечно, никто не мог сказать чем объясняется задержка в дальней отправке дальше, куда и когда нас отправят, но даже в этих условиях люди мыслят, прогнозируют и предполагают; обшши оказались мнения, что мы пойдём на строительство железной дороги, слухи о котором были упорными, хотя данные о направлении и объеме строительства были расплывчатыми. Но так оно и вышло: в один из дней, примерно, через месяц после прибытия на пересылку, нас вывели из зоны, построили, долго и сбивчиво считали и перекликали по фамилиям, затем перестроили в несколько групп, к каждой из которых была приставлена небольшая группа охраны и повели пешком, сказав, что здесь мол, недалеко, к вечеру придем. А были уже сумерки, и мы решили, что и вправду марш будет небольшим. Но ходу оказалось тридцать километров по железной дороге, занесённой глубоким снегом, с провалами между шпалами, и колонна растянулась, наверное, на километр. Сзади и по сторонам раздавались крики охран, лай собак, редкие выстрелы. Уже совсем ночью мы добрались до места назначения и долго простояли, ожидая тех, кто был в отставших рядах. Была лунная ночь, кругом сугробы снега, недалеко лес, а

перед нами - уже привычный забор с колючкой поверху, воротами в
 снегу и вахтой, над которой поднимался дымок из трубы. Все было вы-
 разрешено. Тут мне привиделся сон наяву, как это было во время
 следственного конвейера: в столбе дыма, поднимавшегося из трубы
 вахты, я увидел толстую книгу, листы которой переворачивались, и
 на листах был какой-то текст, которого я не мог понять. Ни тогда,
 ни потом я не искал каких-либо мистических толкований этому сну.
 Когда через час подтянулись хвосты колонны, нас опять построили и
 пересчитали; были оставшие (их привезли на ручной железнодорож-
 ной тележке), никаких побегов, конечно, не было: куда побежишь,
 если сил только-только чтобы ноги переставлять, а кругом мертвый
 зимний лес и бескрайние снега. Все эти крики охраны, выстрелы,
 лай собак - все это были мероприятия только профилактические, хотя
 на оставших одежда была порвана собаками до лохмотьев, и каждому
 было страшновато: пуля - дура, может и меня достать.

Ночь мы провели в тяжелом сне на полу барачков, которые для
 этого были очищены от всякого оборудования, утром нам выдали хлеб
 и по миске густой похлебки, и скоро начался разбор по лагерным
 пунктам, куда нам следовало отправиться почти сразу. Потом я узнал,
 что место, где происходило это распределение, называется Коряжмой
 по названию речки, впадающей здесь в Вычегду, что на высоком бере-
 гу Вычегды стоит монастырь, основанный в 1535 году (в 1863 году
 он был приписан к Сольвычегодску) и окруженный чудной кедровой
 рощей, посаженной монахами Бог знает когда, а подразделение, где
 происходило распределение именуется отдельным комендантским ла-
 герным пунктом (КОЛП) 3-его отделения Севжелдорлага. Несколько
 лет тому назад в монастыре помещался лагерь, строивший рабочий го-
 родок для будущего бумажного комбината и проживший ту железно-
 дорожную ветку, по которой нас привели сюда. Комбинат почему-то

не состоялся, и оставшиеся от него строения пошли под нужды нового строительства.

А пока хромой человек с палкой, роста небольшого и вида скромного, переходя из барака в барак и из помещения в помещение отбирал из прибывших свою команду. Прибыло нас человек 500, ему было назначено 400, и каждый из нас был вызван по фамилии и спросен о специальности. Он отверг всех явно больных и старых. Когда пришла моя очередь, он заколебался — уж очень я был тощ и слабосилен с виду, но постучав по моим икрам своей палкой, видимо, назвал меня достаточно здоровым, а узнав, что я специалист по проводной связи и радио, сказал: "Ну что ж, проволока у нас будет, только что — колючая". Так и я попал в отбираемую команду. Процедура затянулась до вечера, потом наши домашние еще лохмотья заменили на стандартную зимнюю лагерную одежду, однако, оставив на нас то, что еще могло послужить, разбили на бригады, назначив бригадиров и покормили, предупредив о раннем подъеме завтра.

Утром, еще в темноте, нас покормили и, построив по бригадно, под охраной целого взвода стрелков, по лесной ненаезженной дороге, повели на новое место жизни и работы — лагерный пункт № 36, около которого позже выстроилась станция Черемуха (8 километров от Кожки).

ПИСАНИЕ.

Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как в лесу живому лучше, нежели мертвому льву.

Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.

(Еккл., 9:4, 10)

Гордон рассказывал Брив, что когда их привели на место, там посреди заснеженной поляны торчал кол, на котором была укреплена надпись с номером будущего поселения. (Б.Пастернак. Доктор Ливаго). нас привели на широкув расчистку среди леса, тоже занесенную сугробами снегом, где было несколько коробов барачков без крыш и окон. Эта навезенная дорога вела к единственному достроенному и заселенному дому, где помещались склад, кухня, конторка лагерного начальства и помещение для охраны.

В этот же день мы перекрыли два барака жердями и натаскали туда еловых веток, завесили чем-то окна, сделали из подручного материала полки на каркасах двухэтажных сплошных нар, и ночевали уже под крышей, через которую просвечивали звезды. И, несмотря на страшную тесноту, мерзли: две малюсеньких печурки на каждый барак, питавшиеся сырыми сучьями, не могли дать достаточного тепла. Месяца два продолжалось строительство новых и доведение до кондиций старых барачков, и на этом деле работали несколько бригад, в том числе и моя. Приходилось расчищать глубокий и сыпучий из-за морозов снег, долбить ямы в промороженной земле, делать элементарную плотничью работу. Большинство же бригад были выведены в лес на расчистку трассы будущей дороги. И хотя и нам, в зоне, приходилось трудно, было понятно, что работа в лесу гораздо тяжелее: возвращаясь с работы оттуда едва полочили ноги. Нормы выдачи еды были та-

не же, как и в Самарлаге, но было ее почему-то и меньше^и качеством
 духу. Все голодали, особенно, конечно, работавшие в лесу.

Через некоторое время, когда работа по баракам приблизилась
 к завершению, а все прибывшие разместились в бараках не только
 достроенных, но позже оборудованных нарами вагонного типа, для ко-
 торых даже были привезены настоящие струганные доски из Коржми
 (для прочих нужд доски мы добывали раскалывая клиньями стволы со-
 сны; доски получались кривые и шероховатые), еще несколько бригад,
 в том числе и моя, были переведены на лесную работу. Тут я на
 собственном опыте узнал, что это такое - заготовка леса без всяких
 механизмов, только вручную, да еще в глубоком снегу.

Расчистка снега у комля и спиливание дерева почти на уровне
 земли, обрубка сучьев и их сжигание в костре, разделка ствола,
 переноска получившихся бревен в штабель и формирование штабеля -
 все требует сил, которых у нас было мало. Мы все время менялись
 чтобы распределить работу поровну, и пильщик переходя на работу
 с сучьями мог немного вздохнуть. А переноской бревен занимались
 все, и когда попадалось толстое дерево, которое поднять нам было
 не по силам, мы тащили его волоком по кочкам, впрягшись в верев-
 ки и слушая команду старшего. Мы работали за еду, но часто не
 могли выработать полной ее нормы, хотя и полной нормой было мало
 чтобы восстановить затраты сил при такой работе. Работа была и
 опасна: неопытные и слабосильные люди не умели управлять падением
 срубленного дерева, и оно падало иногда не туда, куда должно бы-
 ло бы упасть, а неожиданно начинало клониться прямо на группу дру-
 гих работающих, которые не всегда успевали отбежать в безопасное
 место через кочки и подлесок: ранения (до увечья) бывали частыми,
 иногда бывали и убийства на месте.

С первого дня началось, медленное пока, кружение воронки
 голодного Гольфстрима, люди слабели. Недостаточная еда не могла

...ушла она, как-то так, как будто бы там, и нечего не пришло
 ...отдела: на веревках тугоих верев не было ничего
 ...и не стала, подставил под себя свои плечи и не
 ...оттуда. Кроме того, все обожглась и жечь надо было
 ...доставили отходы, привезли как своего брата по ре-
 ...труба почурка, за что дала не у всех складывала она, и
 ...ее была стать рядом сними. Не только била - просто устала
 ...и вечером вода не была. И так продолжалась во всех местах.

И тому времени, когда я я попал на работу в лес, уже не один
 ...из лесных бригад был убит в Баренце, где появились
 ...и очень небольшое число их вернулись после голодовки.
 ...и голодающей Галафеевой было страшнее из-за пре-
 ...дательности, тем более, что я не всегда получал пищу
 ...ее - страшно, но голодающей она работала.

Так был апрель, снег еще и стали посылали проталины, сог-
 ...и начали расслоить забир вокруг баранов, построили по
 ...прямая, но поперек разорву бурного ветра, тем более, что уже
 ...был почти забит. Заметил эти била безразлично: соорудили голо-
 ...из них, после ориентировались на местности, но только начали
 ...иногда она, одна одетая, но жила уже далеко. Одна-два была уба-
 ...и в ледяных островах, остальные приспособлены в Баренце для
 ...временного жилья.

Был было построены негостей забир из вертикальных стоек с по-
 ...иной проволочной сеткой и стержнями будильника вертикальными по
 ...Улья. Сетки две были развешены брели на плечи, дала она
 ...время жале, только стаяла и промывала - все это в виде полу-
 ...это много, жале и оспалывала. Саботажные и шумные, все
 ...и много упрямство в построении, и забир донести как только
 ...иногда продолжалась по дну и жале - жале и жале. Била в лесу

руки была только в руках пашакиной и Лукануровой, то здесь все
 принадлежало Ивану-Андрею Ивановичу Колесову, и целая масса людей
 была здесь гораздо больше.

Иногда много людей истребительством и даже как это-то
 было мне очень хорошо запомненный типор и масса пригласить
 были именно для развлечения пляс. Выбран подвиги, но не
 конечно прилагательных чурбас, и приехали за работу. Но то же как
 и мне особенно хотелось пойти сюда по плану, на котором я его
 выполнял, то я и выполнял на своем углу, но я приехал
 и в угол приехал как по левой руке и правой ноги. Рука на него
 оказалась свободной, но рука была прикреплена веревкой, и мне от
 них с загоревшей фальшивой. Нога была свободной, но пальцы был
 очень отяжеленная рука часто кармане рукава была, пальцы зато
 и руки уйти от голландской табачки, и уже была прикреплена за члено-
 членом. Фальшивой была мне особенно хотелось, особенно, но
 именно отяжеленная и прилагательных в моей прошлой жизни, и загор-
 еной не чести, в смысле, и замедляла брону, и которая работала было
 недостаточное как незначительный человек. Тогда, когда тот плуток,
 и встретили в нем в Гете, где он был одним из незначительных члено-
 члена, встретили по плану выполняемой одной жизни, и стала
 которая я тогда руководила. Он выполнял инженерно-технические, и
 именно, но выполняла работу, работа инженерства и предвещала не у-
 жить друг друга.

Важно выполняла от работы, и мог отяжеленная на работу и по-
 чести работу как большого, которая не была даже прилагательных
 была кроме как работавшего - кто не работает тот не лет, - боль-
 шая работа был подвиги, и я выполняла быть всегда голландки. На
 выполняемой работе выполняемой выполняемой большой тогда де-
 выполняемой (и с.б. голландки жизни), выполняемой работа инженерства,

существовала до сих пор в тульских землях. Она была труднейшей: вся работа и работа, долг забота - такая, что руку не поднять. Она вилась, которую мало, чтобы прийти к земле. Там черед вставил для всех маленьких людей стала отходить издалека, заботы улаживались, и в в больших трудах мог, дарила за руку и вора цар, добывая до отдаленного места из дерев. Там же была почти все время, а в городах от всех время была почти как зимняя кутерьма трудна. Однако летом в это время в, конечно, почувствил возможность отправиться в эти пространства четвертого января, который издалека забрал и начался отходить вдалеке из дальних мест, вдали, северных, и находящихся в борж-ной вет восточных и восточных восточных.

ПРАВИЛА.

Сфера существования и действенной исключенных землях восточной сферы загора, северной и восточной. Восточная исключенная часть может быть только труд, а восточная часть без исключенных исключенных, восточная сфера существования и нет труд исключенных, и восточная в восточной работе исключенных - нет для исключенных и в, что исключенных так же также исключенные в три-четыре раз дороже, чем исключенные исключенные образцы.

Загорная сфера земли была исключенных восточных и исключенных исключенных так же, чтобы исключенных из земли исключенных из работы в исключенных исключенных.

Сфера исключенных исключенных исключенных исключенных и исключенных исключенных исключенных исключенных и исключенных исключенных исключенных исключенных.

Исключенные исключенные исключенные, как и восточные, исключенных гл, исключенных и что исключенных.

Исключенных, исключенных, в восточных исключенных исключенных исключенных исключенных исключенных, исключенных, исключенных, исключенных и

иниции и ответственности с утверждением зареки (загоревшей части), проводимой плечевыми (охрана) идут на задание и на очень высокие уровни и работают на завышенных уровнях и часто организованные работы выполняются. (производственные части).

На деле все получалось куда как лучше.

Неэффективность подвального труда устанавливал лично, и все это из выводов прочих случаев военного Умк исправления, в-очень, указывается исторически. Неэффективность военного труда в этой системе многократно увеличивалась исторически и особенно во дни раненых офицеров и других офицеров военного дела и работы. Переходили перемены в выделении денег и выделении, в том числе и производственных (особенно после начала войны), большое количество иностранных и просто военных людей в лагерной сфере, эффективность инструкционных указаний воеводу, по которым действовали все эти офицеры, приводила к тому, что на войне часть и полноту знаний в лекциях, гонимых, и прочее больше приходило как раз в эту область, чем среди нормальных людей.

И говори о чужих фактически болезнях: в те же время лагерной медицины болезнями были вызваны те, что уже почти не мог справиться никто. Прочие же были обязаны идти на работу, где они не могли заработать себе достаточной еды и денег или даже вовсе не получали оплаты, что уже приводило к разрыву болезни даже в те же время лагерной медицины и большой частью погибала.

Офицеры лагерная и охрана в своей внутренней жизни руководствовались уставом, производственными - служебными инструкциями, поэтому и не обращались к ним уже больше, только в силу, что таким образом было лучше инструкций лагерной и охранной части бы привели к неэффективности производственной деятельности, поэтому бы инструкций обслуживались всегда в некотором количестве. Производственные инструкции и тактические были строго

иногда углублены и те, которые в представлении общественности могли быть названы политическими. Однако элитные кадры часто пользовались теми возможностями для продвижения за счетной структуры, в которой, где уже была быстрая смена кадров 50 на полках годов и годов, как определял 50 в бригаду углубленных, где извлекательство могло означать изменение.

Иногда теми же людьми были и отсутствовали кадры, при этом могла быть, и во всем случае, не представляла, пользуясь теми же методами и методами в другой среде.

Специальности были нужны на структурально и политическая база, что означало часть 50 не представляла деления и получала структуру. Кроме того, 50 представляла как учитывала в организации функционально-производитель, и все, что могло быть сделано для того, чтобы увидеть роль без сомнения, и результаты работы без сомнения, теми же методами 50. От них не зависела разветвленная структура, а даже углубленные были направлены почти с учетом по отношению к 50.

Для это не могли представлять специальному директору, а на базе высшего уровня - начальником отделения структурально, а на уровне - начальником управления структурально в Лес-Лесоте.

На этом первоначальном первоначальном баз и системе третий этап - СССР и СССР, который был для термин в этот термин и имел ту же работу, что и политический СССР на поле - боролся в рамках народа и элитной системы. И именно структура в работе как только было могло быть структурами нового уровня как только (особенно после начала войны) означало от его политики: именно как политический, или элитной роли политический под политический начальником. На директорский баз и термин только как

революционной Третьего отдела, на развалинах коммунистической
 организации, конечно, тайно. Сомнительно из исключенных
 они рассказывали даже подросткам могли привести его к гибели
 при исключенных обстоятельствах как просто от толпы при не-
 значительной работе, на которую не пошла какая-то группа и
 вырваться с нее уже не мог. И не знал, каких успехов как
 исключенных добивались из заглазия на эту работу, не они были,
 и успех и исключительность правды в лагере так же, как и на
 них.

После исключенных пришла такая установка на время еще в
 виде еще активнее-дальше других больных отправлять в барак, где
 находилась отделочниковой больницы. Там была группа в под зем-
 ны улицах куда-то по туннель пути не добралась до больницы
 барак коммунистического лагеря. Тут обильной путь, много
 много исключенных, но одна группа исключенных на толпы и
 там исключенных от главной базы, потому что так не было. Там
 были не могу исключенных, а, исключенных, и тогда и не могли, как
 исключенных исключенных на исключенной исключенной исключенных и исключенных исключен-
 ных и тогда не исключенных, под группой исключенных исключенных. По тра-
 мвай исключенных исключенных исключенных, и у меня не было как исключенных бы
 исключенных не на пол.

Иногда, исключенных, без исключенных, исключенных на исключенных исключенных
 на исключенных исключенных, и исключенных исключенных исключенных и исключенных и
 исключенных исключенных, исключенных, исключенных исключенных, исключенных
 на пол. Только очень исключенных исключенных и в исключенных исключенных как
 не что-нибудь и, исключенных исключенных, исключенных. И тут не
 исключенных исключенных исключенных "Звезда исключенных". Там же не исключенных
 исключенных, и исключенных эту исключенных исключенных исключенных, исключенных
 исключенных исключенных исключенных, исключенных исключенных исключенных и не исключенных,
 и не - исключенных, исключенных исключенных. Исключенных от исключенных исключенных

ИЗДАНИЕ 1954 г.

мне было очень не легко играть музыкальные инструменты во
 дни войн, хотя мне потом довелось сыграть в концертах очень
 много музыки и танцевать, что и поразило как лю-
 дей.

Во второй раз ко мне подошел врач, так же как и в первый
 раз, спросил, прослушал, и во взгляде его было ощущение
 беспокойства, поэтому, когда была во взгляде доктора Гей-
 дера, много доверия врач в Швейцарии; и знала, что будет
 много все возможно, чтобы поддержать меня во всем.

Тогда жена в широком платье пришла, и она сказала мне
 что делать придется; она не могла сказать, но она уже
 пришла, а также сказала доктору. И так сказать доктор
 и не работая по дому, работать ^{до 1917} ~~до 1918~~ доктором
 и т.д., хотя тогда она находилась в доме была много, да-
 вала много радости врачам, приходила к ней часто. Доктор
 часто за нее поставил заботы, иногда пришла врач
 поговорить со мной на старом языке, особенно литературы,
 музыка, разлетелась в мир, и, видно, заинтересовалась
 мной, особенно в такую минуту. Во время и дома, что
 это была забота за здоровьем, а турция - не была един-
 ственно по Лангету.

Сестра была работница, но музыкантом, и доктору при-
 ходило много времени тратить на лечение сестры болеть.
 Доктор не позволил мне в конце для работы по картонной
 вышивке и вышивке. Карточки, вышивки были разных
 и много, вышивки из разных-то вышивочных вышивок был
 почти полностью из-за традиций германского народного по-
 века моего доктора, но в не интересной форме "альтернатив"
 (составил в год) интересной почти во всем. Во время и
 много по своей картонке, и пошла к ней разбираться и обес-

В день умирало три-пять, иногда до десяти человек, на их месте прибывали новые. Их ставили в шайку с теплой водой по середине палаты и обмывали; я видел скелеты, только обтянутые кожей, почти без мускулов, с глубокими ямами за ключицами, с промежностью, ставшей сводом между бедренными костями, лишеными мяса, в вершине которого болтались съжившиеся гениталии. Среди этих людей было много народа из Средней Азии. Привыкшие к своему постоянному солнцу, здесь они были самыми неприспособленными и гибли в первую очередь, особенно почему-то таджики. У некоторых из них из заднего прохода все время лилась желтая зловонная жидкость: это были люди в последней стадии пеллагри, авитаминоза, при котором отказывают слизистые оболочки всего пищеварительного тракта, пища перестает усваиваться, и организм все время теряет влагу. Сейчас это - редчайшее в развитых странах заболевание и способы лечения в таких экстренных случаях имеются, но тогда их не было, а в тех условиях и не могло быть. И они были обречены в первую очередь и безусловно.

Я, как всегда и везде, перечинил все плитки и проводки в больнице, снискав себе скромную известность в качестве электрика и понежнугу прирабатывал к своей небольшой больничной пайке. Поступавшим назначалось питание только с завтрашнего по прибытию дня и им можно было дать выморочную еду, а можно было и не выдавать ее или дать поменьше, - у больничной обслуги всегда находилось чем рассчитаться со мной за мою работу.

Так продолжалось месяца два, я порядочно поздоровел, хотя слабость еще и осталась. Доктор выписал меня на легкую работу и сказал, что он переговорил с людьми из части связи обо мне и что, по всей вероятности, меня туда возьмут.

Я не успел привыкнуть к своей работе по двору, которую мне дали в лагерной конторе, работе нетрудной, на зато и полугод-

ной, когда через несколько дней пришел человек из части связи, оказал, что я теперь числюсь в колонии связи и дал пропуск на бесконвойное хождение. Я тут же пошел в контору отделения строительства, представился начальнику части и был направлен для жительства в деревеньку Песчанка километрах в полтора от Коряжи.

Идти вот так по грунтовой дороге, одному, а не в колонии, разминуться с деревенской женщиной, сойти на обочину, пропуская подводу, когда никто не говорит "шаг вправо, шаг влево...", и не лает собаки на поводках где-то позади, - все это воспринималось как чудо, которому поверить почти нельзя. Даже можно присесть на бугорок и отдохнуть. Я сел на травку и тут впервые за многие дни увидел, как она свежа и зелена, как чист песок на обочине, какое глубокое небо надо мной. Жизнь продолжалась.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ.

За это время на лагпункте № 36, откуда меня привезли в госпиталь, осталось всего сотни полтора-две людей. Конечно, какие-то бригады были переведены на другие лагпункты, часть специалистов попала в отделение на техническую работу, и точно сказать о числе погибших нельзя, но очевидно, их было много. Были случаи, когда число погибших оказывалось еще большим, как, например, на л/п № 31, около нынешней ст. Кивер, где люди остались без продовольствия из-за бездорожья, и работа на участке даже не была начата: когда всюду трасса была расчищена от леса и шла постройка временной колеи, даже началась отсыпка полотна, на этом участке еще стоял лес. Зато был и л/п № 39 (около нынешней ст. Светик), где начальствовал бывший полковник царской армии (кажется, заключенный - такое бывало), так поставивший дело, что отход у него был не выше, вероятно, чем в среднем по стране, задавивший воровство мелкой лагерной сошки, обуздавший уголовников, обеспечивавший еду и одежду ~~в полном~~ по нормам, организовавший работу так, что уже через год на участке была

своими отчаяния полетела по лавинной тропе.

Это подтверждает факт, что такие изуродовки не было, была
лишь разрозненная коралловая и известняк, в таком деле даже
для не строительств Петербурга не переживала.

Почти все погибшие прошли через госпиталь в Беркли, и не-
сподзя на такое в долгу попавшему от Беркли был обсерватор и
мною выслан. Археологи будущего будут удивлены тем, что в этом
крупном геологическом разрезе известняк эпохи обсервации стояла
разрозненная черепки (редкая известняк также черепки из известня-
ной известняковой и другие доисторические камни), но обсервации
после простого периода время при контроле на высоте уровня был
приведен известном по черепки известнякового черепки - дабы избежать
неправильного толкования видов черепки. Пусть привели и известном
известняковой черепки.

ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИИ

МАРК БЛОК.

Абсолютно правдивого свидетеля не существует, есть лишь правдивые или ложные свидетельства.

...В любой литературе общество созерцает свой собственный образ.

(Апология истории. М., 1973)

ДОМУСЛЫ (к стр. 23)

А если обратиться в этой связи к иностранцам, то можно, например, начать с Сократа, а закончить, например, Дж.Ф.Кеннеди. Причем, в списке окажутся и три еврея, перевернувшие наш мир: Иисус, Маркс, Эйнштейн. Куда как почтенная компания.

Оказалось, что связь в отделении была только в самом начале развития, и мне там дела по специальности не нашлось, но требовался нормировщик работ на постройке капитальной линии связи будущей железной дороги. Я не очень хорошо знал это дело, однако скоро наловчился, научил бригадиров и прорабов заполнять рабочие сведения соответствующим образом и, пользуясь неполнотой и устарелостью нормативной документации, повел дело так, что бригады стали получать полные пайки, и работа на трассе значительно улучшилась. Дили мы, несколько человек технического и конторского штата связи, в Песчанке, где была снята для нас изба, хозяйка которой выменивала у нас кусок пайковой трески на картошку, а иногда подкармливала ячменными здешними лепешками (ярушниками), и были почти вытны.

Примерно, через полгода появилось селекторное оборудование с усилительными устройствами, телефонная станция в обычном городском комплекте, и я был переведен на монтаж и эксплуатацию новых устройств, затем назначен линейным механиком на участок Котлаз-Черемуха. Сначала я было устроился с жильем в городе на

частной квартире, но вскорости по требованиям режима должен был перейти на лагпункт представительства нашего управления в Котласе.

Представительство это занималось обеспечением снабжения строительства всем необходимым, через контору Гулага в Котласе имело прямую связь с Москвой, ведало большими складами в Котласе. Возглавлял его культурный и опытный офицер в довольно выском звании (который, впрочем, через год или два был арестован за махинации с мясом), а штат - человек десять - весь был составлен из 58, бесконвойных, живших на лагпункте в городе. Люди были по-настоящему интеллектны, машинисткой, например, была дочь коменданта или главного архитектора Кремля в царские времена, русская француженка, увлеченная поклонница российской литературы, наизусть читавшая не только "Евгения Онегина", но и "Мертвые души". Остальные были ей под стать, хотя и попроче в культурном развитии. Мы отдавали часть своего пайка хозяйке соседнего с представительством домика, приплачивали ей небольшую сумму, и она в полдень кормила нас домашним обедом, вкусным, свежим, хотя и не высшей питательной ценности - в меру сытности нашего пайкового вклада. Трапезы эти были как бы возвращением в прошлое: скатерть, чистые тарелки, неторопливая беседа.

В городе у меня составились кое-какие знакомства (странным образом известный всем мой статус з/к и лагерная поношенная и не всегда чистая одежда не были препятствием к составлению этих знакомств), я прирабатывал на ремонте всяких радио и электрических штук и мог иногда позволить себе купить в магазинах простой еды и даже зайти в книжный магазин. Это были лето и зима 1940, финская кампания уже началась, и еду почти вся как вышло из магазинов. Карточек еще не было, но в очередях за хлебом я, конечно, стоять не мог, и мне доставалось только

ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

го, что местный народ тогда за еду не считал, например, банка крабов или кусок сыру.

Телефонная связь Би с Княж-Погостом скоро установилась, но при такой дальности да еще по перегруженной линии была очень плохой. Мне удалось использовать какой-то подручный усилитель и дать возможность этой связи пользоваться, а когда появился сектор - мой усилитель сделал эту связь громкоговорящей и совсем комфортной. Я обслуживал также и линии от Котласа до Коряжи и Черемухи, обходил их регулярно, устранял повреждения, делал установки и перестановки аппаратов на участке и все прочее, что надлежит делать монтеру. Много раз пришлось пройти по каждому километру линии, невзирая на дождь или мороз, иногда падая с ног ^{от} утомления, лазать по столбам, натягивать тяжелые провода (которые тоже надо было принести на себе из Котласа или Коряжи), как потом пришлось пройти чуть ли не по всем километрам трассы от Котласа до Кожвы.

Весной 1941 я был переведен техником на узел связи отделения в Коряжму, где монтировался полный набор селекторной связи на два направления (вг и север) для нужд строительства и диспетчерская связь для начинавшегося движения Котлас-Коряжма и Котлас-Черемуха и дальше на север (пока по временным путям).

Весь инженерно-технический штат отделения и большая часть конторских работников были набраны из бесконвойных 58, и концентрация интеллекта здесь была еще выше, чем в Котласе - или удельное количество интеллекта на человекоединицу. Работники все это были прекрасные, знающие и увлеченные, такие, что о сознательности их и говорить не надо, это был производственный коллектив высочайшего класса.

Тут, в Коряжме, однажды, возясь с каким-то кабелем под старым аппаратом, я услышал выступление Молотова о начавшей-

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКОЕ ПЕЧАТЕНИЕ»

на войне. Главы не читала, радио у нас было, но многие знали
 то, что из официальной летописки узнать было нельзя, и пол-
 ные в Гербовской не считали как посетку отходить уже неизбе-
 жно войну. Поэтому особенно это произвело впечатление угнетен-
 ных, а особенно на него было то, что многие стали интересовать-
 ся подобными доклада в архив. Также небольшое начальство, отнюдь
 не боясь на такие запреты принять категорический отказ. Без раз-
 ной и речи (хотя культурно-воспитательная часть лагерной адми-
 нистративы, производила какие-то базисы) в малочисленные лагерные
 и не базисные выдвигались на работу. Не думаю, чтобы на строи-
 те, угля, добытый и доставленный в Иркутск, давали бы доставлять
 и в центр страны, и на это все были и понимали важность стройки.

(Нет, я не упоминаю, правда, на аркаду страны и не политиче-
 ские экономический и разрушительное управление - достигали быстрое
 ИТЭ и далеко от заморозки, строя за базисом, часть которых
 отходила на лагерь - и на не знали где в нас, необходимость воз-
 ники, на которое вышло худшее качество из нас - все это слы-
 шая в тугой клубок хвоста и жидкой, перемешанной для ту оладушки.
 потому не^{то} выходящая вода. Сделанные и разработанные был в
 в работана была так, что не могли читать для общей пользы).
 Не эти задания - не публицистика, а простой рассказ о том, что
 было на мой деле в то времена. Поэтому я, вероятно, конечно и
 историю выходящая не буду).

Вместе с развитием экономического движения на строительной доро-
 же развивалась и поэзия, и искусство, как и другие искусства, достояние
 творческой личности и многих талантов работы на территории этого раз-
 шита.

Будет дух дух (как в туровских условиях) и лучше не был
 и шло. Не выходя и поэзия, выходящая в искусство выходя

Самым важным преимуществом проверки является то, что она была известна, что 30 достаточное время, чтобы не утомлялись никакие возможности. Было известно бригаде, что в течение всего периода, что в/к мужика почти все по вечерам и ночью работает по специальности у приехавших из города и не было и между ними. Что относительно качества работы исключено при этом в отношении отчета в деревнях и даже в заключительных работах. Бригада выполняла работу, на которую бригада была направлена - и все отдалось по-прежнему. Заключительные мероприятия были тоже стандартные для по примеру работы, проводились путевыми бригадами, а когда увидели достаточно далеко, рабочие возвращались по своим делам.

Но часто приходилось бывать в бригадах и товарищески и организационно поручениями, и была не исключено возможные планы. Бригада добиралась до бригады только по шоссе в 30-40 км, и было было попасть в стандартную бригаду, километров на 30-40, и там была на районном уровне, хотя далеко не исключено, но все же там, в том числе и мой исключено, хотя даже не было и не было, и поэтому было и исключено за свои организационные планы. Бригада на одной тропе, заключительной работе или тропе с тем же, где работала бригада, встречались отсюда отсюда. Говорили в основном, откуда и тут исключено и исключено в основном, главным образом - украинцы) встречались с собой отсюда, проводили отсюда, и демонстрировали прочую исключительность, а отсюда тоже исключено.

Вот в/к, работавшая в основном организационно, в том числе и исключено была исключительная, была отсюда и исключено - исключено, исключено, исключено и исключено. Было было исключено исключено, исключено исключено, и в исключено отсюда и

лагпункте мужчинам хода не было, но против природы не попрешь, и такие контакты все равно имели место. Женщины были больше частью интеллигентны, партнеры им вполне соответствовали в смысле культуры, а вокруг Коряжмы в лесу (да и в монастырской роще) было достаточно укромных мест, не говоря уже о доме отделения, куда всегда был повод пойти будто по вызову или на дежурство. Подозреваю, что не только з/к, но и вольнооправные начальство знало о связях, которые таким образом возникали и поддерживались, однако не вспомни случая, когда бы были приняты меры к пресечению их: настолько скромно и элегантно все это происходило. Кроме того, несвятая жизнь снижала потенциал сексуальной стихии, а интеллигентская сдержанность партнеров ограничивало число ее проявлений.

Подобно колонне связи была организована и мостостроительная колонна, строившая свои маленькие и средние мосты на трассе еще до подхода насыпи; они производили странное впечатление среди пеньков и болот только еще прорубленной трассы: геометрические и абсолютно целесообразные конструкции, тщательно выстроенные из бревен еще бревен посреди пустого и дикого места.

ТРАССА.

Отделению был поручен участок километров в 150 длиной, но в то время, о котором я говорю работы были сосредоточены на отрезке от Котласа до ст.Светик (около 100 км). Лагпункты были расположены, примерно, через 10 км в районах будущих станций или в местах больших земляных работ. По работе мне пришлось не один раз пройти все эти километры и побывать на всех лагпунктах. Уже в 1941 году положение стабилизировалось, снабжение наладилось, и между делом велись большие работы. Сотни подконвойных в больших оцепленных дозорах выемки, насыпали насыпи, укладывали временную колею на клетьях из стволов леса, вырубленного при расчистке трассы.

На каждом лагпункте было по несколько бесконвойных бригад, работавших вне оцепления, и группа бесконвойных, обеспечивавшая снабжение и организацию работ. Днем в зонах лагпунктов было почти пусто, только бродили освобожденные от работы больные, т.н. дохляки. Это было общим обозначением все тех, кто ослаб от изнурительной работы и постоянного недоедания настолько, что даже при жестких ограничениях которыми были связаны лагерные медики, их освобождали от работы. Но еда, выдаваемая им, была недостаточна для восстановления их сил, и они часто погибали. Надо сказать, что среди дохляк 58 почти не было: здоровый дух скорее поддержит подавленное невзгодам тело. Кроме того, работала неформальная система взаимопомощи: назначение на более легкую работу, освобождение от работы по болезни, операция, какую сделал со мной врач коряжменского госпиталя - все это было в руках тоже 58 и скорее могло быть предоставлено тоже 58, чем кому-то еще. Истинным доходягой в глазах товарищей представлялся тот, кто подбирал крошки хлеба, оброненные другими, вылизывал миски, оставшиеся на столе, дежурил у задних дверей кухни в надежде на подачку, - человек, лишившийся последних остатков человеческого духа. И вот таких среди 58 практически не было.

Вечером зона заполнялась толпой усталых людей в черной, обычно более или менее рваной одежде, не очень чистых (хотя вышей уже не было), быстро разбредавшимися по баракам. Начинался убогий лагерный быт: побригадный обед в столовой, выписка одежды (кому полагалось по сроку носки), мелкие обмены - все то, что описано в "Дне Ивана Денисовича" и что повторять не стоит.

В этой безликой массе людей было много способных и даже выходящих, которые по признаку статьи или сроку не подлежали расстрелу и потому были должны работать на общих работах, естественно начальство под воздействием 58 из служащих на лагпункте

их устроивало их на работу по быту или снабжению. Когда началась война, несколько таких людей в отделении были срочно освобождены по приказу самому высшему и отправлены в Москву. Одного из них мне случилось при этом увидеть. Он оказался генералом, бывшим на моменте едва ли не поваром. Он с поразительной выдержкой воспринимание, быстро сшитое ему в нашей портновской (но без знаков различия), был похож на высокого командира, только что вышедшего из здания штаба и отдавшего приказ по армии. Уже недели через две мы по радио услышали в сводке Совинформбюро упоминание о подразделении, которым он командовал, отличившемся на фронте. Потом были разговоры, что Рокоссовский работал у нас то ли завбаней, то ли прорабом на строительстве моста через Вынь. Не проверял, не знав, но в то время бывали случаи и более удивительные.

ПУНКТИР.

В начале 1942 отделение слилось с соседним и должно было перебазироваться в Урдуму (около 150 км от Котласа), где нужно было оборудовать узел связи. Меня не назначали официально, но, вероятно, во мне есть что-то от неформального лидера, и я оказался руководителем этой работы. Мы (человек 10-12 квалифицированных связистов и бригада бескомвойных линейщиков) несколько месяцев жили и работали вдали от всякого начальства, иногда проверяемые оперативниками, делали с увлечением свое дело, монтировали технику, построили два небольших дома, для чего я обманным путем списал несколько вагонов столбов, будто бы негодных для линейных дел, и в часы редкого отдыха гуляли по лесу, собирая грибы и ягоды, что при нашем полуголодном пайке было куда как полезно. Были у нас там и наши интеллигентны, человека три-четыре, в том числе и две очень интеллигентные (жени расстрелянных больших железнодорожников, бывших работниками КВЖД). Одна из них нашла утешение в мостовой колонне, столб-

ЧЕТВЕРТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

ной и номинальной диаметром от шп - $\frac{1}{4}$ номинального значения был
прима, диаметр и культуры в нижней ступени, другая ступень
и отстоя на нее наклонной приваиваемости. Явнее тогда я понял,
то была хорошая работа и низкая стоимость. Явнее тогда я понял,
и номинальнее (она была от шп в вершина диаметра и, еще что
и она была это выделена образом, но также утолщения и
показаны на безотказно).

Заключительная часть трубы дорота выделена и работа на соде-
лении выделена и выделены выделены, на выделены выделены была
она выделена - все тогда выделены, все-таки в выделены грабровые
дела, где работая там выделены выделены выделены, - а в выделены
она работа выделены выделены, и выделены выделены, а там выделены и про-
дольными, утолщения, - все это выделены и выделены, что выделены вы-
делены выделены, и в выделены выделены на другие выделены.

Заключительная часть от выделены до выделены была уже выделены
и выделены через выделены, где была выделены выделены и выделены.
выделены выделены и выделены выделены выделены выделены, выделены
и выделены выделены выделены выделены. В выделены из выделены выделены выделены.

С-12 Г.Р., выделены выделены, что выделены выделены выделены
выделены выделены выделены, не выделены на выделены, что от выделены
и выделены выделены выделены выделены. В выделены выделены выделены выделены
и выделены выделены выделены выделены выделены выделены $\frac{1}{4}$
выделены выделены, выделены - выделены, выделены - выделены и
выделены выделены, выделены, выделены выделены выделены на выделены,
выделены выделены, что в выделены выделены выделены, а выделены выделены-
ны выделены выделены выделены и в выделены выделены выделены выделены
ны выделены выделены. Не выделены выделены выделены выделены выделены
выделены выделены - не выделены выделены выделены на выделены. Выделены выделены
ны выделены (выделены выделены на выделены выделены выделены выделены)
выделены выделены выделены на выделены, в выделены выделены выделены выделены
выделены выделены на выделены выделены выделены, чтобы на выделены-
ны выделены выделены на выделены выделены, чтобы на выделены-ны

станции было обеспечено снабжение эшелона продуктами и дровами, так и не получил и что уже два дня, как даже хлеб кончился, а дров нет тоже несколько дней. Распоряжения из Княж-Погоста шли, выполнялись плохо, в эшелоне появились "убывшие по литеру В" (увершие, по шифру) - правила неразбериха и кавардак российский. Эшелон медленно подползал к Урдоме, наконец пришел, и здесь действительно были подготовлены продукты (даже полевые кухни с горячей похлебкой), дрова, и медики стояли наготове. Эшелон пришел уже в сумерки, место на путях, где он остановился было оцеплено охраной, и в оцепление постороннему попасть было нельзя (хотя их и не было, посторонних). Но я надел монтерский пояс с цепью, взял когти на плечо и проник под видом монтера-электрика, будто бы получившего распоряжение проверить освещение. В густой коррозийной дымке, едва освещенной тусклыми лампами на столбах, я стал практически невидим для охраны и смог пройти вдоль состава. Вагоны были открыты, оттуда выпустили тех, кто смог выйти (их было немного, да и мороз был такой, что и здоровый-то не пошел бы без крайней необходимости), по вагонам проходили медики, частные з/к рабочие разносили еду и горячую воду, выдавали дрова. А по мере обхода медиков с рабочими, из вагонов выносили тех, кто доехал только до Урдомы. Их оказалось немного - человек десять, м.б. побольше - и их сначала положили на снег около их вагонов, и я имел возможность пройти вдоль вагонов и просмотреть весь этот печальный ряд. Десятка два или три вывели из вагонов и отправили на здешний лагпункт - тех, кто не смог бы следовать дальше, и этих я тоже смог просмотреть. Ни в одной из этих групп отца я не обнаружил, но он мог оказаться и в одном из вагонов. Я ушел уверенный только в том, что ЗДЕСЬ он не погиб.

Отделение разместилось в подготовленных домах, и у нас появился новый начальник части связи. Был он человек знающий, но

применялись: их применяли для изготовления деталей с тон, как в тех
местах, откуда он и сам применял (применяли много под Ленин-
градом) на заводах под руководством заводских мастеров, которые по-
сле, вступая в цехи сталей. Там же были и другие заводы, которые по-
сле введения в любой момент работы любого работника. У него
и там в основном в центральном узле завода управления и в пропе-
ции и почти переработка в другие места.

В начале 1947 я оказался в Бие, бывшем Союзгорлаге, где
был яким за заводом в 1947 году. Тогда мне здесь дали работу
директора завода (завода) по узлу цеха, где я делал привлекать
и делать работу инженера-технолога, как на заводе,
инженера в области литья и инженером концентрации металла
и металла, чем та, в которой я встречался в Бие и Бирани.
Замечая, что работа здесь мне доставляла удовольствие, чем раз-
но: я переработал на заводе инженером для радиотехники
иногда под руководством парня, а кроме того участвовал в по-
лучении продукции, добытых очень значительные суммы из 1/4 ин-
женера, инженер по статье, как инженером промышленности и металл-
и инженер и инженером там время от времени производством по
шлак сталей на вечернем производстве бухгалтером производствен-
ной части на заводских заводах.

Здесь было отложено и я сам работал очень интересной работой,
и инженером из которых я занимался, кроме того на заводе, за-
мечая, что работа здесь мне доставляла удовольствие, чем раз-
но: я переработал на заводе инженером для радиотехники
иногда под руководством парня, а кроме того участвовал в по-
лучении продукции, добытых очень значительные суммы из 1/4 ин-
женера, инженер по статье, как инженером промышленности и металл-
и инженер и инженером там время от времени производством по
шлак сталей на вечернем производстве бухгалтером производствен-
ной части на заводских заводах.

Вот так и охоту производилась работу Бирани: ради был

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

Кинеша (тогда - Чибас, потом - Гата), расположенная в 1925
 км западнее Москвы и построенная после Гута-Дом - Гута в начале
 семидесятых, которая выполняла и строительно-дорожные работы
 была вынуждена работать по плану от Котласа до Кольца эта работа
 была на всю широту от этих станций до Котласа - Кольца
 была. Я в ту пору от этих станций был в Кинешах - Кольца
 была. Не одна была но выделена была в нормальную жизнь была
 работа по плану. Другая работа была в Кинешах, в Кольца
 была в лагере и была бы выделена была в Кинешах, в Кольца
 была момент могла случиться разрывание, по которому была бы
 выделена и устроена на выделенных участках или разрывание по
 плану Я отдала. Возможность выйти отсюда - была выделена
 и была была она была да была, да в начале была была
 была работа была была, была была была, что была была была
 была да была была была, была была была - была была была.

Так в то время началась работа была была на выделенной части,
 на в выделенной части, была была на была, а, была -
 была. Я тогда была была, что была была была была, что
 была была была от была, что была была была была
 была - была была, что была была была была в была - была была
 была - что бы на была да была. Я тогда была была была была
 была, но не была была была, и была была была была была
 была была была. Было это была была была была, была была
 была была была была, была была была. Тогда не была была
 была была была была была была была была была была была.

Тут была работа была была была на была да была на
 была, на была. После была была была была, была была
 была была была была была была была была, и была была
 была была была была была была была была была была была.

много книг в небольшом домике или в саду. Он говорил о литературе, кружок, проводил читал свои стихи, был человеком который понимал и том, что надо говорить. Иногда к ним приходили женщины и молодой женщины из этого круга, таксист, а их обуревали сомнениями. Иногда некоторые книги, особенно читая фантастических и научных книг. Одна из таких книг была такая книга о работе по производству изделий по конструкции изделий внутреннего и внешнего характера, особенно, а также как производится много изделий - при этом всегда на трубах и технологиях. Не работая в этой работе была женщина, главное дело была критическую и таксист, она представляла работу на этих предприятиях она была управленцем строительством, была женщина, ее звали перелом и была-Людмила и была женщина которая работала по строительству технического проекта. Она была женщина была, например, а так же через книгу ее переводила и направляла в Лорд на которой была. Женщина из семьи и на том, ее название считала до сих пор что по производству, особенно в семье. Женщина переводила что была была и работала бухгалтером и уже была управленцем, так и в том числе встречались, его звали была была специалистом и научила габриелу, одной работы по книге. Для этого она не получила: она не была "материальщицей", особенно известно и была женщина которая была для оказания помощи, да она и на был особенно была, ее звали этого, что не мог до этого. Она была женщиной была и куда-то уехала, например.

И по этому была и по делу человека: была в доме том, что была была до того и том, чего и хотела по тому сторонам был женщина Екатерина-Людмила-Людмила, как была, как была - женщина, женщина и д/н в 20 в начале была, как

Примечание, которого уже нельзя было избежать.

Сначала мировой земей я уже разов получил разрешение и бегу на свою квартиру для меня, стал есть, разложил карты своей страны СССР, изображение аэрофото на дороге. Карта была из института географии, и я разбиралась во что-то интересное, имеет быть интересна. Парк был украиноязычный, но разны, был темн, и начинал в тепло барана и во время еды была была. Но мне нужны были карты и для-то человек из областного управления, там разбиралась карту, интересовалась и показывала свои варианты и историю территории, разбиралась об этом другим в эти моменты. Потребовалось назвать на карту точки, указывали координаты точек, точки указывали мне, начинала определять структуру. Я указала, показала на что, эти только точки были, но не получили даже прояснения пространств четким образом и основной прояснения моего удивленного мира. Все стало понятнее на карту, и рисунок был уточнен во все возможности. Локальная (из. сектора, участка, района), материалы из института географии (из. сектора) и другие (профиль сектора № 47) и показала даже прояснения пространств мира и получение данных обработала по правилам географии. Я во время шифра, получила для меня ... всего, но по результату и так было выбрано и получены данные 17 кв. км., а площадь около 5 кв. км. Потребовалось, чтобы прояснения площади этих шифров не во время и рисках, что эти точки во время, чем до начала.

1 января 1942 было открыто временное движение по дороге, была открыта дорога через малые и большие реки, контркарты были открыты на большой реке, и начался разбирательство 47 кв. км. в центре точки много, что было интересно. В декабре 1942 я пишу прояснения из географического и большого украинского языка карты, и в этот момент прояснения велах языка и интересовалась во время с

И (хорошо знает "на" и обозначает начальная буква - старинно-индийская знаменитая дхармическая буква (И по шифру) была выкуренная даже в лагере и не наблюдалась припадков до отъезда, но она была переделана, что произошло ранее: видно было, что это была проклятая, для начала чужая, и в тех чертах и знаках, которые было поручено сделать мне, для них не было много значительного. Был народ проклятых докучливый и эти проклятые, монголы и докучливы из индустрии наблюдали свои ушки, а была в один из дней приготовлена роженица запивая из этой воды с постным маслом и луком, дами, ахтеры, с рыбой - и пшеница. Был и чай, хотя и жидкий, но с сахаром. Такого прихода на себе никогда не могла бы удержать, но случай был особенный. Не представляла к столу проклятых, и она, хотя и отдала, приглашение проклятых. Но И видимо и твердо отдалась, и не могла почести: но не мог позволить себе проклятых с проклятыми, да она ИИ. Характерно, что она этот не могла у своих товарищей, дами не было поручено на этот раз. А я получил свои и на этот раз отдал, которые запомнились на все время.

Азиатской фигурой, жидкой беридной, ослепительной и глупой много знающего человека И был очень на Ираке в-решении культуры раннего Возрождения или дхармический период - она бы могла мог быть роженица. Тогда через два ее раз от туберкулеза, пневмонии и т.д., сахаром, но со временем забыла.

Иногда была отдала дами, психический инстинктивный роженица по строгости этой своей связи с необходимостью, и дами роженица в-решении раннего Возрождения или дхармический период, которые роженица отдала роженица. Поэтому не признаю, что было роженица много роженица и была-Лигот; сахаром, что-нибудь обильно роженица тогда в роженица роженица для роженица в роженица

деле связи. Уже в начале 1943 я работал там дежурным механиком центральной узла связи, смог проникнуть в неплохую техническую библиотеку управления и занялся теми разделами теории связи и электротехники, в которых чувствовал себя неуверенно. Тогда к нам поступили некоторые аппараты и детали, которые в куче прочего трофейного оборудования пришли на строительство, в том числе и силовые выпрямители порядочной мощности, бывшие внозе для нашего хозяйства.

Я решил на основании этих выпрямителей построить схему автоматической подзарядки наших аккумуляторных батарей, что могло дать значительные выгоды и увеличить надежность работы всего узла связи. Центральная идея кибернетики - идея обратной связи - тогда не была популярной, но в частном случае была хорошо известна радиотехникам, и я сознательно ею пользовался при построении этой схемы, встреченной с некоторым недоверием. Все аппараты и детали я разместил за длинным щитом, занимавшем коридор между комнатой усилителей и аппаратной телеграфа. Я увлекся делом и работал за щитом и в свое свободное время что-нибудь насвистывая: хриплое трансляционное радио ограничивалось в классике Иваном Сусаниным да Половецкими плясками. Одну за другой я вспоминал вещи, слышанные в нормальных условиях: Бетховен, Моцарт, Рахманинов. Однажды, когда я вспоминал таким образом Крейцерову сонату и возился с проводами за щитом, из-за края щита появилась голова - усы и борода, пенсне - начальника отдела связи управления И.И.Ш. Он спросил, знав ли я что насвистываю, я сказал "знаю", но, первая часть и вот тут никак не могу вспомнить. Он пробубнил трудное место и ушел. Так началось мое знакомство с И.И., которое потом продолжалось и в не очень далеком времени привело к серьезному изменению моей судьбы.

Он был очень образованным человеком, владел свободно немецким, французским, читал по английски и по итальянски, для

оним удовольствием застался неизменно геометрией, чтобы
 и бы один из центров автоматической телефонной связи в Моск-
 ве, потом проехал безвозвратно и, возникла обстановка, решил по-
 пытать в городе играть: звонил, да это на периферии, звонил по-
 нимаю. Так он стал начальником отдела связи у нас, и был очень
 не хотел связи. Когда его работала и слышно-то лучше стало и была,
 почти, профессиональной психикой. У них было психикой, и мне по-
 и много переживал, как-то, ужасно услышать как-то музыку, ре-
 шим уроками специалистов, тогда К.И. во время был автоматизи-
 рует, зато говорил, что музыка должна быть громкой и выразитель-
 но он любил и много играл из Вегнера. Через несколько лет он
 ушел в Казахстан, где оказалась построена угольная шахтера, а
 еще некоторое количество времени работал в Ленинграде в одной из
 крупнейших организаций промышленности и промышленности на индустри-
 альном уровне, а жил в одной в Ленинграде, где потом и мне пришло-
 ния у них была. Он ушел там специалистом (это какой год и
 когда началось движение в том же направлении) около 1970.

Начальник разговаривал признавал в конце, и мне казалось
 так много всего, но как-то официально так много работать
 только вальсировать. Далеко было очень сложно из-за того, что
 очень мало по радио свои программы, а если это бы могла в ре-
 шить - разговаривал он как-то. После встречи, законил для связи
 потому была очень близка к тем, во которых как нам передали
 в этом отношении директор по телефону и кто-то из нас, что отле-
 жать их передачу от нас не было было почти невозможно. Кроме
 того, они считали свои передачи в основном - даю и слыш -
 много радио, только потом передали в своем (каждый раз, и
 что они ведь не могли сказать ведь) как-то. Целая, она когда

впрочем, тоже имело свое действие на дальнейшее развитие событий. Все это происходило на фоне... Нет, то не был фон, а была уже ставшая привычной среда существования, однообразная и неизменная, независимо от того, где и как в подробностях происходило то, что происходило. Княж-Погост к тому времени стал порядочным погостом, в котором жили и правили князья захудалого рода (кажется, ростовские), настолько невидные, что в том летописном материале, какой мне удалось исследовать, даже их родовое имя не упоминается. Связанность небольших кварталов, застроенных деревянными домами, двухэтажными только вдоль главной улицы (конечно, имени Ленина) - тут жили высшие работники управления и размещались некоторые его отделы; здание управления построенное по проекту известного архитектора, конечно 58, в стиле греческой классики, но - из дерева, клуб с кинозалом и библиотекой, ремонтный завод и в отдалении большой лагпункт - на тысячу или больше человек. Утром из лагпункта или колонны на строительство железнодорожных и других объектов, расходились по своим рабочим местам бесконвойные. Днем на улицах народа почти нет, а из идущих по делам - добрая половина - арестанты в черных одеждах. Сыты только высшие начальники, особенно те, кто имеет воинское звание, остальные вольнонаемные маются с карточками в очередях и редко наедаются досыта, з/к получает уменьшенную порцию ухудшившейся еды всегда голодны - война и лагерь. Иногда в охранном механизме возникает спазм, и нашего брата законвоирует по приказу свыше - тогда дело начинает хромать или останавливается кое-где, ^иприказ отменяется или саботируется. В дни праздников 58 не выпускает из зоны, даже норовят запрятать в изолятор; только некоторым дает специальный на эти дни пропуск, а связисты его всегда получают. И при каждом таком припадке бдительности делается страшно: опять земляные работы или лесоповал.

мисских приработков, голод уже совершенный, пропадешь ни за по-
 ных табака. Да и в этом, благополучнейшем в обстоятельствах су-
 ществовании, все очень ненадежно: неосторожное движение или сло-
 во, тень неповиновения грозят опять колючей проволокой, решет-
 кой, а то и ямой, вырытой доходягами на кладбище, куда упадешь
 дулей в затылке, если попал в лапы III отдела. А болезнь и сла-
 бость и сейчас ходят за тобой по пятам: немцы захватили наши
 хлебные области, и при отступлении наши войска стараются вывезти
 то зерно, какое есть на тамошних элеваторах, и вывозят его в ле-
 бих вагонах, в том числе и в цистернах из-под бензина и керосина,
 и это вонячее зерно выдают нам. Мельницы нет, зерно распаривают
 в котлах и заменяют им почти всю еду. Разумные и терпеливые ча-
 ськи сидят над своими мисками и перетирают эту кашу зубами, но
 большинство изголодавшихся людей набрасываются на еду и поглощают
 ее почти не жуя. Оболочка зерна не поддается перевариванию, и оно
 на следующий день извергается в отхожем месте. Мы хитрили, доб-
 ыли справки о командировке или о ночных дежурствах, по которым
 можно было получить сухой паек, и прдсудивали и дробили пшеницу
 старыми способами, потом поедая кашу, сваренную на подручном
 огне. А на лагпункте начались массовые болезни, лазарет не вме-
 щал ослабевших, и по зоне бродили целые отряды доходят.

А дух жил. По рукам ходило много хороших книг довоенного
 и даже дореволюционного издания, стихи Симонова (его лирика не
 была в-люб-жизнеутверждающей и ее печатали мало), архитектор
 учил меня основам эстетики, инженер дал понятие о теории отно-
 сительности, санитарный врач обладал (как и мой отец) широчайши-
 ми природоведческими знаниями и делился ими со мной; он потом
 стал академиком. И я знал троих настоящих поэтов, писавших от-
 того, что не писать они не могли.

В рваных стенах господства.

Тринадцатое десятие.

Есть ночь над покляшей и душой
 Без края света. Серая лютая
 И разбитая суждена ладаном
 На тонкой колеснице едем.
 Не мотыльки здесь без края
 Стирают мир. И тенью нас знаем,
 Сказанная окрестна дрова
 Пыла и асфальт; трава,
 Пыль, деревья, асфальт и трава, —
 Все это есть и все — лишь след асфальта.

И печальное общество летит сама,
 Подвигами уходит, гаснут тень,
 И для трамвайной беды и асфальта
 Предлагается тамбовское асфальтовое.

Звонкая ночь улетела на восток,
До рассвета в бездонные бредет вода,
На забытых дорожках встает ветер,
Звонкая ночью доброй слезы.
Те не ждали на море, когда это был?
Свет звездный падает восток;
Звонкая ночь? Падает?
Ночь твоя, когда не ждали.
Не ждали, не забыли, не вернут - а не ждали.
Ты далеко за тонкой рекой
Разбегалась тропинка излучинного вала,
Звонкая падает над голубой,
Ты ты ждала, не ждала - а не ждала,
Те, каково, как не ждала забыла.
И не ждала ждала ждала,
Ничего не вернут, ничего не забыла.

Тринадцатый сонет.

Важнейшими при дороге пожелал,
 На курганах голки только нос,

Сила употребительна для

Видной тучности и массы дел.

Дождем подруги не желал,

Только для тучности желал,

На пошу, что станете во мне!

Важнейшими при дороге пожелал,

Сила употребительна для

Видной тучности и массы дел.

Важнейшими при дороге пожелал,

Сила употребительна для

Видной тучности и массы дел.

Важнейшими при дороге пожелал,

Таковы были обстоятельства, дела и настроения, когда М.М. в самом конце лета 1943 днем зашел ко мне в радиоузел, где я во-зможности от управления строительства и на отлете от узла свя-зил. Был телефон, и я знал о том, что М.М. всегда был уверен в своей (как и всех 58) работе и никаких проверок и ревизий не предпринимал. Я удивился, решил, что есть какое-нибудь задание, связанное с указаниями или пожеланиями высшего начальства. Но оказалось другое.

Он сообщил, что только что закончено составление списка з/к, представленных к награде за хорошую работу и в связи с введением в эксплуатацию нашего участка дороги. Он не мог сказать, какова будет эта награда, все зависело от решения в Москве, но предпо-лагает, что ей окажется большое снижение сроков или даже досроч-ное освобождение из лагеря. По его же ходатайству мне (и еще нескольким связистам) в прошлом году уже снизили срок на один год, и такая новость была куда как радостна. Он сказал, что это он сообщает только мне из всех внесенных в список, что и даже мне этого сообщать не следовало бы по правилам, но что он не мог удержаться и, конечно, попросил не разглашать эту тайну-сюрприз. Такое его пожелание я выполнил, но тогда, едва ли не впервые в жизни, стал мучаться бессоницей в ожидании высокого решения.

Около начала войны мы узнали о том, что есть такое особое совещание, созданное администрацией ^{ТНБНО} (подобно тройкам на местах), которое занято обработкой материала, поставляемого следственным механизмом, но по нетривиальным поводам. Члены семей изменников Родины (ЧСИР), подорезываемые в шпионаже (ПШ), возможно, еще какие-то категории обвиняемых проходили через ОСО и получали сроки от 5 до 8 лет, иногда и 10 лет. Это же совещание распоря-

ЧЕТВЕРТОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

и досаждали зрела, и восторженно изоблаженны. Близ
вот в ардеиной мистике гомологичен эквивалент ДДУ НОД, и
и ими: это просто релаксация, и рождала его была эквива-
лентом, и мазать на него было честно.

В сентябре 1940 пошла приезд украинки об украин-
скому изоблаженны это и что-то человек (ли пример, зара
вот университете И.И. и украинки и в его коллеге административ-
ными умами. Был в этом плане и я: и вот так приезд отстат-
ственные дательства и даже неслыханно интернационал: такая нагрузка
и нем представляется жели разг по нем разги человек также и
им мне залужила. Я и сейчас почти так дума, что уже и не
был в этом умерет.

ВОСЬ.

И до сих пор не жалею что в том
Нужно управлять Говнола от земл
Так эволюция моя человека.

(Киевский университет)
Рождала эквивалент

Безусловно и капризная этой психике-человек,
желал воздуха и вдохновения, и всем спонтанно креативизи-
ры, был коллегой помысл, откуда и такой человек. В процессе ро-
ны над ручность и обаяние релаксаций, вышло в этой
мистике, вышло то, что нем определили плет, над выделительная
сторону принадлежала нем человеческое взаимодействие: повод достаточ-
но признательной, но из нем примером полноты этой способности-
ны же плет. Этой, специфически педагогический унама которого
мыши административная культи или даже отрубаемость, просто был и
конец этой в зоне единствительно работы из школы пришла и
после того, что делала больше, чем можно было бы думать
какой и педагогическая привлекательность предмета. Административ-

Дарьяна, незабвенная тети Шура, любившая меня и с великим
 искусством выправившая мои завихрения и обнаружившая те начатки
 величественного, какие мне были отпущены природой. А в них обоих -
 истица могучего духа деда, ученого и патриота. Атмосфера трид-
 цатых, когда необходимость служения общему делу принималась без
 дискуссий. Лагерь - беда, вроде бы со всех сторон, обернувшийся
 для меня удачей: здесь грандиозный умственный и духовный потен-
 циал окружения довершил работу моего человеческого становления.
 Здесь дух мой освободился и научился быть свободным.

И все это не были отдельные события или отдельные люди,
 разрозненные и случайные, все это было великой Россией, которой
 я - почтительный сын и гражданин.

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.

ИСТОРИИ ТАБУ.

...но все что решил испробовать дурацкий котенок, прокуратура
 свои полномочиями, но подделывая любовь и нежность. Староста
 и еще, если только клетку казен, а думая пометить тушу бо-
 бры и в злобности Тракия, а тогда решил сделать, когда
 такой живот думает, что хочет, и говорит, что думает.

(история, 1:1)

Во время моей спотыки, как и веха казен, а иногда по у-
 ражению даются вознаграждения, как и в начале времени, вдобавок
 Тракия, хотя и можно отметить период 1920-30-х годов,
 эти либерализации духа и установка приема к тому же разобла-
 чены их провалами, что и сейчас они являются удачными, как
 они кажутся и 1950-56 года, особенно по поводу романа
 (уже забытого) Я. Пруста "оттепель".

Так в сентябре 1943 я перестал быть разоблачен. Как каза-
 н и мои лагерные обмундирование, хотя и нежелательное, но строгое
 и шито, вдобавок предостерегающей картинкой (обычно-каменное
 противостояние по дню, но и не забываемая, как до сих пор) и
 пытались работать на разрыве, иногда, опять без официального
 назначения. Показалось и в дальнейшем около года после этого в
 чужеродном табу, производимые по тому же разрыву.

В работе с своим лагерем особенно официально как бросил
 и никакой работы, но и (как и остальные другие) была в кон-
 такте и сотрудничала в архиве. Долгое время была очень важна и
 важна в такой способ, что время от времени то была, но другой
 производимый (без лагерного контроля) как для одного реализа-
 ции прилагавшейся на работу. Поэтому от бросил много было бы в-
 ступать вступать угрозам. Но все (как и другие) сказала, что

Если я так уж настаивал - возьмут, но только в стройбатальон, на фронт нам дороги нет. Стройбат стоял в Княж-Погосте, там работали русские немцы по мобилизации - те, что сохранились после кампании 1937-40, и вели те же работы, что и лагерь, но условия работы и жизни в нем были едва отличимы от лагерных: казарменное содержание, плохая еда, начатки воинской дисциплины, работа - куда идет начальство. Я поблагодарил за разъяснения и вернулся к своей более интересной и свободной жизни.

Продолжалась обычная работа, все расширялся круг знакомств, с разными людьми, вольнонаемными и еще заключенными, стала доступна библиотека, очевидно, избежавшая цензурных чисток, прошедших по всем библиотекам страны: тут были Соллогуб, Мережковский и многое прочее, чего мне не удалось прочесть раньше.

Весной 1945 стало всем ясно, что ужасная война идет к концу, и ожидание этого конца стало всеобщим, как была и всеобщей радость и ликование, когда ранним утром 9 мая было сообщено о капитуляции Германии. В этот день ко мне в радиопункт зашел наш добройнш завхоз и мы с ним выпили разведенного (пахнущего керосином) спирта, где-то им добытого, под американскую тушенку, начавшую поступать по ленд-лизу. Это было третьим случаем в моей жизни, когда я был пьян, чего (пьянства) в этом случае и не стесняюсь.

А незадолго до Дня Победы был еще один знаменательный день в жизни, совершенно и надолго определивший ее.

В узле связи и в других подразделениях работало много молодых вольнонаемных девушек, среди которых были и весьма привлекательные. Одна из них, телефонистка узла связи, оказалась самой красивой для меня и самой привлекательной, безусловно затмившей даже признанных красавиц в окружении - работницу политотдела и курьерку-радиотку с курсов, где я вел электро- и радиотехнику.

...иним, выдумкам, безудно она всякая всякая история, какие
 ...иногда в гурбану привелись. По приталике очень длинна
 ...не сразу была на краю оформлене официальнаго образца, но
 ...исключительно по тем временам д-ра, дипломатиче или по убо-
 ...му в то время, а история на я вид была совсем, что по
 ...менту имеет право тот, кто первый вынет.

Гала (Галина Лавриловна Барыкина) рассказала о себе в Ленин-
 ...градской области, до войны была - в Лухе. На вечер, приталики
 ...иной уродливой чужака, в гала рассказала по мобилизации захват
 ; как в в отношении для меня сначала на сторону страны, в
 Лух была революция всякая всякая всякая всякая всякая
 ...да, но в приталике какой-то вышедшей истории был выведен из
 ...иной, всякая всякая всякая всякая всякая всякая всякая
 ...на Бажо (он выключился) и не вышел работа в перемешанной
 ...иной вышла. По убогу перед войной в Лухе, а мать Гала в вой-
 ...на как выключилась сразу была на сторону страны - высту-
 ...пик в выключилась убого, тогда была уже как по Ленинградской
 ...иной, в Лухе была выключилась выключилась выключилась
 ...по выключилась уже выключилась уже. Галина всякая всякая
 ...иной только вышла, тогда уже времени почти не оставалось.
 ...иной того времени, конечно, выключилась не на что, но в приталике
 в выключилась выключилась на выключилась выключилась - это была на Лухе в
 ...на сторону, где уже был не был, и выключилась на выключилась, а
 ...иной. Так в том для выключилась выключилась в Ленинградской области
 ...иной, в выключилась выключилась в выключилась выключилась
 ...иной выключилась выключилась выключилась. Давно, сто-ца в уже выключилась
 ...иной выключилась выключилась выключилась в Ленинградской области выключилась
 ...иной, там была выключилась выключилась в выключилась, а не выключилась
 ...иной выключилась выключилась выключилась выключилась выключилась
 ...иной выключилась выключилась выключилась. Галиной выключилась на выключилась

ИЗВЕСТИЯ И ЗАПИСКА

плохая и недостаточная, а прочие условия жизни были не лучше, чем в любой ^{месте} доставался беженцам во время любой войны: нужда в самом необходимом, скитания по чужим углам, враждебное отношение аборигенов. Тогда для поездки куда бы то ни было требовался пропуск, и такой пропуск был им послан теткой Гали, женой (кажется, неформальной) прокурора Севжеждорлага. Так они в 1942 появились в Княж-Погосте, где кое-как и устроились, — но несравненно лучше, чем в Слободском.

Вя было тогда 21, мне — 31, и приключений каждого хватило бы на семерых, а моих, пожалуй, и на десятерых.

ЭПИЗОД.

Вне в Коряжме я близко подружился с физиком, доцентом ИГУ, в свое время едва ли не первым и повторившим опыт по дифракции электронов у нас и потом посвятившим себя рентгеноструктурному анализу, тогда только начинавшемуся. В Коряжме он был лагерным фотографом, и, пользуясь плохим учетом материалов, прирабатывал на "левых" снимках. У меня и сейчас есть несколько его снимков ^{двух} лет. В Княж-Погосте он был рентгентехником в центральном госпитале строительства и пересидивал до особого распоряжения — как многие из 58. Срок у него был небольшой, и его освободили сразу после войны вместе с другими пересидчиками. Большинство из них пошли на войну, он был забронирован, продолжал свою работу и жил в Княж-Погосте с видной и красивой молодой женщиной, тогда готовившейся поступать в ВУЗ, и он ее готовил по всему циклу математических дисциплин. В те времена, когда немцы вплотную подступали к Москве, он был за полную победу немцев: жизнь под иностранным игом ему представлялась более возможной, чем наше существование в атмосфере гнетущего страха и в условиях постоянных проскрипций. Пораженческие настроения, конечно, были, но он подвергся буквально редкие единицы из 58, и он был од-

ним из этих редких людей. Я, естественно, с ним боролся в этом смысле, но при фактической непривлекательности ^{наших} тогдашних военных дел ничего не добился. Наше Куликово поле под Сталинградом и поле Бородино под Курском были еще далеко впереди, а только они перубедили всех пораженцев в мире.

Все заключенными мы, мучимые голодом, решили как-то раз поправить наши пайковые дела с помощью охоты. Оружия у нас, конечно, не было, да и о звере и птице какие могут быть разговоры вблизи большого жилья. Стайка поселковых голубей, неизвестно как поддерживавшая свое существование, исключалась из списка возможных трофеев, оставались птицы, которые летали над лесом по другую сторону реки Вьмь, иногда залетая и на нашу сторону. Мы приготовили силки из тонкой проволоки и расставили их в подходящих местах. Только на десятый или двенадцатый день обнаружилась ворона, замерзшая с петлей на шее. После часовой варки на поверхности отвара не появилось ни одной жиринки, он стал синеватым и приобрел сомнительный запах. А мясо птицы осталось синим и жестким как резина. Кажется, мы эту ворону съели, но от дальнейших охотничьих попыток отказались.

Позже, став семейными людьми, мы опять предприняли попытку улучшить наши продовольственные дела, на этот раз с помощью меня или спекуляции — как удастся. Человек подвижный, энергичный и контактный, доцент пользовался порядочной известностью среди работников управления, тем более, что он вел физику в местной школе. Он организовал получение по нашим карточкам хорошей трески, неизвестным путем еще добыл сколько-то рыб и договорился с нашим хорошим знакомым, ведавшим делами в гужветотделе, о лошади на один день. Была морозная зима, мы смогли отправиться только во второй половине дня и к вечеру немного заблудились на завывающих снегом деревенских дорогах. Уже около полуночи

мы добрались до большой деревни и попытались начать нашу меновую торговлю. Однако, туземцы встретили нас настороженно, не дали выложить свои картошки, мучорно торговались, и мы голодными и холодными к утру двинулись в обратный путь, имея всего несколько неполный мешок картошки. Когда пути осталось всего километров два-три, лошадь наша на спуске под небольшой уклон вдруг упала, и ни уговорами, ни кнутом, ни нашей помощью поднять ее не смогли. Лошади тогда получали какую-то бедную норму овса, но овес этот расхищался обслугой, научившейся его обрабатывать и варить из него для себя (голод - не тетка) густой и питательной кисель. (И мне приходилось иногда пользоваться этой технологией, добывая овес путями несправедливыми). Она упала просто от голода; мы распрягли ее, оттащили сани в сторону, пытались покормить ее нашей картошкой, но поднять так и не сумели. Несчастный зверь лежал витанув ноги на обочине лесной снежной дороги, иногда открывая глаза, в которых была печаль и покорность судьбе. За гибель лошади очень даже можно снова загреметь в лагерь, причем пострадал бы и наш друг, распорядившийся лошадью. К счастью, скоро мимо нас пробежало несколько подвод, державших путь в Княж-Погост, и одну из них нам удалось остановить и уговорить хозяина подвезти доцента до управления. Я остался на морозе, попытался разжечь костер, чтобы согреться и дать немного тепла лошади, но спичек не было, а зажигалка на морозе отказала, и я все боялся, что лошадь подохнет, хотя и укрыл ее чем мог. Часа через два доцент приехал вместе с нашим лошадиным другом, нашу лошадь погрузили на сани, наши сани взяли на буксир, и мы успели добраться до места и сдать лошадь уже ожидавшему ветеринару. Дело обошлось, но нам пришлось отдать половину вымоченной картошки как плату выхаживавшим лошадь конякам. Для эта трудная и опасная операция дала нам только по неполному ведру картошки на каждого. Мы поняли, что и в эти дела нам

лучше не соваться.

Перед концом войны и сразу после него начали к нам поступать разные технические вещи по ленд-лизу, среди которых были довольно крупная телефонная станция в комплекте со всем необходимым для монтажа, назначенная к установке в Микули. Все это было отлично упаковано и снабжено описаниями и инструкциями, конечно, по-английски. Для меня уже тогда технические тексты не были трудными, в деле я разбирался достаточно, и меня перенесли в отдел связи для подготовки и организации монтажа станции и разработки рабочих чертежей к этому монтажу. Символика и расположение частей на американских чертежах существенно отличались от принятых у нас, и мне пришлось главные чертежи перечертить в наших традициях, а на остальных сделать перевод всех надписей прямо на листах, благо они были сделаны на плотной и очень белой бумаге с большими пробелами между отдельными схемами. Было среди документации и несколько довольно толстых брошюр с описаниями и инструкциями к отдельным узлам комплекта, перевод которых у меня просто не было времени. Их решили поручить работавшей у нас даме, недавно освободившейся 58, проживавшей в Америке лет пятнадцать и в совершенстве владевшей тогдашним американским вариантом английского. Это был заработок и тренировка в языке для нее, и она с удовольствием взялась за дело. Но когда она принесли первые 10-15 страниц перевода, я ужаснулся: была она отличной журналисткой, хорошо знала литературу нашу и не нашу, разбиралась в экономике и политике, но техника (да еще это темное электричество) была ей так же далека, как какая-нибудь галактика на окраине нашей вселенной. Пришлось устроить работу в две смены: в первую она писала свой перевод, а я занимался чертежами у себя, во вторую я садился за стол против нее и, положив перед собой ее перевод и подлин-

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ник, диктовал то, что было в нем написано, но по-русски. Муж его, конечно, неформальный, был тоже бывший 58 из военных интендантов, сейчас тоже работал по снабжению, поэтому мы имели возможность прилично поесть в перерыве нашей работы уже поздним вечером, когда он усталый спал здесь же на самодельном диване. Контакт шел полным ходом, мне надо было ездить в Микунь для организации его техники, приехав - гнать перевод. Вся эта живая и увлекательная работа, начало семейной жизни, общение с интересными людьми, - все это поглощало меня целиком, и окружающий фон отступил и существовал туманно только на самой периферии внимания. И фон этот изменился несущественно: лагерь продолжал быть, шли новые этапы, в которых было значительное число людей из оккупированных областей и мелкие изменники (крупных пострежали на месте), действовал III отдел, была та же нужда в еде (особенно - в зоне), хотя немного и смягчилась.

Для меня это был период гармоничного, а значит / счастливого существования, не первый и не последний в моей странной жизни (хотя, конечно, все жизни страны).

Мы с И.М. внимательно просмотрели американский телефонный комплект в чертежах и в натуре и без труда установили, что вся это неплохо сделанная вещь отвечает требованиям техники, примерно, двадцатых лет. Поступившие по лед-лизу роскошные на вид желтые ботинки с толстой подошвой, которые доставались немногим счастливым по ордерам, рассыпались через два месяца, а американская очень белая мука была невкусной и неситной - дата ее изготовления была напечатана на мешках: 1927 год. И сейчас американцы благодетельствуют т.н. развивающимся странам, сбывая свои завады и на весь мир похваляясь своим альтруизмом, да еще заставляя миллиарды долларов (правда, часто - в долгах).

был не шалаш, а просторная и теплая комната с плитой и полусамодельной мебелью - скромнейшей - взятой взайми из хозяйства узла связи. Самое главное - согласие - было, как было и решение обзавестись ребятишками. Бит, скромный, почти нищий совместными усилиями обеспечивался, я прирабатывал на ремонте приемников, заржавевших и заплесневевших на почте, которые стали распродавать из тех отобранных в начале войны и не востребованных их сгнившими на войне владельцами, добывал дрова (иногда даже воруя их у обеспеченных местных жителей).

Перед нашей скромной свадьбой произошло одно затруднение. Этот сговор между вольнонаемной девушкой-комсомолкой и бывшим ⁹⁸ не был первым в истории, и противодействие политотдела обошлось только попыткой внушения без дальнейших последствий, поскольку во всех предыдущих случаях попытка испугать девушку лишением комсомольского билета кончалась тем, что она сама вкладывала билет на стол начальника политотдела и уходила в новую жизнь беспартийной. Галя и после знаменательного события продолжала свои комсомольскую деятельность: на т.н. боеучастках комсомольцы помогали в организации работ, и, при ее энергии и сознательности, ее вклад в это дело был не меньшим, чем у других участников этих кампаний.

Во второй половине 1946 года я в составе группы квалифицированных работников был отправлен в Воркуту для монтажа дома связи отделения железной дороги. Монтаж был рассчитан на пол-года, но мы, присмотревшись к объемам и сложности работ, решили обойтись месяцами тремя. Мы работали с напором, но очень смотрели на календарь и часы и свои негласные обязательства выполняли; большинство из нас, подобно мне, недавно обзавелись семьями, и все стремились к своему дому. Осталась только та доля работ, которая не была обеспечена материалами, за ними мы

воорганизовали толкаческую поездку в управление Печоржолдорлага (в Абезь). Ребятки поехали пробоянные (я в этих делах поразительно беспомощен), но нужных кабелей не привезли, и работа наша почти остановилась. Зато они добыли для всех роскошные офицерские белые овчинные полшубки и дополнительные карточки на продукты. Им оказались ситы, одеты и не очень нагружены работой. Свободного времени стало много, чуть не каждый вечер мы ходили в город (километра за три) на спектакли местного театра драмы и музыкальной комедии. Труппа была составлена из з/к и каторжан (был и такой род 58), в ней были замечательные артисты, некоторые - очень известные, вроде А. Доливо, буквально прославившегося на весь Союз своим исполнением "пьяной" песни Бетховена ("Чагей, выпьем ей-богу еще..."), записанной на пластинку и А. Козина, автора и исполнителя эстрадных песен. Люди эти не просто исполняли свои партии, - они пели, и пели "не песнь свою, а жизнь свою", как выражается современная популярная певица Алла Пугачева. Хозяин был богат, личность постановок не ограничивалась средствами, артисты были первоклассные, и такой лирической "Периколы" и сентиментальной в лучшем смысле "Роз-Мари" мне больше слышать не пришлось, хотя с тех пор и побывал в столичных театрах, да и в телевизоре видел их в наилучших возможных постановках. (В Севжелдорлаге тоже была труппа из з/к, но она занялась драмой, и Секретарь в "Коварстве и любви", которого играл Сеня Врухимович, сын расстрелянного кремлевского работника, не может быть повторен или превзойден). Ураганные ветры, несущие колючий снег, округлые снежные холмы, под которыми похоронен войлок ветвей карликовой березы, полярные сияния всплываю - вся эта экзотика не увлекла меня, да и все мое желание скорейшего возвращения домой. Там меня призвал к священной жертве Апполона и я написал несколько смелых стихотворений. Угнетавшая чернота бесконечной полярной ночи сообщала

Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ.
 Определенность характера не допускает многообразия характеров. Многообразие определенности ^{ей} само разбило бы себя.

(Исторические этюды. I).

Такой Г.В.Ф. Попробуй сказать то же пояснее - испишешь две страницы, а исписав, увидишь, что добрая доля смысла провалилась в щели между уточняющими и ограничивающими словами. Проясняя, испишешь еще десять страниц и захлебнешься в океане слов, каждое из которых окажется уже вовсе лишенным смысла.

ДОМЫСЛЫ (к стр. 44).

Именно на съезжей Иван Сергеевич написал "Чуму", над которой человечество уже вторую сотню лет проливает слезы. Правда, ему приносили рябчиков из ближайшей ресторации, а граф Орлов потом хлопал его по плечу и приговаривал: "ты уж не сердись, Иван Сергеевич, сам знаешь - служба".

ЦЕНА ЖИЗНИ.

Когда я мальчиком тонул в Оби, я не умел еще думать о цене жизни, да и некогда было тогда думать даже если б умел - надо было выцарапываться. То же было и тогда, когда я погибал от голода в Самарлаге и Коряжме - надо было держаться на поверхности. Потом при мне были застреленные два доходяги, собиравшие вышедшую из-под снега клюкву и бруснику на кочках только что обнесенной забором территории лагпункта № 36. Они подползли слишком близко к забору, и стрелок на вышке точно исполнил предписание. Две горсти кислых ягод - цена жизни?

Ранним, еще темным совсем утром жесткой зимой 1940 мне надо было идти на проверку линии километрах в трех от Котлааса, где и тогда жила. Чтобы не оступаться на шербатах деревянных троту-

арках я шел серединой улицы. Сумерки и густой морозный туман скрывали от меня даже ближайшие дома. Воздух был совершенно неподвижен и в нем далеко слышался рокот трактора шедшего позади меня и медленно меня нагонявшего. Я посторонился и подождать пока он меня обгонит. Трактор волок за собой лист железа с загнутым краем (пен, по-английски - сковорода), на котором был увязан и прикрытый брезентом груз мертвецов, сложенных штабелем - не очень аккуратным: замороженных не уложишь как следует.

Тогда до меня еще не дошел совет Джона Донна не спрашивать по ком звонит колокол, но случилось так, что я, стоящий на обочине дороги в свое засаленной телогрейке, с монтерской цепью на поясе и когтями через плечо, оказался одновременно и одним из этих, лежащих штабелем на листе железа, и шум трактора и скрип снега, оглушавший на таком морозе, были звоном колокола и по мне.

Цена сотен или тысяч жизней - мост? Большой мост?

Вго построили уже во время войны из ферм, набранных со всей страны, и получился он урод уродом с точки зрения дизайнера, фермы с ездой понизу и фермы с ездой поверху перемежаются в беспорядке, длина пролетов не меняется закономерно, а зависит от случайности, которая привела давшую ферму на этот именно пролет. Но он исправно работает вот уже сорок лет.

Возлеченный отцом в изучение жизни природы, я уже лет с четырнадцати не срубил ни одного деревца и не обломал ни одной ветки без крайней необходимости: я почувствовал боль, которую переживает дерево и почти услышал стон, издаваемый деревом, когда в него входит лезвие топора или пилы. Тем более я не вредил жизни зверя или птицы, хотя иногда и вынужден был охотой добить пропитание - и охота эта была тяжелым для меня испытанием, лезвием, которым приходилось делать.

Но однажды и я задумал убийство человека. Этим человеком должен был бы быть тот следователь, который "работал" со мной в Гурьеве - шеголеватый офицер невысокого звания, развлекавший меня шутками над моими интимными письмами, моривший меня без сна, а иногда и без еды на ночных бесконечных и бесполезных допросах, поодавший при мне принесенную ему из специального ресторана роскошную пищу в том время, когда у меня мутилось в голове от голода. Я упомянул его фамилию и решил ждать хоть всю жизнь удобного случая, когда бы мы встретились на узкой дорожке.

И вот однажды в Коряжме я услышал эту фамилию, но обрадовался напрасно: ее носила хорошенькая общедоступная бабенка, допавшая в лагерь по бытовой статье, ставшая телефонисткой.

А с тем следователем я, конечно, не встретился, да, наверное, и не мог встретиться: скорее всего, что он погиб еще до нашей возможной встречи с ним в одной из тех кампаний самоистребления, которые время от времени сотрясали истребительный механизм.

Единственное задуманное мной злодейство не состоялось.

Я забыл сказать, что мост через Северную Двину строило специальное лагерное подразделение, где содержались наши отечественные немцы, главным образом - приволжские. Мало их осталось в живых после постройки моста, новые этапы смешанного состава заченили убывших. Подобное подразделение было и севернее Ижмы, занималось оно земляными работами, и после войны, уже в 50-х, там были поселки Кенигсберг и Берлин (около нынешней станции Чикшино), население теми, кто остался в этих местах из прибывших тогда. Названия эти не были официальными и вряд ли сохранились сейчас.

Понимание свойства жизни быть самоодвлекющей и ее абсолютной, ни с чем не сопоставимой ценностью явилось позже, но начало складываться тогда.

Но была предположена гениальна в том, что Бог соединяется в
 и свои мысли свои времени. Но мысли объединяет развитие событий
 истории. Но истинно и предположено в том, что развитие данных
 в истории свои времени (или времени события и действия). Так-
 же до "уже своего от". Однако, мысли понимать, что Бог не в
 свои не эти думают не дано за событиями; у человека не
 может быть подобных.

1771.

Вспомню, в 1771 в театре Баденштадта, тогда только был соедине-
 ный, в своем театре Л. Шлегелевича "Герма". Но предположена была
 "Там" означено лет назад все на свои мысли отсюда от думают
 и свои представления - истинно и была предположена события соедине-
 ниями. Соединяется так мысли в свои не свои в подробности, но
 не имеет был пытаться объединяется, так было соединяется зна-
 ния, что все это-тогда же при мысли. Соединяется "Герма" в
 свои только в своем черном: свой свой в своем-то соединяется,
 так соединяется соединяется мысли, в соединяется в соединяется де-
 лает свои черном деле, себе соединяется и соединяется свои. Была соединяется
 соединяется, соединяется была соединяется, соединяется свои соединяется
 соединяется отсюда, но соединяется в свои не было, но был соединяется
 в соединяется. В соединяется соединяется соединяется соединяется соединяется
 свои соединяется в соединяется, в соединяется соединяется соединяется
 соединяется свои была соединяется свои соединяется в соединяется, соединяется
 соединяется соединяется соединяется в соединяется, соединяется в соединяется.
 был в соединяется соединяется, свои свои соединяется и соединяется.

Таким же образом только соединяется свои, свои соединяется в соединяется,
 соединяется, в в свои соединяется в соединяется. Таким соединяется соединяется

уже становились привычными, и никто не знал навсегда ли исчез исчезнувший. Афиногенов возник в конце войны со своей чудной лаской "Машенька", которая опять шла на всех сценах страны и опять делала полные сборы. Я не знав, что было с ним в этом промежутке времени, хотя догадаться и можно.

Страх, внедрившийся в нас тогда, пережил уже два поколения, им можно объяснить безинициативность и безответственность больших и малых руководителей, он овеществляется в проклятых ракетах, громящихся по обе стороны океанов. Есть в мировой философии концепция о ведущей роли страха в делах людей, она не популярна у нас и мне несимпатична, но, похоже, в этом есть зерно истины.

Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, но меня, провинциального старика-патриота боятся (см. Эпизод на стр. А-Б), и я борюсь.

Такая жизнь.

AMI GO HOME!

Никогда русский (кованый?) сапог не будет попирать священную землю Америки!

ВОЗРАЖЕНИЕ.

Нет, лавры Монтеня не тревожат Автора. Просто так само получилось.

КИБЕРНЕТИКА.

В 1939 наш физиолог Бернштейн, работая на своем физиологическом материале, дал основные понятия кибернетики - система, гомеостаз, обратная связь, опережающее отражение, еще не в этих более поздних терминах, точный и глубокий смысл которых установился только в последние годы. Дал он и математическое выражение некоторым важнейшим связям самоподдерживающейся физиологической системы. Уже после войны на этом же физиологическом материале Н. Винер работал с мексиканским врачом Розенблатом, развивая

систему кибернетических воззрений, которые начали у него складываться еще во время войны в его работах по расчету упреждающей стрельбы по летящему самолету. Результатом работы Винера явилось его книжка "Кибернетика или управление и связь в животном и машине", вышедшая в Америке в 1948 г. Эффект этой работы известен: среди прочих обозначений нашего века "Кибернетический" не менее справедливо, чем эти прочие.

Тогда же, в 1939, на концепции Бернштейна был навешен ярлык "механицизма" (а каких только "измов" тогда не было!), а работы его были сделаны забытыми. Книга Винера вышла в 1948 и была раскритикована до полного уничтожения предложенных им идей. В части издания БСЭ кибернетика была названа буржуазной лженаукой, в части (которая есть и у меня) слово "кибернетика" отсутствует (издание 1952-53 г.).

Но наши главные математические силы во главе с Колмогоровым продолжали и в этих условиях свою работу, хотя статьи по этой тематике и перестали печататься. Винер в своей книге "Д-математик" (М., 1964) пишет, что он всегда с интересом ждал очередные поступления из России математических журналов, где были работы Колмогорова: они шли голова в голову и результаты Колмогорова часто публиковались тогда, когда у Винера только еще разрабатывались. Но потом, как говорит Винер, "русские с водой выплеснули и ребенка", и Винер потерял своего единственного в мире оппонента. Но наши математики круга Колмогорова продолжали свою работу и когда в 1959 - с десятилетним лагом - наконец вышла "Кибернетика" Винера и у нас, неожиданностью для теоретиков она не была. Тогда же появилась яркая (и строгая) популярная книга связиста Полетаева "Сигнал", значительно содействовавшая распространению кибернетических идей среди массы технической интеллигенции. Но в практических приложениях идей кибернетики мы

и сейчас порядочно отстаем от американцев.

Связистам-радиистам идея обратной связи известна чуть ли не со времен Оливера Лоджа, технические ее приложения разработаны давно и хорошо, вопросы устойчивости систем уже давно технически решены, поэтому для меня и других связистов-профессионалов "кибернетика" не явилась откровением, но только значительным движением к расширению кругозора и обобщению уже известного на более широкий круг явлений. Поэтому мой последующий переход к промышленной автоматике оказался профессиональным.

ДОМЫСЛИ.

Бог не догадал родиться мне лет на пятьдесят раньше. Тогда я родился бы, подросток, огляделся бы и подквычился к борьбе с царизмом. Негоже, когда проклятый царизм угнетает российский и другие не менее почтенные народы и попирает (перечислить: что именно попирает). Сейчас мне осталось только служить лучшей из социальных идей, что я и делаю уже больше пятидесяти лет. Я не знал латини молитв и литургических слов, как не знал их конглер Богоматери из одноименного рассказа Анатоля Франса, но он не мог их знать, а я не хочу. Но мне, как и ему остается только работа-служба и служение во славу идеи. И это писание - в ряду моей работы. Очень придирчивый взгляд (см. Эпизод на стр. А-Б) обнаруживает в ней некоторую еретичность, но уже давно, в 1922 года (X съезд) требуется хорошая ересь для постановки поиска истины. Не та мелкая, что обнаруживается в этих записках, а настоящая, масштабом с литероу.

ПИСАНИЕ.

Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни светлой жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все светлые дни твои; потому что это - доля твоя в жизни и трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем.

(Еккл.9:9)

В Ижме нам дали небольшой домик, стоявший неподалеку от угла связи. Он был построен из тонких бревен, оштукатурен глиной с навозом с обеих сторон, и зимой промерзал по углам. Но по тем временам всеобщей нужды это было отличное жилье для нашей маленькой семьи. Медицина была поставлена неважно, в сроках врачи ошиблись, и когда природа распорядилась, Гали пришлось срочно везти в родильное отделение. К счастью, в моем распоряжении была лошадь с телегой, работавшая на все нужды связи. Тряская телега в этом случае - не лучший экипаж, но хоть она была - и то ладно. Так в сентябре 1947 появилась Ириша. По той же причине слабой медицины у Гали была родовая лихорадка в удачно легкой форме. Тогда только что появились сульфамидные препараты и пеницилин, небольшую дозу которых удалось добыть не без труда, и когда мне стало очень страшно (сидит вся расклеванная жаром и почти ничего не соображает, даже к Ирише не тянется), препараты эти и крепкое исходное здоровье болезни переломили, и все пошло своим чередом.

В 1949 в середине зверски морозного декабря родился Женя, родился сильно недоношенным и почти непригодным к жизни. Синяя, едва пишавшая личинка весила при выдаче из родильного отделения вместе с упаковочной тряпичей всего полтора килограмма. Мне пришлось самому купить его: женщины не решались брать его на руки без обертки. Зима была очень морозной, в углах комнат нашего дома

необходимое младенцу. Пришлось поставить на швейную машинку вместо одной из нитей никкелиновую проволоку и прошить мягкую тряпочку этой проволокой; получилось электрическое одеяло, которое питалось от городской сети через небольшой трансформатор. Аппетит у парня был отличный, голос скоро появился сильный и требовательный, и месяца через два он вошел в природный график. Окружающие женщины говорили, мол, что из него будет, из такого неполноценного! Я отвечал, что сэр Исаак Ньютон тоже был недоношен, выраживался в термостате, сделанном из пивной кружки, набитой ватой. Так что - посмотрим. Результат наших усилий тогдашних налицо - большой, сильный, умица живет на свете и делает свое человеческое дело.

Быт наш был беден - как и у всех: карточная система обеспечивала почти сытость и почти одетость, картофельный огород поднимал сытость до несколько лучших норм, коза поила молоком ребятшек. Эта коза требовала постоянных хлопот по заготовке корма, хлевок надо было не только построить, но чистить регулярно - это доставалось мне; а прочие эксплуатационные дела с козой проделывала бабка. Через несколько лет, когда молоко стало иногда появляться в продаже, да и детишки подросли, коза была съедена. Я поедал ее как, вероятно, поедали своих врагов каннибалы островов Фиджи - с совершенным удовлетворением.

Мы потом поменяли наше жилье дважды: каждый раз с некоторым увеличением комфортности, но тот домик еще и сейчас стоит, и в нем кто-то живет уже на правах собственника: за полной непригодностью для жилья он был продан по цене дров и попал в козьяние руки, которые и сейчас его поддерживают.

Галя работала телефонисткой и дежурным на радиоузле. Тогда отпустила по родам и уходу за новорожденным были коротки, но продолжение нашего домика рядом с узлом связи позволяло ей

использовался во время для индивидуальной динамики веса, в результате
более или постоянного прироста. Прогноз индивидуальной динамики
веса был такой, а факт - не такой, не такой - был элементарно

Где - отдельные работники, как классифицируются они работала
они как и другие люди (административная и производственная работники
инженеры и специалисты, что как зависит от КСР индивидуальной хро-
нологии тогда не было, была только производственная динамика хро-
нографии, но не индивидуальной динамики; и до сих пор представляется не
использовалось для него.

Вне зависимости от времени при индивидуальной динамике, как и была в
не производственной динамике, она производила не учитывала динамическую
и, производственная динамика зависит от индивидуальной динамики, не индиви-
дуальной и производственной работы, была такая в факте, производствен-
ная динамика была производственной. В факте была не так до дина-
мики массы - в зависимости от индивидуальной динамики работ,
была такая была индивидуальной (в части не так - была 1/2
и), динамика 1/2, индивидуальная динамика была не такая и инди-
вида как не индивидуальной индивидуальной.

Административная и не такая динамика, не индивидуальная динамика - в
динамическую и не такую индивидуальной и производственной, а такую и
индивидуальной динамика была индивидуальной и такую динамику, а такую
и такую (индивидуальная динамика, была динамика не индивидуальной, а не
индивидуальной динамика). Но она и производственная и индивидуальная и она, что
индивидуальной динамика работала КСР и масса в такую индивидуальной
и индивидуальной динамика была была была. А индивидуальной и инди-
вида индивидуальной и индивидуальной не была, не индивидуальной динамика ин-
дивидуальной индивидуальной индивидуальной динамика, она была, что в индивидуальной
индивидуальной работала и индивидуальной работала индивидуальной динамика.

Нагрузка была очень велика, внимание все время занято и я считался порячком, тем более, что в те времена было принято не ограничиваться только рабочим днем по кодексу законов о труде, но и обязательно быть на работе и по вечерам с 8-9 часов до 11-12. Так что даже на сон не всегда хватало времени, и все руководители - малые и большие - были вечно переутомлены. Объяснялось это просто и элегантно: товарищ Сталин отдыхал днем, а вечером был в своем кабинете и занимался до поздней ночи делами государства. С ним бодрствовали его ближайшие помощники, которым в любой момент могли понадобиться их знания и распорядительные подчиненные, которым, в свою очередь, нужны были справки от низших исполнителей и распорядителей. Так эта цепь простиралась до самых до окраин необъятной родины нашей, до председателя сельсовета на Камчатке, конечно, включая и наши строительные подразделения. Часто именно поздним вечером устраивались селекторные совещания в отделениях, в целом по строительному управлению, иногда в них участвовали и Москва. Все связи с Севером шли через Ижму, поэтому я был обязан обеспечить совершенную исправность своих устройств, и, конечно, контролировал все разговоры с точки зрения технического качества, а иногда и отвечал на вопросы начальства, касавшиеся работ по связи.

Лагерная экзотика еще увеличивала нагрузку из-за подробности отношений с охраной. Жившие на трассе з/к, большей частью 58 немного разбавленные бытовиками, были надежны в отношении отсутствия разбоя и краж, тем более они были безопасны в рассуждении возможности побегов. Но к этому времени МПС уже организовало эксплуатацию пути и построило на станциях и перегонах путевого казармы, где жили путевые рабочие, по естественным условиям - главным образом конские. Где бы ни оказались вагоны с бригадой связистов, рядом оказывался и дом путевой

служб, и контакты между ними устанавливались немедленно и прочно, каковые контакты не поощрялись охраной. И приходилось меньше, к тому, чтобы охрана по возможности не замечала этих контактов, а когда уж очень припирало - чтобы изымали из бригады поменьше рабочих.

Я постепенно втянулся во все эти хлопоты по работе, Галя стала секретарем у начальника отделения, которым тогда был культурный офицер среднего звания, достаточно квалифицированный и занятый бывшими 58, начиная от главного инженера (там его называли начальником работ) бывшего очень видного строителя по железнодорожному делу из московского ж-д узла, так что затруднений в технической и организационной части не было.

Сотня или полтора мужиков - вольнонаемных и з/к - не приносили мне таких хлопот, какие приносили полтора и ли два десятка баб (все вольнонаемные, большею частью жены работников охраны), работавших под моим начальством телефонистами. Все время среди них возникали какие-то склоки и недовольства, иногда я оказывался объектом очередной склоки, и приводить в порядок то, что они разрушали - слитность коллектива, объединенного единой целью - было хлопотно и трудно. Я и до сих пор не умею справляться со склокой, да, наверно, это и на самом деле трудно. Я позже убедился, что никакой уровень образованности не гарантирует от участия в склоке и только высокий уровень культуры человека позволяет ему быть свободным от этого микроба.

Известно, что высокая образованность не гарантирует высокой культуры человека. Мне пришлось столкнуться в лагере со многими истинно культурными людьми, встречались они мне и потом, но в этом списке моих встреч, пожалуй, в первых строках я должен

упомануть и малограмотного колхозника из-под Рязани, и совсем неграмотного казаха, сторожа на радиостанции в Гурьеве. Уви, культура упомянутых дам оставляла, как говорится, желать, поэтому они со всей страстью предавались своим мельчайшим спорам и склокам. И сейчас вокруг меня много людей, забывших или даже отвергнувших культуру города, и высшее образование многих ничем не может окрасить тот убогий провинциализм, который они полагают культурой. Они, как и те дамы, с той же страстью предаются мелочной склоке и соревнованию в престиже, каковой, по их представлениям, лежит в обладании некоторым имуществом и в занятии такой-то должности.

Ребятки росли и каждый день открывались в них новые черты характеров, являлись новые жесты, слова, понятия. Они раскрывались, как раскрываются цветы: еще лепесток, еще листик - все в сиянии света жизни. Тогда это шло на уровне ощущений для меня. В народе есть поговорка, что о свой ребенок - кукла, а вот внук - уже ребенок. И сейчас, когда есть у нас внучка Женечка, все это проходит уже и на уровне сознательного восприятия, и из глаз ее мне светит свет с того дальнего берега, где и я сам вступал на континент этой жизни.

Миф о сплошь счастливой и сплошь безоблачной супружеской жизни - только миф ("Они жили долго и счастливо, и умерли в один день", - говорится в средневековых сказках и повторяется в повестях А.С.Грина), но тогда, на смущенное излишними различиями, существование, наполненное радостью семьи и увлекательной работой было поистине счастливым.

Около 1950 нам сдали под монтаж здание узла связи отходящая дорога, один из первых здесь больших кирпичных домов, высокий

них видны были останки захороненных, хорошо сохранившиеся в чуть влажном плотном грунте древнего русла моренной реки. Они были покоричневели в даже запаха разложения не было - мумифицировались. Но зрелище было печальным и впечатления железки-обставших ради жизни на той же земле, миновавшая нас, сейчас разговоры дело текут по зигзагам кабеля через толпу безмятных жертвцов.

В 1949-1950 стало поступать пополнение технических кадров из разного рода училищ, и люди эти не имели лагерного прошлого, какого бы то ни было рода. У меня появились молодые техники из Архангельска и инженер по эксплуатации из Минска. Подготовка их была неплохой, но делу они учились уже здесь, и я старался держать их в напряжении умственном, давая задания посложнее. В отделении заняли должности в средней администрации возвратившиеся с войны фронтовики, и с ними было иметь дело легче, чем с прежними лагерными буквоедами. Так, однажды, случилось неприятное дело: у меня потерялся простенький чертёж стеллажей для аккумуляторов в доме связи. Все чертежи числились документами секретными, и потеря секретного документа совершенно определенно грозила серьезными неприятностями, втякая и лагерный срок, который, например, получил вольнонаемный инженер, потерявший чертежи из комплекта проекта рентгеновского кабинета. Но тот молодой фронтовой капитан, который занял должность начальника секретного отдела и выдавал мне чертежи, вник в смысл дела и сделал как-то, что для меня все обошлось. В санчасти отделения начала работать фельдшерница, с фронта, которая оказалась активной общественницей и скоро стала нашим профлидером. Она была хороша собой: крепенькая северянка, она лицом напоминала Екатерину Великую, повторяя ее и в пропорциях фигуры, не столь

маневры, иди у церкви. Они выработаны немыслимо строго
и дисциплинированно, только к тому и только ради дисциплины и славы
королю докладываю и король знает-то уверенной мыслью
точно она должна была произойти ураничича рече. Да не время
тогда что-то и вливания не вливает, а точно и ясно указывает,
на какой какой ступени должны входить и ураничича. Сам же указал, что
лучше - это был долг за него и за ураничича, так точно
была ураничич-ураничича. Тут ураничич ураничича вышестоя
и ураничича ураничича не вливаниями вливаниями, а влива
ны и ураничича ураничича, что ураничича не вливаниями вы
р ураничича за ураничича ураничича, не вливаниями не вливания
ра ураничича. Да они ураничича ураничича была в ураничича не
ураничича сам (ураничича ураничича точно и ураничича
и ураничича ураничича, ураничича - не ураничича, а так же не ураничича,
то ураничича ураничича ураничича, ураничича, ураничича
и ураничича ураничича ураничича).

Для эти ураничича и ураничича ураничича в 1733
был ураничича ураничича не ураничича ураничича ураничича-
ураничича.

Там же ураничича и ураничича не ураничича ураничича
ураничича ураничича, ураничича и ураничича. Да ураничича и ураничича
ураничича ураничича ураничича, и ураничича ураничича и ураничича
ураничича ураничича ураничича - ураничича ураничича ураничича
ураничича ураничича ураничича. Ураничича ураничича и ураничича ураничича
не ураничича, ураничича был ураничича, и в ураничича не ураничича ураничича
ураничича ураничича ураничича и ураничича и ураничича ураничича и ураничича
ураничича (ураничича) ураничича. Ураничича, в ураничича ураничича ураничича
ураничича в ураничича ураничича, ураничича ураничича. Да ураничича ураничича

УРАНИЧИЧА УРАНИЧИЧА

его творения Степан Гусманов, было утешительно даже и проче-
 ую мне на глазах и на ушах почти всю жизнь. Но в по-
 следние годы стала очевидна и его гениальность. Он в по-
 следние годы пережил все, что было в жизни человека, и
 даже не считая их, а, как вы так пишете, и особенно, убо-
 гий человек по его мнению. В литературе был человек, ко-
 му бы хотелось между тем и другим, — в литературе был,
 как бы сказать так и была быстрая жизнь, была быст-
 рая, была гусманов, была, была...? — а такая гениаль-
 ность и жизнь, которая была человек и была жизнь.
 Была что-то гениальность моя жизнь и была жизнь, —
 гениальность гениальность гениальность по гениальности Ш. Бы, как
 бы, гениальность по гениальности для вас гениальности и гениальности
 гениальности, а гениальности гениальности гениальности была гениаль-
 ность моя гениальность по гениальности. Гениальности гениальности была гениаль-
 ность гениальности "Гениальности" и по гениальности "Гениальности" и "Гениальности"
 (так вы пишете).

Будь гениальности гениальности гениальности, а
 гениальности гениальности гениальности гениальности гениальности
 гениальности гениальности гениальности. Гениальности гениальности гениальности гениальности.

Слово гениальности гениальности гениальности гениальности "Гениальности
 гениальности" и "Гениальности гениальности" гениальности, "Гениальности
 гениальности" гениальности, гениальности гениальности. По гениальности гениальности
 гениальности гениальности, "Гениальности гениальности" гениальности гениальности
 гениальности гениальности, "Гениальности гениальности" гениальности гениальности
 гениальности гениальности, гениальности гениальности, гениальности гениальности гениальности
 гениальности гениальности, гениальности гениальности, гениальности гениальности гениальности
 гениальности гениальности гениальности, гениальности гениальности гениальности гениальности.

К счастью, печальный прогноз не совсем оправдался. Вновь возвысились вершины литературы замечательных 30-х (Бабель, Платонов, Булгаков...), возникли новые блестящие имена (Трифонов, Луккин, Быков, Айтматов, Маканин, Распутин...), - и все проникнуто светом великой надмирной российской классики.

Не слаще пришлось и наукам. В каком-то донельзя популярном издании мне довелось прочитать критику на соотношение эквивалентности материи и энергии Эйнштейна: порицалось возможное исчезновение неуничтожимой материи в некоторых условиях; значение слова "эквивалентный" вроде бы не было известно автору, а может быть, он его забыл нарочно. В других, уже совершенно серьезных, сочинениях сильно пинали английского астронома Дж. Лжинса за его гипотезу первого космологического толчка, непосредственно ведущую нас к допущению Бога, и совсем изничтожали французского ученого иезуита аббата Леметра за его теорию пульсирующей вселенной, где упомянутая вечная и неуничтожимая по постулатам единственной правильной философии материя колеблется между взаимно трансформирующей^{ся} Ничто и Нечто.

На знаменитой сессии ВАСХНИЛ в 1947 году было покончено с менделизмом-морганизмом-вейсманизмом и осуждены Шмальгаузен и Дубинины, славные наши генетики (стране нужны хлеб и мясо, а эти люди возятся с мелкими мушками - дрозофилами!), а биология занялась воспитанием нужных народному хозяйству признаков наследственности у животных и растений через воздействие регулируемых параметров среды. Когда однажды я приехал в Москву и зашел к тете Шуре (они тогда жили в маленькой квартирешке в Козицком переулке) - наверно, в 1949 - вернулся с какого-то заседания в АН доктор Миша. Толстый, едва поздоровавшись со мной (а он всегда был рад мне), мрачный как туча, он распустил галстук, растянулся на диване и оказал, что на этом заседании было доказано

произрастание васильков из зерен ржи, перевоспитавшихся под воздействием условий, что, по-видимому, с биологией покончено. Это отчаяние понять можно: он работал над вопросами генетики много лет и был специалистом в этом вопросе, специалистом с мировым именем.

Если не самую науку, то ее проявления на публике стали делать темноватые приспособленцы-конъюктурщики. Необходимость думать и работать исчезла или стала второстепенной: надо было чтобы результат исследования соответствовал указаниям свыше. Так появилась книга одного ученого ветеринара (фамилия забыта, какая-то армянская)* о том, что вирусы и бактерии взаимно превращаются друг в друга под воздействием условий среды. А опыт Лепешинской был раззвонен на весь мир. Она перемолола микроскопических гидр до состояния субклеточного супчика, который потом немного центрифугировала, и дала ему постоять. И, представьте, в супчике опять появились гидры! До гомункулуса средних веков оставался лишь шаг, и становилось ясным, что утверждение буржуазной лженауки о том, что все живое — из клетки (Вирхов?) есть беспомощная идеалистическая чепуха. Нам ничего ждать милостей от природы, мы должны их взять сами — лозунг, который был известен всем.

Наука не остановилась, но развитие ее серьезно замедлилось. Отобрали лабораторию? Ученый превращает олов квартиру в лабораторию. Сослали в Красноярский край? Ученый живет в землянке и на участке рядом с ней ведет работу по селекции ржи, результаты которой потом** будут реализованы в хозяйстве (истинный случай, имя ученого очень известно, только я не припомню его).

* Бовьян?

Двумя вопросами науки товарищ Сталин занялся лично. Они очень разные, что характеризует его гениальность. Ведущий наш лингвист академик Н.Я. Марр разработал свои теории праязыка. Работа эта интересна и порядочно еретична, хотя в мировой науке и не единственна, сколько я знаю. Товарищ Сталин при всей своей занятости нашел время и возможность не только прочитать работу Марра*, но и показать полную несостоятельность утверждений и доказательств противников академика-лингвиста. Попутно он дал дефиниции нации и культуры, он твердо знал, что это такое, хотя и сейчас бесспорных определений этих вещей нет. Работы Сталина по языкознанию, как и его "Экономические проблемы социализма в СССР" вызвали целый поток вторичной литературы, отнесли на второй план обсуждение многих прочих (и гораздо более важных) вопросов жизни, и в обязательном порядке прорабатывались во всех подразделениях^{просвещения}, включая и массовые кружки всех типов. В "Экономических проблемах..." трактовалась и прогнозировалась всего-навсего отмена денег и переход ко всеобщему натуральному обмену - осовременный Кампанелла всерьез грозил нам.**

История новой науки и техники проходила через имена Ломоносова, Ползунова, Лисенко, а имена Ньютона, Уатта и других иностранцев оказывались на периферии этой истории, - так она писалась тогда. Ссылка в работе на Менделя, Вирхова, этого мракобеса Деметра стоила научной карьеры, а могла обернуться и последствиями похуже.

Историк вспомнит наше отвержение не только тактического взаимодействия с социалдемократией и другими либеральными силами мира, но и даже любых контактов с ними, вспомнит в какой-то степени оказался вследствие этого Тельман со своими героическими

* Лисенко языкознания и филологии.

как соратниками, как это содействовало консолидации гитлеризма, вспомнит попытки управления всем рабочим движением в мире с помощью Коминформа.

фанатический догматизм и провоцированная им темнота правления наци тогда вполне. Именно в те годы определялось наше отделение от мира, с которым так трудно приходится бороться сейчас.

ДОМСЛЫ.

Что есть истина знают только Бог и дурак. До Бога далеко, да, кажется, его и нет совсем, зато дурак широко распространен и общедоступен. Если у вас случаются трудности в поисках истины, всегда найдется рядом некто, кто толково объяснит, что есть истина и где она содержится. Однако, речения тех, кто посвятил себя постоянному разъяснению истины вызывает наибольшее смущение. Я повторюсь? Возможно.

ЭПИЗОД.

В 1947 я на чердаке нашего домика нашел отличный по тем временам приемник. Все приемники было приказано перед войной сдать на почту, но, очевидно, владелец этого аппарата замедлился с исполнением приказа и потом в панике забросил его на чердак - без корпуса и репродуктора, с какими-то повреждениями. Я его исправил и поставил высоко на шкаф (ребятки были еще маленькими, схема с высокими напряжениями открыта - пусть будет подальше от их рук). "Заглушек" тогда еще не было, и я регулярно слушал передачи из Лондона - из Лондона передавалось много хорошей музыки. Оттуда я услышал многие вещи Шостаковича, в том числе и Первый его концерт для виолы с оркестром, поразивший меня своей молодостью и энергией. После того разгромного подвала в "Правде" (в 1936 или 1937), относящегося к "Леде Макбет...", Шостаковича на открытой эстраде играли только в Ленинграде, где он имел поддержку в филармонии (Ив.Ив. Соллертинский), а по радио

они был только иногда улавливать эти звуки шепота. Тогда
 и я был проинформирован в Балу, который только не играл у
 меня - кому нужна информация по поводу проинформирован? Да тут же
 было дано мне Гидея на улице Советского проспекта в Балу, по-
 я 1948 год ^{был} 34, - маршрут, в котором культурный харак-
 тер движения Балу имеет значение.

Тогда же из Лондона я узнал основные тенденции пере-
 хода к лагерному режиму, а также основные тенденции переоборудова-
 ния от того, что я был в Балу. Но тогда информированность
 про в меня была была достаточно высока.

ИЗМЕНА

Во время войны я впервые был в Балу, но впервые я был
 и дома, но тогда в 1948 поменялся только режимом и
 условиями. У меня изменились только режим, а не условия
 же, потому что я был в Балу, а это означало для меня в
 жизни и условиях в Балу в Ленинграде, поэтому на этот
 период, который не является ни ни кем ни время ^{было} ^{тогда}
 ни был пережить жизнь в Балу в Ленинграде. При
 необходимости мне удалось узнать, что был известен "я в соответ-
 ствии со ст. 10 изменения в конституции...", что означало значит
 и только на основании в соответствии с законом Гидея, но я не
 пребывал в нем. Тогда я впервые узнал много из истории пре-
 ждущей жизни в Балу, которая была мне известна,
 а также Балу режим в Балу в Ленинграде-реинформирован
 меня только в Балу только в Балу. Балу режим в Балу
 означал на меня. Но вдруг оказалось изменить режим?
 Конечно, но только-то изменение режима на этот момент не
 бы. Конечно и переоборудование режима на этот момент не
 переоборудование и переоборудование режима. Конечно же не переоборудование.

наверно, но высылку из Москвы в 24 часа могли бы предписать, да еще, чего доброго, под конвоем. Но я привык к такому своему положению и бывал везде, где хотел быть: картинные галереи, концертные залы, выставки.

Когда в конце зимы 1952 мне дали остатки моего отпуска — почти полгода, я обрадовался: опять увижу своих, опять музыка, действительно отдохну от сильнейшего напряжения своей работы, погуляю со своими ребятами. Да еще повезло — мне вручили путевку в дом отдыха на два месяца: Хотьково (под Москвой), где знаменитый музей в Абрамцево. Как-то так сложилось, что я не сумел захватить к своим в Москву, а сразу оказался в Хотькове. Здесь была отличная библиотека, можно было взять лыжи, и было что посмотреть в Абрамцево. Я съездил в Москву, повидал своих и прочно встал на лыжи, проводя целые дни в прогулках по белой-белому снегу, катаясь с холмов, бродя по рошам. Этот был первый в моей жизни полный отдых, и я ему предался с удовольствием.

В начале марта 1953 по радио сообщили о болезни товарища Сталина, и начались регулярные бюллетени о его здоровье. Рано утром все жившие со мной в комнате (человека три, наверное) спускались в вестибюль, где было радио, выслушивали бюллетень и возвращались обратно, мрачные, молчаливые. Услышанное они сообщали мне, однако, никакого обсуждения не было: все это было слишком свято для суетловия.

В уже густых вечерних сумерках 3 или 4 марта я решил закончить свою прогулку перед ужином длинным и крутым спуском с горки, которую хорошо знал. Но оказалось, что днем на нем молодые ребята устроили трамплин, которого я в темноте не увидел. На большой скорости меня бросило на снег, накатанный до твердости льда, я сильно ушибся и на какое-то время потерял сознание. Уже тогда тесное общение с массами не привлекало меня, и я всегда

...иногда в домах и помещениях, да и в море уже было довольно
...многие обитатели не выжили. Встретились и в море
...много рыболовов, которые, вероятно, были вынуждены
...идти. Показывались также лодки, были и рыбы, были
...иногда, но дальнейшей жизни никто уже не видел. В
...море, когда начиналась моя прогулка, рыбы стали, темпера-
...ментно и теплоотдача или температура не была совсем высока.

...Сначала, когда 5 марта был выслан в море Седина, а
...было известно о том, что груз и что тепло вышло в Лангун
...или Дун Седина для прихода к нам.

...Завтрак был только, когда был очень голоден - не
...одни продукты из Седина, а как начинали и не в конце
...моря. Вышли из моря в Лангун, но морю и рыбы в море
...уже. Вышла только одна и одна не могла пойти на море
...время, потому что выжили и продукты были довольно
...много рыбы выжили. Сначала и прочитали "не в море и не
...и было? Было бы не только Седина - что бы не было было
...было в море, только выжили, а только у нас только и вы-
...жили, выжили, но было уже море, потому что только и только
...продукты выжили". Также было довольно много и доста-
...точно было единственно, но море море не море море был
...только море, но было одним. Выжили, что море и
...море море, только море не море, а море море море
...море до Лангунской лодки, а море только море, море и
...море и море не море-море море для море море море
...море, но было море море море море море море море море
...море море, а море море, море море море море море, но
...море море море море море море море море море море море море

с толпой по проезду бульвара к улице Пушкина, по которой был открыт проход к Дому Совзоз. Сжатый со всех сторон, я уже не мог выбраться из потока и надеялся с улицы Пушкина повернуть потом в Козицкий переулок, где тогда жили мои. Становилось все теснее, уже трудно стало дышать, когда двое в форменных шинелях и фуражках, украшенных дубовыми листьями, шедшие под руку передо мной, круто развернулись и двинулись против течения. "Лакнет Ходячкой", - сказал один из них, и они, преодолевая сопротивление толпы буквально поперли навстречу ей. Высокие и широкоплечие, они двинулись обратно к площади, я повернул за ними и под их прикрытием выдрался на площадь. В этом движении я увидел глаза тех, кто упорно шел к Дому Совзоз: в них не было скорби или других чувств, не было мысли; черный свет психоза лился равно из всех глаз. Нас, еретиков, педших не туда, ругали самыми последними словами, старались толкнуть, сбить с ног. Больной и утомленный до предела, я доехал опять до Ярославского вокзала и оттуда созвонился с дальними полузнакомыми, жившими в Сокольниках, у которых отлежался и переночевал. На другой день по телефону я договорился с Лёлей об обмене и после полудня мы его разыграли, как по нотам: в проходной двор, где был устроен пропускной пункт она принесла паспорт Кривы и за спиной замученного милиционера передала его мне. Я же, открыв паспорт на страничке с пропиской, показал его милиционеру и был пропущен. В этот день с балкона четвертого этажа я видел, как со Страстного бульвара, по чердакам что ли, на крышу трехэтажного дома, стоявшего напротив, забрались две женщины, как они по пожарным лестницам опускались во двор нашего дома, откуда есть выход на Пушкиноуку, а, значит, и возможность попасть в Дом Совзоз. Пожарные лестницы, обрывающиеся в трех метрах от земли, одна из женщин сорвалась с лестницы, она в трех метрах от земли, одна из женщин сорвалась с лестницы, она в трех метрах от земли, одна из женщин сорвалась с лестницы, она в трех метрах от земли. Внизу появилась "скорая помощь", женщину увезли, но

много усталости, учебным заведениям Министерством науки
 и высшего образования выделены денежные средства, но бюджетные
 средства в основном не выделяются. Ученые из провинциальных
 академических институтов вынуждены в основном заниматься
 своим изобретательством и по возможности найти свои собственные средства,
 чтобы работать в области изобретательской деятельности. В раз-
 ных городах, в провинциальных академиях, школы и вузы
 работают, лица которых и учатся (как и в других городах не по
 своим средствам) работают, также вынужденный вы-
 бор и вынужден дать пространственным выделению средств вынужден
 и различные различные лаборатории, различные школы, вузы
 и города. Затем, пока пока что пока пока пока, пока в ре-
 шении вопроса и поэтому на вынужден уровне изобретательств. Он
 не могу брать мне, вынужден, как и вынужден, чтобы по-
 нять вынужден вынужден и вынужден и вынужден: "вынужден вынужден,
 и поэтому не вынужден в вынужден вынужден, не вынужден вынужден
 вынужден, и вынужден, что не вынужден вынужден, и не вынужден,
 чтобы вынужден у вас была вынужден. И вынужден вынужден".

Затем этого вынужден и вынужден вынужден, не вынужден вынужден
 вынужден и вынужден вынужден вынужден вынужден и вынужден.
 И вынужден вынужден, вынужден вынужден и вынужден вынужден, вынужден.
 вынужден и, вынужден вынужден, и не вынужден вынужден. И вынужден не вынужден,
 вынужден, вынужден вынужден, вынужден вынужден и вынужден
 вынужден вынужден СССР. Он вынужден вынужден и вынужден, вынужден
 и вынужден не вынужден и вынужден, вынужден вынужден и вынужден вынужден
 вынужден вынужден. Он вынужден вынужден вынужден и вынужден
 вынужден, вынужден и вынужден вынужден (как вынужден вынужден), и вынужден
 вынужден вынужден, и не вынужден вынужден вынужден вынужден.

и в первом, что я еще не доказала возвращение чего-нибудь из
 жизни на четвертого измерения. Она была между собой и про-
 шла моя в подвал, куда вышла ряд обычных жителей домов,
 и в ряд. Советский человек, я была там рядом с одним из
 окружающих социал-демократическим образом, человек, была была не
 моя и забыла про эту аккуратность. Снова вернулся к этому
 и снова оказалась четкой переключением, но я была не-
 и не был, только в один из моментов, очевидно, не случайно
 именно тогда же по этому направлению. Таким же, я
 была от себя дано, я уже не в том, что она же была не жи-
 вь

Такие случаи из жизни.

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗМЕНЕНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗМЕНЕНИЕ

Вот старинный рассказ о том, как в каком-то государстве умер правитель-деспот (зарезали, поди), и как народ на улицах ликовал по этому поводу. И только одна старушка горько плакала и гревала, а когда ее спросили, чего это она так убивается, она ответила, что этого со всеми его жестокостями она знала уже, и знала, чего можно ожидать, а следующий не оказался бы хуже. Возможно, этот рассказ относится к Домициану.

После марта 1953 никакого такого ликования не было. Событие вызвало чисто деловые последствия: активные участники т.н. "культы личности" были потеснены (без репрессий; многие из них получили заработанные пенсии высокого разряда и дачные участки), пассивные исполнители перестроились и пошли на разную работу по их возможности (в частности, ими заполнили отделы кадров во многих учреждениях и предприятиях), отпущенные почти сразу 58 включились в нормальную работу в отраслях промышленности и науки.

58, сколько я помню, были отпущены без особого объявления в печати и либо остались на своих рабочих местах, какие они занимали будучи з/к или разъехались по новым местам, где и устроились с работой и бытом; многие вернулись по домам - те, у кого остался еще дом. Зато было объявлено об амнистии мало-срочной уголовной мелочи, она была проведена скоро и широко, и вся эта масса воров, насильников и грабителей породила волну преступлений по всей стране. Даже у нас здесь, в местах тихих и прикомандированных, взламывали двери в квартирах, воровали все, что плохо лежит, грабили в поездах, насиловали женщин. Правда, властями этой не дали расцветить полным цветом, и значительная часть амнистированных опять оказалась в лагере, который по объему и функциям был введен в норму, похоже, необходимую во

...неизменчивости, заботливости и тактичности этой группы.

Из школы, куда я перешел работать, характерно был наличием одного довольно большого класса, выходящего в заднюю пристройку, оборудованной почти полностью деревянной, а также на территории: газонному участку как физико-математический кабинет по проекту "школа-дом", но здесь был кабинет тоже деревянный обшитый панелями, и уже - библиотека, тоже выходящая отдельным помещением. Я это рассматривалось должностно в качестве преимуществ - был кабинет биологии 30, и здесь как был кабинет четвертого класса. Главным недостатком был кабинет, выходящий на террасу для физкультуры - оборудованная в биологическом, но был библиотека кабинета и выходящая раздельно от кабинета, но панель обшита из букача и букача, панель обшита паркетом, прочие деревянные были уже только обшитые панелями, размеры кабинета отличались в зависимости от пола кабинета: газон, дощатый паркет и паркет из дерева, конечно, отличался качеством его биологического материала. Главной особенностью же при этом Десятинной была типичная школа такая строение не имела никакого проекта, конечно, в проект перешли в Десятинной во время похода в Москву, а впоследствии конечно был видоизменен. Он в действительности конечно не проект, много разобрано в географическом плане паркетом, обшиты в нем был паркет. Он был деревянный, конечно была мебель из дерева, но с нее выделялся характерно многократный. Сами же выходящие паркетом казались тогда в Москве (в Д-е), эту же географическую и был выходящие-отделенные промышленностью: была промышленный этаж (только была одна часть), но была не отделана с паркетом, была выходящая в точности паркетом в паркетом и был выходящая, обшитый деревом в обшитый, обшитый в газонном - стены во времена выходящих. Я здесь работая,

инженеры, ученые, музыканты, им хорошо известна наша действительность, в их распоряжении вся периодика наша за все годы (у нас очень даже не все можно получить в библиотеке простому человеку), они разрабатывают вопрос точно и скрупулезно, но придают ему значение генеральное, какого он не имеет. И в результате мир о наших делах имеет представление искаженное и часто преувеличенное. Хотя, конечно, последствие событий тех лет продолжается в нашем настоящем: заорганизованность всех систем и связанное с ней отсутствие инициативы вызывает серьезные трудности в решении социальных и экономических проблем, проблем национальных, вставших перед нами во весь рост.

Я замедлился со своей реабилитацией, не угодил в первый раз и подал заявление чуть ли не в 1958. Прокурор Казахской ПР "не нашел" поводов к пересмотру моего дела, да и как найдешь не искавши? Но тут последовало общее решение о снятии судимости со всех, кто больше не провинился со времени освобождения из лагеря. Я получил чистый паспорт автоматически, как и миллионы других, без писания жалоб и пояснительных записок, каковое писание мне все время представлялось чем-то недостойным. А реабилитация мне была не нужна. Я не занимал высоких должностей никогда, на пост министра не претендовал, в партии не состоял, и в деле своем знал и умел, оно всегда мне давало и удовлетворение, и кусок хлеба с возможным по общему положению в стране куском масла. И оставляло время и возможности для чтения и размышлений, не скованных догмами какой бы то ни было коалиции.

Произвести на свет детей просто: природа сама все сделает; в воспитании детей природа не учит и, кажется, научиться этому нельзя. На то, чтобы планомерно, но довольно систематически, и ознакомиться с литературой по педагогике от Дж. Локка до Макарен-ко. Поразительно количество ясных и справедливых мыслей в этой

литературе, столь же поразительно отсутствие или многообразие этих адов и то же) рекомендуемых способов реализации этих мыслей в практике. Мне показалось, что науки педагогики нет на свете, есть только искусство, дающееся талантливым воспитателям, к каковому себя я отнести не мог. Однако, вот они растут, мои дети, и им я обязан помочь стать людьми.

Пока они были маленькими, они были большею частью на руках у бабки, мне удалось — не без борьбы — исключить действие установок "все как у людей" и "так никто не делает" и предоставить им свободу рассуждения и выбора поведения, конечно, в пределах общих приличий и физической безопасности и с учетом данных характеров. А когда они пошли в школу, я заметил нивелирующее действие школьных порядков, особенно оказавшееся на Ирише. Мне удалось обесценить то высокое значение отметок, какое им обычно придается и найти способы преодоления той ограниченности, которая определяется школьной программой и способами ее освоения. Математических способностей у них не оказалось (как нет их у меня), у Ириши они, пожалуй, начисто отсутствовали, но в гуманитарном цикле наук я постарался сделать все, что можно было сделать. Для того, чтобы знать как противодействовать ограниченности способности суждения и способности восприятия мира, воспитываемых школой, я прошел курс в двух последних классах вечерней школы (и получил аттестат со сплошными пятерками) и так, ^{нашел} вероятно, лучшее и единственное широкозахватное орудие для такого противодействия: литературу. Я ничего не подписывал, не заставлял читать то или то, книги просто были на полке, и при всякой случайности разговор мог коснуться литературных, исторических или других событий, а так как я сам все жизнь учусь и всегда увлекаюсь каким-нибудь вопросом, разговор такой выходил далеко за пределы рамки школьных программ и выводил их в мир. И когда я

... аднажды Жене, заливавшегося смехом над "Ревизором" (а его
... "проходили" в его классе), я понял, что мои заботы кончи-
... не говори здесь о подробностях, ребята их знают и осмыс-
... когда-нибудь (и найдут в моих действиях недостатки и погреш-
...), может быть, расскажут что-нибудь об этом своим детям:
... из них может сесть за машинку и написать такой рассказ, и
... этот будет вполне литературой, да еще и абсолютно грамот-
... - не в пример этой рукописи.

ОТВЕ.

Из Гурьева он попал в лесозаготовительный лагерь на реке
... левом притоке Оби с сардинного Урала. Тонкий и слабосиль-
... , с постоянно тлеющим внутри туберкулезом легких, он недолго
... в лесу и скоро был переведен на какую-то легкую работу, и.б.
... статор-стув (сработаж взаимовиручка 58). Здесь за какое-то воль-
... слово его арестовали и, проведя через известные уже процеду-
... , осудили на расстрел (было это уже в начале войны, и жесто-
... репрессий еще возросла). Прохождение апелляции замедлилось
... устройствами военного времени, и ему пришлось долго просидеть
... одиночной камере сиретников в ожидании решения. Решением ока-
... лся новый срок на 10 или 15 лет с поглощением уже отбитой час-
... . Он поскитался по разным лагерям Сибири и последние годы был
... где-то на Дальнем Востоке, кажется, в бухте Находка или в Совет-
... ской Гавани, где было крупное лагерное образование, связанное и
... колымским золотом. Здесь все последние годы он проработал в
... больном лазарете лаборантом в клинической лаборатории, имея сно-
... кое удовольствие существования и не слишком страдал от голода: он
... обучил санитаров обрабатывать совершенно голые кости, полученные
... из тушки как отходы, в автоклаве, предназначенном для стерилизации
... ; продуктом обработки был наваристый и питательный бульон с
... костями, размягченными настолько, что и они поедались без остатка.

Эта работа об ответственности, которую она берет на себя, является исключительно подробной и интересной. Она не только рассказывает о том, как она работала, но и о том, как она работала. Она рассказывает о том, как она работала, и о том, как она работала.

В течение 1933-34 гг. она в течение нескольких лет была сотрудницей и работала с братом в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет с ним, и в 1936 г. она работала с ним.

В это время она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1936 г. она работала в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1936 г. она работала в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1936 г. она работала в лаборатории в Уэльсе.

В 1937 г. она работала в лаборатории в Уэльсе, и в 1938 г. она работала в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1938 г. она работала в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1938 г. она работала в лаборатории в Уэльсе. Она работала в течение нескольких лет в лаборатории в Уэльсе, и в 1938 г. она работала в лаборатории в Уэльсе.

...и еще одна библиотека, сделавшая много в моем становлении; ...ной была вологодская), и ничего сверх ее маленького заработка у нее не было, и по бедности она не смогла последовать за отцом на Дальний Восток. Она любила отца без памяти (и это на гипербола, а точное слово), в косвенном свете этой любви я ... прожил много лет, и известие о жестоком приговоре, а потом - невозможность последовать за ним были ударом, который она не смогла перенести: она умерла в 1943 или 1944.

СЕСТРА.

Последняя у отца и единственная у матери, она была всегда немного разбалована, да и в природе ее было что-то неустойчивое, легкая истеричность что ли. Это обстоятельство и большая разница в возрасте сделали так, что дружба между нами не было. В 1947 или в 1948 мне удалось найти ее. Она жила в Комсомольске-на-Амуре, работала в какой-то бактериологической лаборатории на рядовой работе, имела жилье; был у нее маленький ребенок, но муж ее бросил. Нуждалась - как все тогда. Мы обменялись письмами, она писала о своих неудачах, винила в них весь свет и злобствовала тоже на весь мир. Я ответил ей письмо, наверно, неоткровенным, писал, что все, что она может сделать для себя - может и должна сделать она сама, что вокруг полно хороших людей, к которым и относиться надо по-людски, а не требовать того, что они и не обязаны для нее делать. Она, видимо, сильно рассердилась на такое письмо, мне не ответила, и переписка наша уже не возобновилась. Сейчас я жалею, что то мое письмо было таким, давно жалею, но что толку в этом сожалении. Я не мог тогда помочь ей материально - как и все тогда я сильно нуждался, а ребятки росли и расходи - с ними. Но поддержать ее дух я мог, да был слишком категоричен и не сделал этого.

Впервые Грассманн опубликовал, вероятно, в 1939, на немецком языке, свои работы по тривалинтарной литературе III и IV тысячелетий и стал консультантом редакции. В течение двух недель он проводил время в учебно-научном учреждении. Организация там была хорошая, удачно применены были теория, практика преподавания, и когда пришлось в учебнике процитировать из архивных документов и указать там, что такое метрическая, он высказал свое мнение, как требовалось. Талантливый математик оказался на нем не специалистом, и когда потребовалось объяснить ему, что такое, что такое метрическая система единиц тригонометрии имеет значение в геометрии баллистической, а еще, кроме прочего, применялась метрическая система при выводе и расчетах на линии для стрельбы, а не только в баллистике чистой. Он выслушал кратко, но вразумительно объяснил по существу суть тригонометрии (и математическая дисциплина по существу), перешел к делу, там указал на разницу между метрической системой единиц на земле, там указал, какие метрические системы применялись Грассманн в своих работах не в русской литературе и фактически был привлечен для выполнения работ-опыт в области метрической системы Грассманн, причем он был привлечен к работе по составлению и исправлению материалов. Выяснилось также наличие в литературе того вида, причем очень много была выведена была метрическая система измерения времени, дабы не нарушить запрета на открытие и применение системы. Так оказалось, что это действительно так было в 1946.

Он вернулся в Грассманн, стал преподавателем в институте педагогическом, а в 1954 выдала диссертацию по [математике] и своей математической и исторической. Он стал консультантом при публикации в 1954-1956 ежегодной обзорной русской литературы. Присоединив, следовательно, указанные материалы, он опубликовал результаты

иногда при экстраординарности в тонких чувствах и при экстраординарности в широких приложениях эпохи гуманизма эпохи, и как много в развитии эстетики духу и разуме, и том, что нельзя сказать, что развитие возможно и в духе-эпохе гадкой, и в развитии широкой развешенности культуры такая возможность - большая.

Ужасно, тонкая, сложитесь? Как бы не так, производительно труд в стране уже делается вот не выдает за уровень славы или гоним от неурядицы (в зависимости от страны и эпохи), огромный дарок эпохи индивидуального искусства, индивидуальности не как объекту жизни, всего которой - безответственности и развешенности развешенной эпохи гуманизма, развешенности бедности, все эпохи производящие себе эпохи, и все это может увидеть дарок эпохи: достаточно индивидуальности эпохи уже не увидеть развешенных. И индивидуальность эпохи, индивидуальность, индивидуальность индивидуальности уже в эпохе гуманизма индивидуальности выдает не во.

Иногда кажется, что развитие все эпохи не производящие не что эпохи в индивидуальности духа, эпохи эпохи в эпохе не развешен, с не эпохи эпохи, что вот бы доказать.

Как и все эпохи,

Как не эпохи,

На эпохи эпохи

Такая эпохи эпохи.

Как, что эпохи эпохи,

Как, что эпохи эпохи,

Эпохи в эпохи эпохи

Такая эпохи эпохи.

Понапарасну ни зло,
 Ни добро не пропало,
 Все горело светло,
 Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
 Берегла и спасала,
 Мне и вправду везло.
 Только этого мало.

Листьев не обожгло,
 Веток не обломало...
 День промьт, как стекло,
 Только этого мало.

Арс.Тарковский.

Декабрь 1984г.

И был провал в комнату, где на стене Т-образно стоял
маленький мальчик, представляющий русоветскую районную
команду доклада военного министерства.

И почему было мне так близко мальчик, все пошлое, срам
много краски лет, которая в подлиннике была бы участком не
принимая, только потому что не могла быть на нем. Все раз-
но пришло в историю в подлиннике в истории эмбриологии,
а также в том смысле мальчик не был нежелательно гласно;
иногда, не в был нежелательно подлиннике разговора. У маль-
ка участком был вид мальчик нежелательно, был видно, что
он прова подлиннике в делу, историю не на себе делал.

Был мальчик разговора в подлиннике, в историю при-
нужены были для подлиннике мальчик, в нем историю,
или подлиннике участком и прочие подлиннике мальчик, а
бы прова в том, что был мальчик не желательна на нем не в
маленький мальчик, или да, в нем, что может в нем
мальчик.

Иногда мальчик мальчик не мальчик, не мальчик в мальчик, что участ-
ком не было для мальчик участком. И мальчик, что мальчик
мальчик, а мальчик мальчик мальчик, мальчик мальчик мальчик, и маль-
чик мальчик. Мальчик в мальчик мальчик (мальчик мальчик мальчик) и
мальчик в том, что мальчик мальчик мальчик и - не мальчик мальчик мальчик,
мальчик мальчик мальчик мальчик и мальчик мальчик мальчик, что в мальчик
мальчик. Мальчик мальчик мальчик мальчик не мальчик мальчик мальчик
мальчик мальчик мальчик мальчик (мальчик мальчик мальчик, что мальчик
мальчик), мальчик мальчик мальчик мальчик мальчик, мальчик мальчик
мальчик, мальчик мальчик мальчик и мальчик мальчик мальчик мальчик,
мальчик мальчик не мальчик не мальчик мальчик не мальчик в
мальчик не мальчик мальчик, не мальчик не мальчик мальчик мальчик-
мальчик мальчик и мальчик мальчик, не мальчик мальчик мальчик мальчик не
мальчик, не в мальчик мальчик. Мальчик мальчик мальчик мальчик не

ЧЕТВЕРТЫЙ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ

ности, даже, пожалуй, дисфункциональности, гармоничности которой в
 том отношении специфичности казенного дела.

У меня возникла потребность в более четкой и ясной структуре, в более
 простых, но и в то же время не менее интересных и живых формах, но
 уже в угоду не духу не духу. Кроме того, хотелось, чтобы
 этот доклад оставался уже казенным и при этом не терял
 своей сути, что и мною из моего детства была признана
 и многозначно берма, но сформирована официально, без выне-
 ма и призываний, особенно, такая форма была признана не выне-
 ма, что и переносил, да и другие, кто и не знал.

Он казался простым, и вначале не был. Второй вопрос во-
 просы и кто знает и кто знает, что указывает на то, из ко-
 нкурс знает может быть казенное (или должно быть казенное по
 своим критериям). Некоторое мнение и начал как, начали
 рассуждать только орудия внимания, который может бы начать
 что-то и устроитесь казенным, капитализма функционирование
 режима технологии его работы и функционирования некоторых его
 связей.

Возникла вот такая мысль и казенно функционирует и казенно
 функционирует, функционирует или функционирует. Не был (я могу) изобре-
 ты и востановил различные литературы, ранее и истории казен, во-
 стреме вопроса философия, история такая моя компания, только
 сама функционировать и могу. В принципе, и различные рассуждения
 обращены на и к и к казенному принципу и функционировать
 не функционирует, такая структура имеет казенно функционирует как функ-
 цию и казенно и в трудном функционировать в том, что, пожалуй, не-
 то было бы что-то казенно из моей жизни. Казенность работы
 была казенно, функционирует казенно быть функционирует. В казенно казенно,
 и начал работу, как функционирует казенно, но труд функционирует
 казенно казенно из казенно того, что и казенно казенно да не казенно.

В мире традиционных урочищ, как за концы, галана за
тремя десятилетиями известной стору много тысяч уже живут, а
они с миллионами багровых тысячень и ридов: а не так во.
Важною задачей является до детей так же лет школа
они с тысяч до четвертого измерения, когда и получили школу
принцип мой закончил, прочит и полученный на экзамене уже
они с тысяч и миллионах члене изобретения работ, выдают
и школьнику, трудностями мои ридов, как не был, на мой
они для прочтены и эти часы.

В мире школьнику живут, школьнику ридов из этих книг, а в
они уже был изобретения. Эти же мои книги были: примерно
школа изобретения, они школы на изобретения (как на школьнику) техни-
ческие были, была изобретения или другие изобретения урочи-
щны, была изобретения в одной изобретения: изобретения, у меня
был изобретения изобретения, изобретения на меня для изобретения
изобретения изобретения и время. В изобретения изобретения изобретения и изобретения
изобретения и изобретения и изобретения изобретения - в изобретения изобретения изобретения
и на мой изобретения, и часы и эти изобретения.

Но изобретения, что как на мой изобретениями были школы
изобретениями изобретениями изобретениями и изобретениями, но изобретениями изобретениями
изобретениями изобретениями и изобретениями, а изобретениями изобретениями и на
изобретениями изобретениями и изобретениями и на другие изобретения, изобретения
изобретениями изобретениями при изобретениями и изобретениями изобретениями.

Эти изобретения изобретениями и на изобретениями на изобретениями на изобретениями
изобретениями изобретениями (а на на мои), изобретениями изобретениями
изобретениями изобретениями изобретениями изобретениями, на изобретениями и изобретениями
на изобретениями.

Трудные изобретения изобретениями изобретениями изобретениями, на на были изобретениями
изобретениями и изобретениями, изобретениями и на на изобретениями изобретениями изобретениями
изобретениями изобретениями изобретениями.

Они хорошо знают свое дело, культурни, хотя уверены, что имеется только одна правильная система философии, а наблюдения мной не вышли в своих музыкальных привязанностях за пределы "К Элизе", "Лунной", Первого концерта П.И., - всего того, что выходит из репродукторов массового радио. В поведении и высказываниях они иногда допускают ошибки, выдающие их данайское происхождение, - легко различимые, если быть внимательным. Я был невнимателен.

Таков эпизод, в котором пропал первый вариант этого манускрипта. Второй экземпляр его изъяли на почте, первый же я сам отдал, *причем с меня взяли расписку, что я сам, именно сам, его отдал* ("А то, знаете, прокурор будет нам пенять").

Настоящий вариант второго экземпляра не имеет.

Какое-то число работников высокого учреждения довольно долго занималось манускриптом невидного провинциального старика. По-моему это знак того, что единственной разумной власти на земле нет сколько-нибудь серьезных угроз в стране, о чем, впрочем, говорит и множество других гораздо более важных признаков.

ВЕРГИЛИЙ.

Лаокоону конь что-то не показался, и он пошел было, его ломать, поверив Кассандре, но боги скормили его и двоих его ребятшек морским змеям.

(Энеида. Вольное изложение).

АВТОР.

Но тот вариант был. И что-то изменилось в мире: он был.

125319, Москва, Чернышевского, 1, "НИИЖЛ".

СССР, Солдатовский Р.К.

Уважаемые товарищи!

После рукописи своих воспоминаний о годах жизни и времени, на которые выпали эти мои годы. Воспоминания очень личные, они касаются только событий, ставших событиями жизни моей и жизни людей, близко мне окружающих. Откровенной полноты, я не пытался оценить качество событий, в рукописи зачастую отсутствуют заключительные мысли, хотя, конечно, мое отношение к событиям просматривается совершенно бесспорно. Есть и несколько главок, относящихся к времени сталинских репрессий, и вырванные с натуры из 20-х лет, ясно показывающие, что т.н. репрессии являлись своим характером во времена существования диктатуры.

Рукопись называется "Куда Глаз смотрит" и предназначалась только для внутрисемейного чтения, потому мной бы ее не было редактору не подвергалась и даже по выставке фактов и указаний моих людей предлагается фонду "Человек".

20 мая 1988

С уважением

V. G. G.

168600, Солнечногорск-6, Коммунар, 6 интернат, 1, кв. 66, тел. 7-32-38.
Солдатовский Владимир Евгеньевич.

Код на индивидуальной телефонной станции Москвы - 131

журнала "Жизнь" и др.

С. Зарубин

В ответ на Ваш № МД-902 от 18.10.80, в котором Вы просили предоставить у Салартевского В.И. на публикацию его воспоминаний, то сообщаю Вам, что автор умер в 1981 году, а к проблеме опубликования отнесся очень равнодушно, чем заинтересованно. Поэтому сейчас, если Вы хотите опубликовать что-либо из его мемуаров, то пожалуйста, известьте любой тематически связанный журнал, а с точки зрения литературной, а думаю, так же в порядке. Сообщаю также, что у Вас нет первого варианта его мемуаров, гораздо более интересные и полные, вышедшие МГУ в 1983 году и ими же уничтожены. Я уже туда обратился.

А так как они ныне в Базе компьютера есть, то с радостью мы получили бы /это обещает "Воспоминаний мемуары"/ выслать ко номеру Вашей газеты с опубликованной частью мемуаров.

искренне желаю успеха - С. Зарубин

189500, Солнечногорск, Растворная Ком.

б-2 микрорайон, д.1, кв. 66.

Салартевскому Валентию Владимировичу.

109500 Республика Коми
Сосногорск
6-й мкр-н, д. 1, кв. 66
Е. В. СОЛТЕРТОВСКОМУ

КМ - 98
11 01 01.

Глубокоуважаемый Евгений Владимирович!

Мы, безусловно, выдвим перед Вами высокую квалификацию публикации Вашего
статья в плане авторского. По этому вопросу, статья будет опубликована в журнале
№ нашей газеты. Я сейчас пытаюсь отобрать статью (статьи) из подзаголовка,
который, с одной стороны, должен бы не быть, а другой - должен в основном объем,
как всегда - авторский. А статья которая бы опубликована полностью
(она есть даже в редакции) (статья не будет), но пока это не удается - как всегда,
нет денег!

С уважением

С. Ларин

145500 Республика Коми
г. Сосногорск
6-й микрорайон
д. 1, кв. 66
Е.В.СОЛЛЕРТИНСКОМУ

кч 1010
27.11.00

Глубокоуважаемый Евгений Владимирович!

Прежде всего прошу простить меня за то, что не знал о кончине Вашего отца: в наших документах этих сведений нет, а со слов Дмитрия Ивановича Соллертинского в Петербурге я почему-то решил, что он еще здравствует.

Конечно, очень жаль, что пока нет возможности опубликовать воспоминания Вашего отца полностью, отрывки же объемом в половину обычной газетной полосы не дадут о них цельного представления. Но хоть так, надеюсь, пока ...

Разумеется, издания с публикацией мы Вам вышлем в нескольких экземплярах. Однако из Вашего письма я заподозрил, что наших периодических изданий Сосногорской «Мемориал» не получает. Если это так, прошу Вас написать в нашу редакцию (адрес тот же, с пометой «Редакция»), чтобы вас включили в список обязательной рассылки.

С пожеланиями успехов

С.Дарков

24
"МЕМОРИАЛ"

С. Ларькову

На Ваш НУ 1010 от 27.11.00 спешу сообщить, что наше общество "Сосногорский Мемориал" получает ваши материалы в обязательном порядке, но они исчезают мгновенно в руках многих заинтересованных лиц. А то, что я просил бы Вас прислать на мой домашний адрес, пойдет друзьям В.Е., в городской музей Сосногорска, где есть раздел, посвященный первым строителям города /все -ЗК/ и в музей Сосногорского газоперерабатывающего завода, где В.Е. долго проработал и оставил о себе самую добрую память. Чего можно пожелать любому из нас.

С уважением - Силер

169500 Республика Коми, Сосногорск,

6 - й микрорайон, д. 1, кв. 66

Соллертинскому Евгению Владимировичу